

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**СОЦИАЛЬНАЯ
СТРАТИФИКАЦИЯ
НАСЕЛЕНИЯ КАВКАЗА
В КОНЦЕ АНТИЧНОСТИ
И НАЧАЛЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ДАННЫЕ**

СУХУМ, 31 МАЯ – 5 ИЮНЯ 2015 Г.

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
НАСЕЛЕНИЯ КАВКАЗА
В КОНЦЕ АНТИЧНОСТИ И НАЧАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Сухум, 31 мая – 5 июня 2015 г.

**Москва
2015**

УДК 902/904
ББК 63.4
С69

Международная научная конференция проводится при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-12501г(м)

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
доктор исторических наук А. В. Мастыкова

Рецензенты
кандидат исторических наук О. В. Зеленцова
кандидат исторических наук Н. В. Лопатин

C69 **Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции.** – М.: ИА РАН, 2015 – 92 с.: илл.

ISBN 978-5-94375-179-0

В издании публикуются материалы международной научной конференции «Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные», прошедшей в г. Сухум (Абхазия) 31 мая – 5 июня 2015 г. В работах участников конференции рассматриваются проблемы выявления критериев социальной стратификации древнего населения обществ Кавказа и сопредельных территорий, проводится их сравнительное изучение с широким привлечением аналогий из других регионов Европы.

Книга предназначена археологам, историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей Северного Кавказа.

УДК 902/904
ББК 63.4

На обложке: вид с Апсарской горы на Новый Афон;
медальон из погребения 26 некрополя Шапка-Ахаччарху,
V в. н. э. (раскопки Г. К. Шамба), коллекция Абхазского государственного музея.

ISBN 978-5-94375-179-0

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2015
© Авторы статей, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Мастыкова А. В. Предисловие

Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные	6

Бгажба О. Х. (*Абхазский институт гуманитарных исследований*

им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии (II–VII вв.)	9

Белоцерковская И. В. (*Государственный исторический музей, Москва*)

Опыт выделения индикаторов социальной стратификации

в женском погребальном костюме рязано-окских финнов V в.	11

Берлизов Н. Е., Пьянков А. В. (*Краснодарский государственный университет культуры*

и искусства, Краснодар; ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция»

Краснодар)

Выявление обрядовых индикаторов половозрастной принадлежности погребенных методами многомерного анализа (по материалам могильников III–VII вв.
Черноморского побережья Кавказа)

12

Васильева Е. Е., Ахмедов И. Р. (*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*)

Новое погребение аланской знати постгуннского времени из Кабардино-Балкарии	13

Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. (*Институт археологии РАН, Москва*)

Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя	16

Габелия А. Н. (*Абхазский государственный университет, Сухум)*

Эволюция социальных отношений населения Абхазии в античную эпоху	19

Габуев Т. А. (*Государственный музей искусства народов Востока, Москва*)

Социальная стратификация аланского населения городища Брут

в Северной Осетии в IV–V вв. н. э.	21

Гавритухин И. О. (*Институт археологии РАН, Москва*)

Проблемы исследования социальной стратификации славян V–VII вв.

по материалам пражской культуры	22

Гмыря Л. Б. (*Институт истории, археологии и этнографии РАН, Махачкала*)

Социальная структура политических образований

кочевников Западного Прикаспия в эпоху Великого переселения народов

(по данным Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.)	24

Гонкало О. В. (*Институт археологии НАН Украины, Киев*)

Социальная стратификация носителей черняховской культуры

(по погребальным памятникам)	26

Демиденко С. В. (*Институт археологии РАН, Москва*)

Парадный уздечный набор III в. н. э. из курганного могильника Гремячий III

в бассейне реки Курмоярский Аксай (Нижний Дон)	28

Джонуа А. И. (<i>Абхазский Государственный музей, Сухум</i>) Новый могильник поздней античности и раннего средневековья в с. Куланрхуа (Гудаутский район, Абхазия)	31
Джонуа И. А. (<i>Министерство культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия, Сухум</i>) Позднеантичные погребения и социальный состав населения Абхазии	33
Добровольская М. В. (<i>Институт археологии РАН, Москва</i>) Палеоантропологические материалы из склепов Восточного некрополя Фанагории	35
Иштванович Э., Кульчар В. (<i>Музей им. Андради Йожса, Ньиредъхаза; Сегедский университет, Сегед</i>) Социальная стратификация варваров гуннского времени в свете новейших исследований в Венгрии	37
Кадиева А. А. (<i>Государственный исторический музей, Москва</i>) Могильник Алдар-Резен близ селения Кумбулта – элитный некрополь позднеримской эпохи (по материалам раскопок К. И. Ольшевского).....	39
Кадиева А. А., Саков А. Ю., Джонуа А. И. (<i>Государственный исторический музей, Москва; Институт археологии РАН, Москва; Абхазский Государственный музей, Сухум</i>) Поселение Джантух в Восточной Абхазии: к вопросу о социальном статусе ремесленников эпохи Великого переселения народов.....	41
Казанский М. М. (<i>Национальный Центр Научных исследований Франции/CNRS, Париж</i>) Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции.....	44
Кайтан Ш. Г. (<i>Государственное Управление охраны историко-культурного наследия Республики Абхазии, Сухум</i>) Структура абхазского общества раннего этапа функционирования Великой Абхазской стены (VI–VIII вв. н. э.)	50
Касландзия Н. В. (<i>Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум</i>) Институт дружины в раннесредневековой Абхазии VI–VIII вв. К постановке проблемы	51
Коробов Д. С. (<i>Институт археологии РАН, Москва</i>) Социальная стратификация населения Кисловодской котловины V–VIII вв. по материалам могильника Клин-Яр 3	53
Мастыкова А. В., Земцов Г. Л. (<i>Институт археологии РАН, Москва; Липецкий государственный педагогический университет, Липецк</i>) Погребение с поселения Мухино 2 на Верхнем Дону и его место в иерархии привилегированных могил гуннского времени (группа Унтерзибенбронн).....	54
Медникова М. Б. (<i>Институт археологии РАН, Москва</i>) Паласа-сыртский могильник. Опыт биоархеологического исследования по данным антропологии	58
Нюшков В. А. (<i>Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум</i>) Элита древнеабхазских обществ Западного Закавказья на рубеже средневековья (VI в.).....	59

Пинар Жил Ж. (<i>Римско-германский Центральный музей/RGZM, Майнц</i>) Украшения, топография и структура: указатели социальной стратификации на некрополях раннего вестготского периода в Испании и Южной Франции	60
Радюш О.А. (<i>Институт археологии РАН, Москва</i>) Выделение социальных маркеров для «княжеских» погребений эпохи переселения народов в Юго-Восточной Европе.....	62
Сакания С.М. (<i>Государственное Управление охраны историко-культурного наследия Республики Абхазии, Сухум</i>) Социальный состав ранней христианской общины Абхазии.....	65
Сапрыкина И.А. (<i>Институт археологии РАН, Москва</i>) Проблемы исследования химического состава изделий из драгоценных металлов на примере коллекции золотых предметов эпохи Великого переселения народов (могильник Мухино)	67
Скворцов К.Н. (<i>Институт археологии РАН, Москва</i>) Социальная стратификация населения Самбийского полуострова в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов (по материалам погребальных памятников).....	68
Семенов И.Г. (<i>Институт истории, археологии и этнографии РАН, Махачкала</i>) К этнической карте кавказской периферии Гуннской державы: сорости, акациры и «гунны» Восточного Кавказа	72
Строков А.А. (<i>Свободный университет, Берлин</i>) Возможности реконструкции социальной структуры населения Азиатского Боспора в позднеантичную эпоху	73
Успенский П. С. (<i>Институт археологии РАН, Москва</i>) Погребения знатных воинов VIII–IX вв. с территории Северо-Западного Кавказа (по данным некрополей с обрядом трупосожжения)	76
Храпунов И.Н., Стоянова А.А. (<i>Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь; Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», Симферополь</i>) Погребения знати в могильниках предгорного Крыма позднеримского времени	79
Шаров О. В. (<i>Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург</i>) К вопросу о принципах выделения элиты Боспора римской эпохи	81
Шмоневский Б. (<i>Институт археологии и этнологии Польской Академии наук, Краков</i>) Обол Харона у древних кочевников: погребальные практики в конце античности и раннем средневековье	83
Сведения об авторах	87
Список сокращений.....	91

A. B. Мастыкова

ПРЕДИСЛОВИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАВКАЗА В КОНЦЕ АНТИЧНОСТИ И НАЧАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Вопрос социальной интерпретации данных погребальной археологии является одним из наиболее сложных, поскольку принципы соотнесения «погребальной» и реальной иерархии древних обществ являются дискуссионными (см. напр. Харке, Савенко, 2000а; 2000б; Périn, 1998). Именно по этой причине археологи чаще всего ограничиваются выявлением стратификации древних погребений по уровню богатства инвентаря и воздерживаются от прямого сопоставления выделенных ими страт с какими-то конкретными социальными группами, которые известны по письменным источникам. Но при этом, в археологическом материале улавливаются некоторые общие закономерности, проявляющие себя в разное время и на разных территориях. Обращают на себя внимание такие археологические признаки, как особая форма погребальных сооружений или престижность отдельных вещей, определяемых как статусные или «регалии» (см. в частности: Arrhenius B., 1995; Quast D., 2010), наличие или отсутствие дорогих импортных изделий, оружия, вещей из драгоценных металлов, сопутствующих погребений животных и даже человеческих жертвоприношений.

Привлечение этнографических параллелей и исторических данных позволяет утверждать, что погребальный обряд это не только церемония перехода в мир иной, но и некое социальное действие, в определенной степени отражающее социальную структуру общества. На материалах погребальных памятников Западной и Центральной Европы установлено, что в предгосударственных и раннегосударственных социумах (так называемые варварские королевства), степень богатства погребального инвентаря находится в прямой зависимости от социального статуса усопшего, особенно на стадии возникновения и формирования этих социально-политических образований. Так, в раннесредневековой Европе, где археологические данные частично проверяены письменными источниками, захоронения знатных лиц имеют самый богатый погребальный инвентарь, например, могилы исторически известных франкского короля Хильдерика (*Kazanski, Périn, 1988*) или королевы Аргонды (*Fleury, France-Lanord, 1979*) содержали редкие и престижные предметы – инсигнии, указывающие на высокий статус их владельцев. В могиле короля Хильдерика находились именной перстень-печать, римская золотая Т-образная фибула функционера высокого ранга, золотой «королевский» браслет с расширенными концами и меч с обложенной золотом рукоятью (*Périn, Kazanski, 1996; Казанский, Перен, 2005*); могила королевы Аргонды, помимо прочих вещей, в том числе «авангардных» украшений, еще не ставших достоянием общей моды у франков¹, также содержала именной перстень (Die Franken, 1996. S. 936–938. Kat. VI.2.10e).

Что же касается типа погребальных сооружений, то значение имеют такие характеристики погребений как его размеры, местоположение, архитектура – затраты объема труда

¹ Не случайно подчеркивалось на примере могилы Хильдерика, что королевские дворы варварских королевств были своего рода лабораториями, где вырабатывалась новая престижная мода, как в костюме, так и в погребальных обрядах: *Kazanski, Périn, 1988. P. 21–26*.

на оформление трудоемких погребальных конструкций и исполнения обряда захоронения являются показателем социального статуса усопшего, так же как и выбор престижного места для погребения. Упоминаемое выше захоронение короля Хильдерика находилось, вероятнее всего, под большим курганом, как и знаменитые «королевские» курганы Уппсалы (Uppsala), Хегома (Högom), Журани (Žuráň) (*Müller-Wille, 1997; Мастыкова, 2013. С. 47. Рис. 1; 2*). Погребение королевы Аргонды было обнаружено в церкви Сен-Дени, где захоранивались члены королевской семьи и представители их окружения (*Fleury, France-Lanord, 1979*).

Все эти сведения позволяют утверждать, что в погребальной практике раннесредневековой Европы существовала несомненная связь между социальным статусом погребенного и богатством, престижностью погребального инвентаря, местоположением и архитектурой могилы. Иными словами, чем выше был социальный статус погребенного в «варварской» Европе эпохи Великого переселения народов, тем богаче и разнообразнее был его погребальный инвентарь, тем импозантнее выглядела его могила.

Разумеется, такой обобщающий вывод требует дополнительных уточнений и поправок. Так, исследователями отмечается, что разница в степени богатства инвентаря может быть связана с разными культурными традициями. Например, погребения совершенные по римским обычаям в дорогостоящих саркофагах могут не содержать элементов погребального инвентаря или сопровождаться только одним символическим предметом (*Martin, 1988*), тогда как «богатый» погребальный инвентарь типичен для германской культурной традиции. Необходимо учитывать и возрастные критерии, поскольку в традиционных обществах социальное положение человека зачастую зависело от его возраста. Этот факт хорошо известен, например, для народов Северного Кавказа в XIX в. (*Лавров, 1982; Казиев, Карпееев, 2003*). Исследователями установлены определенные соответствия между возрастными группами и, например, особыми типами оружия и/или его количеством (*Christlein, 1966*).

Основная задача конференции – на массовом археологическом материале (могильники, поселения) проверить критерии выявления социальной стратификации древних кавказских социумов в конце античной эпохи и начале средневековья (III–VII вв.), апробированные на других территориях (Восточная, Центральная, Западная Европа). Отправной точкой являются работы по социальной стратификации, разработанной согласно критерию богатства закрытых комплексов, широко проводимые в европейской археологии и получившие научную аprobацию. Конечно, невозможно механически переносить критерии, выработанные, например, на западноевропейском материале на северокавказский, можно только руководствоваться общими принципами. При работе с северокавказским материалом стало ясно, что нельзя создать схему, общую для всего изучаемого региона, поскольку населявшие его народы находились на разных стадиях социальной эволюции и принадлежали к разным культурным традициям (*Мастыкова, 2009. С. 159–177*).

Тем не менее, для правильного понимания полученных результатов представляется необходимым их сравнительное изучение, с широким привлечение параллелей и аналогий из других регионов Европы, а также с использованием методических установок, хорошо разработанных на европейском материале.

Актуальность и научная новизна такого подхода обуславливается тем, что на Кавказе этот метод пока применялся в очень ограниченном объеме и для узких конкретных территорий. В настоящий момент критерии выявления социальной стратификации разрабатываются на Кавказе, как для некрополей, так и для поселений, где также удается проследить определенную иерархию. Выявлены привилегированные погребения, некоторые из них соответствуют европейским критериям «вождеских» и даже «княжеских» могил, изучались

отдельные категории погребений, такие как могилы с захоронениями коней. Опыт Международного научного семинара, проведенного 13–17 ноября 2013 г. в Махачкале по проекту РГНФ № 13–01–14002 г. «Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце Античности – начале Средневековья» (2013) показал, что выработанные на других территориях признаки социальной дифференциации в целом применимы для кавказского региона, в частности для «вождеских» захоронений и кладов. Поэтому проверка таких критериев на более ординарном и массовом материале представляется очень актуальной и научно значимой.

ЛИТЕРАТУРА

- Казанский М. М., Перен П., 2005. Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований // КСИА. Вып. 218. С. 24–42.
- Казиев Ш. М., Карнеев И. В., 2003. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.: Молодая гвардия. 452 с.
- Лавров Л. И., 1982. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). Л.: Наука. 224 с.
- Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М.: ИА РАН. 502 с.
- Мастыкова А. В., 2013. Бусы эпохи Великого переселения народов из «королевского» кургана Журань в Южной Моравии // КСИА. Вып. 228. С. 46–57.
- Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале Средневековья. Тезисы международного научного семинара. Махачкала, 13–17 ноября 2013 г. / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН. 2013. 52 с.
- Харке Г., Савенко С. Н., 2000а. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. № 1. С. 217–226.
- Харке Г., Савенко С. Н., 2000б. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии // РА. № 2. С. 212–220.
- Arrhenius B., 1995. Regalia in Svealand in Early Medieval Times // Tor. 27/1. P. 311–335.
- Christlein R., 1966. Das alamannische Reihengräberfeld von Marktoberdorf im Allgäu. Kallmünz / Opf.: M. Lassleben. 21. 169 S. (Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte).
- Die Franken. Wegbereiter Europas. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1996. 885 S.
- Fleury M., France-Lanord A., 1979. Bijoux et parures mérovingiens de la reine Arégonde, belle-fille de Clovis // Dossiers de l'Archéologie. № 32. P. 27–42.
- Kazanski M., Périn P., 1988. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // Revue Archéologique de Picardie. T. 3–4. P. 13–38.
- Martin M., 1988. Grabfunde des 6. Jahrhunderts aus der Kirche St. Peter und Paul in Mels SG // Archäologie der Schweiz. 11. S. 167–181.
- Müller-Wille M., 1997. Les tombes royales et aristocratiques à tumuli // Antiquités Nationales. 29. P. 245–257.

- Périn P., 1998. Possibilités et limites de l'interprétation sociale des cimetières mérovingiens // Antiquités Nationales. 30. P. 169–184.
- Périn P., Kazanski M., 1996. Das Grab Childerichs I // Die Franken, Wegbereiter Europas. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. S. 173–182, 707–711.
- Quast D., 2010. Ein spätantikes Zepter aus dem Childerichgrab // Archäologisches Korrespondenzblatt. Jg. 40/2. S. 285–286.

O. X. Бгажба
Сухум, Абхазия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА В АБХАЗИИ (II–VII ВВ.)

Проблемы, связанные с кузнецким ремеслом в Абхазии во II–VII вв., имеют особое значение не только потому, что это время дальнейшего накопления производственного опыта и роста производительных сил, но еще и потому, что на примере комплексного исследования (археология, металлография, история, этнология) его социально-экономической характеристики можно судить о состоянии общества, в рамках которого данное ремесло развивалось.

На ранней стадии развития черной металлургии и металлообработки синcretизм земледелия с ремеслом везде обуславливал сезонный характер железного дела, обычно им занимались осенью и зимой. Это являлось порождением родового уклада.

В период синкретического производства кузнец, естественно был ремесленником общины, ее универсальным мастером (например, абхазский кузнец Айнар из нартского эпоса, финский Ильмаринен из Каллевалы и т. д.). Вместе с тем кузнец нередко принадлежал и к военной среде. Это хорошо прослеживается на апсилийских захоронениях, где каждый мужчина являлся воином. Так, в погребении 83 (III – нач. IV в.) могильника Цибилиум-1 железный инвентарь состоял из кузнецкого молота и предметов вооружения. Данный факт может свидетельствовать о том, что кузнец и воин были одним лицом, а также о том, что ремесло в регионе было еще общинным.

Эманципация кузнеца от общинных норм распределения, как правило, происходила раньше, нежели металлурга. Кузнец стремился освободиться от обязанностей заготовки сырья, т. е. к дальнейшему разделению и его специализации. Этот процесс, судя по археологическому и металлографическому материалам мог, скорее всего, произойти в Абхазии в IV–VI вв., в период расцвета Цебельдинской культуры, когда кузнец мог заняться только своим ремеслом, чтобы насыщать рынок своей продукцией. Это привело к углублению специализации кузнецов, появились универсалы: топорники, ножовщики, оружейники (особенно, мечники), инструментальщики, слесари, ювелиры.

Аналогичное явление прослеживается на керамическом материале из Апсилии V–VI вв., происходит переход от ручного к ножному гончарному кругу.

Анализ кузнецкого ремесла свидетельствует о существовании опытных мастеров, а следовательно о длительном ученичестве (институт ученичества) для приобретения определенного объема знаний и опыта в данной профессии. Ведь кузнецу все приходилось определять на глаз (цвета побежалости), по скорости испарения слюны, чувствовать молотом и клещами. Толь-

ко у абхазов существовал уникальный обряд «посвящения кузне». Посвященный кузнец мальчик не мог заниматься никаким другим ремеслом кроме кузнечного. По окончании обучения кузнец награждал каждого ученика тремя необходимыми инструментами: молотом, клещами и наковальней, т. е. «тремя руками».

Итак, на примере социально-экономической характеристики кузнечного ремесла в Абхазии (II–VII вв.) можно проследить, что местное общество в этом аспекте развивалось далеко не однозначно. До V в. еще не произошло выделение кузнечного ремесла из общины. Только в V–VI вв. начались сдвиги – происходит эмансиляция кузнеца и его специализация. Тогда же делаются попытки оружейников из Эшеры произвести «сварочный дамаск». Помимо настоящих кузниц были в Абхазии и сакральные («заклятие кузней»), которые сохранились до настоящего времени.

Но такой высокий уровень кузнечного ремесла (уровень кельтов) еще не является достаточным основанием для утверждения существования в это время настоящей государственности (государства), как считают некоторые абхазоведы и местные историки, опираясь на сведения Флавия Арриана. Несомненно, тогда существовало подобие трехступенчатой структуры власти: базилевс («царь», «вождь») – знатные (уважаемые) люди – простой народ. Между тем знатные люди чаще всего выступали против своих правителей, а простой народ прислушивался к их выступлениям на народных собраниях – сходах (Прокопий, Агафий).

Археологический материал из некрополей Цебельды также показывает наметившуюся стратификацию военизированного древнеабхазского общества (Мастыкова, Казанский, 2009). Причем, наряду со специализированной по охране Даринского пути (одно из ответвлений Великого шелкового пути) общиной Цибилиума была и привилегированная община (Воронов, 2013) в Шапки (Рогатория), где в женских погребениях отсутствовали мотыжки и хозяйствственные ножи при наличии различных украшений: фибул, «геральдических» пряжек и т. д. Также, судя по артефактам, особенно предметам вооружения (длинные мечи) и конским захоронениям, с V в. здесь появляется дружиная аристократия (Нюшков, 2014).

Все эти и иные факты свидетельствуют о том, что древнеабхазское общество находилось на пороге раннефеодальной государственности. Поэтому считаю, что Абхазия во II–VII вв., минуя рабовладельческий уклад, от родового строя (военная демократия) перешла прямо к феодальному. Этот переход мог произойти только в VIII в., когда образовалось первое в Западном Закавказье независимое раннефеодальное государство, Абхазское царство.

ЛИТЕРАТУРА

- Мастыкова А. В., Казанский М. М., 2009. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 9 (64). Вып. 11. С. 25–31.
- Воронов Ю. Н., 2013. Материальная культура апсилийской аристократии (Восточное Причерноморье) в IV–VI вв. // Абхазоведение (историческая серия) / Гл. ред. О. Х. Бгажба. Вып. № 8–9. Сухум: Дом печати. С. 302–309.
- Нюшков В. А., 2014. Воинское сословие в Апсилии: Историко-культурное исследование // КСИА. Вып. 234. С. 140–157.

И. В. Белоцерковская
Москва, Россия

ОПЫТ ВЫДЕЛЕНИЯ ИНДИКАТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ЖЕНСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ КОСТЮМЕ РЯЗАНО-ОКСКИХ ФИННОВ V в.

Традиционный женский убор является одним из наиболее ярких и надежных культуро-пределяющих признаков. Его состав диктовался необходимостью соблюдения комплекса различных обрядов, связанных с возрастными особенностями и сменой статуса владелиц костюма. С погребальным убором дело обстоит еще сложнее, поскольку основным источником для его изучения являются лишь отдельные прослеживаемые археологически элементы, изготовленные из неорганических материалов. Тем не менее, наличие представительной базы данных, полученной преимущественно в последние десятилетия, создает предпосылки для начала работы по заявленной теме.

Юго-западная ветвь поволжских финнов – рязано-окское население, с III в. по первую половину VII в. занимала обширные территории по среднему течению Оки с притоками. Основные памятники – грунтовые могильники, обряд погребения – ингумация. Традиционный женский убор сформировался к началу – первой половине V в. Сложение его происходило одновременно и наряду с осуществлением разнообразных по содержанию контактов с инокультурными группами населения, что документируется, в том числе и наличием многочисленных импортов.

В V в. закрепляются различия в детском (девичьем) и костюмах замужних женщин. Основными маркерами для первого стали нагрудные дисковидные бляхи с двумя накладками (с перекрестьем) и височные кольца с трапециевидными привесками, для второго – так называемые бляхи с крышкой, затылочные кисти и, возможно, накосники. Анализ состава костюма проведен по отдельным категориям и видам с учетом появления в каждой последующей группе нехарактерных для предыдущих украшений и деталей убора, т. е. с учетом нарастания количества значимых элементов.

Комплексы детского костюма V в. распались на 4 группы. Анализ показал, что детский костюм, прежде всего, соответствовал возрастному статусу его носителя. Тем не менее, набор из поясных кистей с литыми пронизями с привесками, нагрудной бляхи с перекрестьем, гривны с коробкой (имитация западных образцов престижных золотых гривен с дисками со вставками), налобного венчика, а также украшений редких видов и предметов импорта можно рассматривать в качестве маркеров более высокого социального статуса семьи ребенка. В этот ряд костюмных комплексов входят как, вероятно, праздничные наряды взрослых девушек, так и престижные комплекты убора девочек младшего возраста.

Женский костюм этого времени по количественному и качественному составу его элементов также разделен на 4 группы. Первые две наряду с браслетами, перстнями, ожерельями, гривнами, височными привесками включают нагрудные бляхи с крышкой и накосники. В группе 3 обязательным элементом становится гривна с коробкой и появляются длинные затылочные кисти. Группу 4 определяет наличие в обязательном порядке двух гривен (одна из них – с коробкой), височных привесок, накосников, браслетов, перстней, блях с крышкой и крестовидных фибул. Наряду с традиционными типами браслетов в ней есть очень массивные с сильно утолщенными концами, характерные в основном для мужского инвентаря этого времени. Это престижный костюм, на что указывает наличие крестовидных фибул. Такие фибулы маркируют мужской убор лидеров, «вождей» коллективов. Включение предметов подобного ранга в женский (и очень ред-

ко – детский) костюм, наряду с «мужскими» браслетами, очевидно, подчеркивало близкородственные связи их носителей с «элитой» коллективов окских финнов.

На формирование комплекса признаков, отличавших престижные уборы от рядовых, повлияло участие рязано-окских финнов в процессах эпохи Великого переселения народов. Следует подчеркнуть, что выделенные наборы сопровождающих женский и детский костюм V в. категорий и видов украшений за исключением, вероятно, наиболее скромных и самых престижных, нельзя однозначно рассматривать как показатель только общественного статуса их владелиц. На состав погребального женского костюма могли влиять и другие, не учтенные здесь факторы.

Н. Е. Берлизов, А. В. Пьянков
Краснодар, Россия

**ВЫЯВЛЕНИЕ ОБРЯДОВЫХ ИНДИКАТОРОВ
ПОЛОВОЗРАСТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБЕННЫХ
МЕТОДАМИ МНОГОМЕРНОГО АНАЛИЗА
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ III–VII ВВ.
ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА)**

Положение о том, что в родовом обществе пол и возраст индивида был тесно связан с его общественным положением общепринято в современной антропологии (Алексеев, Першиц, 2007. С. 181–182, 222–223). При этом половозрастные различия, наряду с иными, могут находить отражение в погребальной обрядности, и, как показывает опыт исследования памятников сарматской и меотской культур, свидетельствовать о корреляции пола и возраста погребенного с изменением его общественного статуса. Так, анализ возрастных особенностей обряда позволил сделать вывод о том, что в савромато-сарматском обществе зрелые мужчины и молодые женщины находились в привилегированном положении, а дети и старики ограничены в правах (Берлизов, 2011. С. 257).

Интерес представляет анализ индикаторов пола и возраста в обряде населения Черноморского побережья Кавказа позднего римского времени – эпохи раннего средневековья статистико-комбинаторными методами. Исследован массив из 142 комплексов из могильников Дюрсо, Бжид I, Сопино, Борисово, Агой, Цемдолина и Южная Озереевка. Этот массив был описан по 112 признакам и анализировался методами фактор- и кластер-анализа, использованными авторами ранее при исследовании памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени (Берлизов и др., 2003. С. 4–19).

Попытка выделения характеристик обряда, связанных с гендерной принадлежностью погребенных, дала следующие результаты. В III–IV вв. индикаторами половой принадлежности в обряде являлись: план погребального сооружения, ориентировка погребенного, наличие в составе инвентаря горшка в головах или справа от погребенного, фибул из драгоценных металлов и пряжек. Для V в. к таковым можно отнести план и разрез погребального сооружения, положение правой руки и ног погребенного, его ориентировку, наличие/отсутствие серег, ручных браслетов, перстней, стеклянных столовых сосудов и предметов вооружения. Если рассматривать комплексы VI в., то здесь в зависимости от пола погребенного варьируют вид захоронения, общая поза погребенного, его ориентировка, наличие/отсутствие клинкового оружия, фибул из драгоценных металлов, серег, ручных браслетов и перстней, зеркал, кремней и кре-

сал, амулетов и костей животных. Наконец, в VII в. н. э. погребения мужчин и женщин в исследуемом регионе отличали план и разрез могилы, ориентировка погребенного, количество сосудов с погребенным, наличие/отсутствие стрелкового оружия, деталей упряжи и фибул.

Интересно, что наряду с очевидными обрядовыми индикаторами статуса покойного (количество сосудов, наличие/отсутствие оружия, зеркал, фибул, украшений, изделий из драгоценных металлов, стеклянной посуды), многомерный анализ позволил обратить внимание на конструкцию могилы и позу погребенного, детали очажного набора и орудия для добывания огня.

Анализ возрастных индикаторов обряда удалось выполнить только для женской выборки, так как в мужской – возраст был определен только для зрелых индивидов.

В III–IV вв. погребения представительниц разных возрастных групп в женской субкультуре населения Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа отличали: разрезы ям и каменных ящиков, ориентировка, количество сосудов с погребенными, наличие/отсутствие фибул и украшений из драгоценных металлов, ножей и пряслиц. Для женских погребений V–VII в. такими индикаторами возраста были перекрытие погребения, положение ног, ориентировка, наличие/отсутствие стеклянных столовых сосудов, гривны, зеркала, костей животных в ногах.

Таким образом, и среди деталей обряда, коррелирующих с возрастом погребенной наличествуют как явные показатели общественного статуса (количество сосудов, наличие/отсутствие украшений из драгоценных металлов, стеклянных сосудов, гривен), так и те, на которые, обычно, при социальных реконструкциях внимания не обращают.

Сам факт выделения индикаторов пола и возраста в обрядности населения Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа позднего римского времени – раннего средневековья позволяет говорить о возможном выделении у него особых половозрастных групп.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П., Першиц А. И., 2007. История первобытного общества. М.: АСТ: Астрель. 350 с.
- Берлизов Н. Е., 2011. Отражение возрастной стратификации савромато-сарматских племен эпохи раннего железа в погребальной обрядности // Теория и практика общественного развития. № 2. С. 255–258.
- Берлизов Н. Е., Винидиктов А. П., Пьянков А. В., Зеленский Ю. В., 2003. Статистический анализ погребальных памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени – эпохи средневековья. Часть I. Памятники сарматского времени. Краснодар: КГИАМЗ. 182 с.

E. E. Васильева, И. Р. Ахмедов
(Санкт-Петербург, Россия)

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ АЛАНСКОЙ ЗНАТИ ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В ходе полевых работ 2010 года на могильнике Кичмалка II в Зольском р-не Республики Кабардино-Балкарская было обнаружено парное захоронение, погребение 33, совершенное в Т-образной катакомбе. На дне погребальной камеры располагались костяки мужчины

17–20 лет и женщины 16–18 лет, со следами деформации на черепах¹. Мужской костяк предположительно в сидячем положении, женский слева от мужского костяка, на правом боку. (Васильева, 2012. С. 176–179)

На груди мужчины были найдены зеркало, пинцет, ложка-щедилка и булавка, вероятно положенные в сумочку, с застежкой в виде биконического стержня с гранеными шишечками (Рис. 1, 6–9). Там же большая граненая бусина синего стекла, нож, бронзовое кольцо и раковина – подвеска. На костях ног и рядом – пряжки от обуви. У костяка девушки – позолоченные серебряные серьги в виде калачика, серебряная фибула-цикада с инкрустированными гранатовыми вставками глазками, бронзовые фибулы (Рис. 1, 1–5). Между костяками россыпью стеклянные и каменные бусины. В ногах – керамические сосуды, бронзовый котелок с остатками деревянного блюда в нем, остатки седла с фрагментами серебряных позолоченных пластин с прессованным орнаментом в виде «перьев», треугольников и З-образных фигур. В северо-восточной части катакомбы на полочке найден набор снаряжения воина – пряжка с серебряной В-образной рамкой и язычком, украшенным головкой животного, двулезвийный меч с прямым перекрестьем и крупной янтарной бусиной-подвеской, короткий двулезвийный меч с серебряной позолоченной орнаментированной накладкой на ножны и U-образной бутеролью, нож, уздечный набор. (Рис. 1, 10–21). В северной части камеры на полочке – сосуд и две оловянных кружки, из которых сохранилась одна.

Инвентарь захоронения позволяют определять его дату в рамках близких наиболее поздней части периода Iб и периодов Iв и Iг по В. Ю. Малашеву и И. О. Гавритухину (1998. С. 28–86) для древностей Кисловодской котловины и раннего периода (фазы 1–2 и 3) Дюрсо по М. М. Казанскому (2001. С. 41–58). Некоторые из находок находят аналоги в степных находках начала «шиповской» эпохи. Это детали уздечного набора – удила, пряжки с полой рамкой и неподвижной обоймой, прямоугольные пластины с прессованным «дерюжным» орнаментом и стиль антропоморфных изображений на других пластинах. Стиль других деталей набора – инкрустации, изображения птичьих головок, сближает его с наборами стиля «Лермонтовская Скала–Сахарная головка». Накладки на ленчики близки пластиналам «понтийской» группы 2 и «степной» группы 1 (типы 3а, 4, 4/6) по И. Р. Ахмедову. Все это позволяет датировать захоронение последним десятилетием V – началом VI в. (Гавритухин, Малашев, 1998. С. 45–50, 66–67. Рис. 2, 3; Казанский, 2001. С. 45–46, 52–55, 56; Казанский, Мастыкова, 2010. С. 93–98, 103; Ахмедов, 2012. С. 23–28, 32, 36–37. Рис. 1, 8, 9, 13, 14; 3).

К этому же времени можно отнести набор оружия. Длинный двулезвийный меч принадлежит к достаточно многочисленной группе оружия гуннского и постгуннского времени, хорошо известной в древностях Восточной Европы от Черноморского побережья до Поволжья, часть из них имеет средиземноморское происхождение (Рис. 1, 13). Вместе с этими мечами часто встречаются и янтарные бусины-подвески (Рис. 1, 11). Короткие мечи так же характерны для древностей этого времени (Рис. 1, 12). Из наиболее близких параллелей следует указать парадный меч из Зарагижа, а так же детали оформления кинжалов из Цебельды.

Статусной находкой можно считать и фибулу-цикаду (Рис. 1, 1), к прототипам и аналогам которой, по мнению И. О. Гавритухина², относятся некоторые броши типов IV и V по Б. Брентесу (Brentjes, 1954), известные в Среднем Подунавье и на юге Восточной Европы, наиболее территориально близкая найдена в керченском некрополе (склепы, ограбленные 24.06.1904 г.).

¹ Антропологические определения выполнены д. и. н. А. Г. Козинцевым, гл. научным сотрудником отдела антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

² Благодарим И. О. Гавритухина за любезную консультацию.

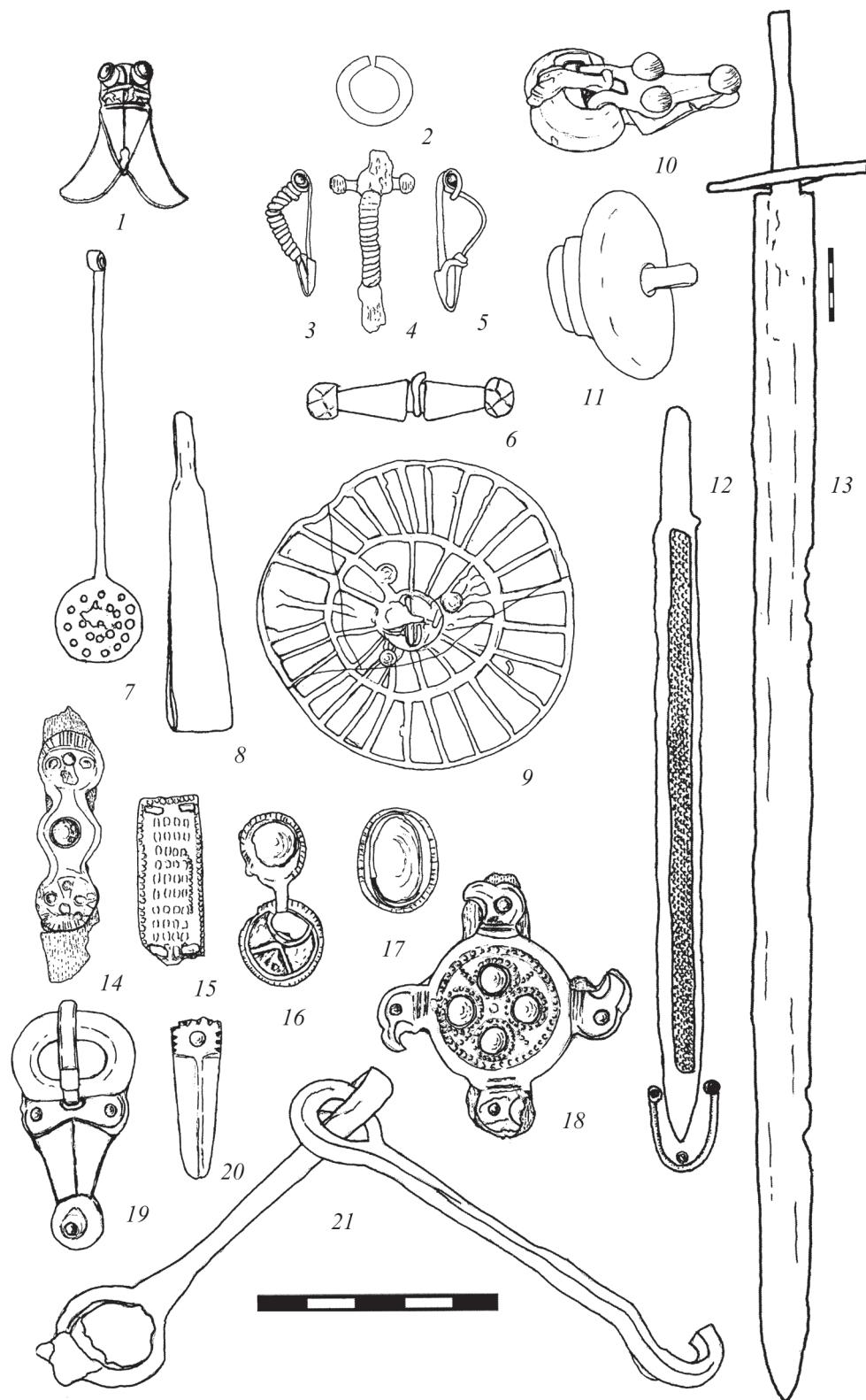

Рис. 1. Некоторые находки из погребения 33 могильника Кичмалка II

1, 3–5 – фибулы, 2 – серьга, 6 – застежка, 7, 8 – туалетный набор, 9 – зеркало, 10 – пряжка,
11 – бусина-подвеска, 12, 13 – мечи, 14–21 – детали уздечного набора

1 – серебро, позолота, бронза, камень; 2 – серебро, позолота; 3–5 – бронза, железо;
6–10, 15, 19, 20 – бронза; 11 – бронза, янтарь; 12 – железо, дерево, серебро, бронза, стекло, позолота;
13, 21 – железо; 14, 18 – бронза, стекло, кожа; 16, 17 – бронза, стекло, янтарь

Характерными для престижной культуры этого времени являются и «средиземноморские» элементы и их местные переработки: инкрустации, декор в виде птичьих головок на деталях уздечного набора, оформление оружия, туалетный набор.

Инвентарь погребенных в Кичмалке позволяет соотносить это захоронение с элитными комплексами из Кисловодской котловины, с материалами из Куденетово и Тырныауза, а так же с новыми материалами из Зарагижа и Кашхатау в Кабардино-Балкарии, демонстрирующими выделение центров власти в центральной части Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов И.Р., 2012. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннско-го и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: ГИМ. С. 19–48. (Труды ГИМ; Вып. 191).*
- Васильева Е.Е., 2012. Погребальный комплекс аланской культуры на Северном Кавказе. Вторая половина V – первая половина VI века н.э. // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: «Славия» С. 176–179.*
- Гавритухин И. О., Малашев В. Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. С. 28–86.*
- Казанский М.М., 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // ИАА. Вып. 7. С. 41–58.*
- Казанский М.М., Маstryкова А.В., 2010. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. Сборник научных трудов. Выпуск 5 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ». С. 93–104.*
- Brentjes B., 1954. Zur Typologie, Datierung und Ableitung der Zikadenfibel // Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Vol. 3. № 5. S. 901–914.*

*A. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова
Москва, Россия*

НАСЕЛЕНИЕ ФАНАГОРИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО НЕКРОПОЛЯ

В данной работе рассматриваются погребальные комплексы оставленные жителями позднеантичной Фанагории. Именно они являются на сегодняшний день основным источником позволяющим пролить свет на социальную стратификацию населения столицы Азиатского Боспора в эпоху Великого переселения народов. Мы постарались, по возможности, учесть все материалы, полученные в результате исследований древнего города с 1936 по 2014 год вклю-

чительно. Некоторые из этих погребений уже довольно давно известны (Блаватский, 1941. С. 44–48; Кобылина, 1956. С. 85–87; Марченко, 1956. С. 122–127; Коровина, 1967. С. 132 и др.), часть комплексов опубликована совсем недавно (Ворошилова, 2011. С. 137–145; Ворошилова, 2013а. С. 110–111; Ворошилова, 2013б. С. 123–131; Медведев, 2013. С. 330–402; Сударев, Ахмедов, 2013. С. 44–45; Шавырина, Ворошилова, 2013. С. 432–436, 443–447, 454–460, 463–465; и др.). В результате анализа почти 1500 исследованных за этот период фанагорийских погребений нам удалось собрать информацию о 104 погребальных комплексах достоверно относящихся к позднеантичной эпохе. Хронология этих материалов находится в границах IV–V вв. н. э.

Горожане позднеантичной Фанагории хоронили умерших в основном по обряду ингумации, лишь в одной могиле были обнаружены следы кремации. Захоронения рассматриваемого времени довольно разнообразны. Можно выделить три основных типа погребальных сооружений использовавшихся фанагорийцами для совершения захоронений в рассматриваемую эпоху: простые могильные ямы; могилы с подбоем; склепы. Большинство позднеантичных захоронений фанагорийского некрополя были совершены в простых могилах, их известно 64. Кроме того было исследовано 34 склепа и 6 подбойных могил.

Среди простых могил большинство имело прямоугольную в плане форму (58 случаев), использовались и овальные ямы (6 случаев). В подавляющем большинстве могил преобладает северная (с небольшими отклонениями) ориентировка скелетов. При этом северо-восточная ориентировка более характерна для захоронений IV в., в конце же этого столетия число могил с северной ориентировкой скелетов увеличивается. Для погребений IV–V вв. известны единичные случаи, когда скелеты в могилах ориентированы головой на восток или юг.

В IV–V вв. населением Фанагории использовались только грунтовые склепы, имевшие конструкцию в целом аналогичную склепам римской эпохи, но иногда отличавшуюся деталями. Гробницы были вырыты в слое глины/суглинка и состояли из трех основных конструктивных деталей – дромоса, камеры и соединявшего их коридора. В торцевой стене дромоса у пола начинался горизонтальный коридор, который вел в камеру склепа. Сразу за коридором располагалось помещение камеры, в большинстве случаев имевшее правильную прямоугольную форму. Проход из дромоса в коридор всегда преграждал заклад из сырцовой кладки или, гораздо реже, из камня. Особенности ориентировки семейных усыпальниц римской и позднеантичной эпох в некрополе Фанагории уже ранее изучались (Ворошилова, Ворошилов, 2013а. С. 111–116; Ворошилова, Ворошилов, 2013б. С. 76–78), многие из них являлись частью более древних курганов и были ориентированы камерой к его центру.

Отдельно стоит остановиться на группе из четырех двухкамерных склепов. В Фанагории они появляются и используются только в позднеантичную эпоху. Их принципиальное отличие от остальных гробниц заключается в наличии сразу двух камер с коридорами в обеих торцевых стенах дромоса. Двухкамерные усыпальницы имеют одинаковую ориентировку относительно сторон света – продольной осью по линии север-юг.

На основе анализа погребальных комплексов IV–V вв. можно выделить некоторые общие черты присущие некрополю этого времени: преобладание северной ориентировки скелетов в могилах; появление грунтовых склепов с узкими (0,5–0,7 м) дромосами, не известных в более раннее время; использование двухкамерных грунтовых склепов.

При рассмотрении социальной неоднородности фанагорийского общества позднеантичной эпохи стоит уделить особое внимание захоронениям с инвентарем из золота (Ворошилов, Ворошилова, 2015). Известно всего 15 таких комплексов, одиннадцать из них являются грунтовыми склепами, два – могилами с подбоем и еще два – простыми грунтовыми могилами. Как правило, *in situ* золото сохраняется только в могилах. В склепах мы имеем дело с разрозненными остатками инвентаря незамеченного грабителями. Это обстоятельство необходимо учитывать при про-

ведении сравнительного анализа наборов инвентаря. Однако, сам факт того, что предметы из золота встречаются в склепах в три раза чаще¹, чем в могилах, свидетельствует в пользу того, что хоронили в них относительно более знатных людей, чем те, что лежат в могилах.

Дополнительным аргументом в пользу престижности позднеантичных склепов по сравнению с захоронениями в могилах может являться тот факт, что не все склепы этой эпохи в полной мере можно считать семейными захоронениями. По сравнению с римской эпохой, когда в склепах хоронили до нескольких десятков человек, в камерах позднеантичных усыпальниц нередко покоялся всего один человек, иногда сопровождавшийся типичным «воинским» инвентарем. Да и в остальных камерах гробниц содержалось относительно небольшое количество захоронений – не более 2–5 человек.

Особый статус погребенных в склепах людей подтверждается и сопоставлением наборов погребального инвентаря IV–V вв. н. э., которые сильно отличаются от находок в более ранних комплексах. Если набор вещей из большинства простых грунтовых могил весьма беден (чаще всего это керамические сосуды, бронзовые или железные вещи – пряжки, ножи, реже фибулы и т. п.), то набор вещей из склепов гораздо разнообразнее и богаче. Помимо перечисленных категорий предметов здесь известны находки украшений из золота, оружие, ременные, портупейные и обувные гарнитуры, стеклянная посуда, пиксиды, инкрустированные шкатулки и т. д. По богатству погребального инвентаря подбойные погребения занимают промежуточную позицию между склепами и простыми могилами. Здесь чаще, чем в простых ямах встречаются золотые вещи, фибулы, пиксиды и др.

Судя по известным на сегодняшний день материалам позднеантичного некрополя, население Фанагории условно можно разделить на две основные группы: те, кто был погребен в могилах и те, кто был захоронен в более сложных и престижных погребальных сооружениях – склепах. При этом и в том и в другом случае абсолютной однородности обряда не наблюдается.

Подводя итог, отметим, что проводимые в настоящее время Фанагорийской экспедицией ИА РАН крупномасштабные исследования некрополя столицы Азиатского Боспора позволяют надеяться на существенное пополнение числа изученных на современном научном уровне погребальных комплексов. Эти материалы позволят существенно расширить наши представления о социальных слоях населения Фанагории конца античной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В.Д., 1941. Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 г. // Работы археологических экспедиций / Под ред. Д.Н. Эдинга. М.: Государственный исторический музей. С. 5–62. (Труды ГИМ; Вып. XVI).
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., 2015. Золото в некрополе Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2: Золото Фанагории / Ред. М.Ю. Трейстер. М.: ИА РАН. С. 29–76.
- Ворошилова О.М., 2011. Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. С. 137–145.

¹ Нельзя забывать, что практически все склепы ограблены в древности и вполне вероятно, что из некоторых золото исчезло без остатка, в то время как могилы сохранились не тронутыми. Следовательно с определенной долей вероятности можно утверждать, что процент склепов с инвентарем из золота изначально был выше.

- Ворошилова О. М., 2013а. Новая находка двухкамерного склепа в Фанагории // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы II Международной конференции молодых ученых / Отв. ред. В. Е. Родинкова, А. Н. Федорина. М.: ИА РАН. С. 110–111.
- Ворошилова О. М., 2013б. Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году // Stratum plus. 2013. № 4. С. 123–131.
- Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н., 2013а. Об организации пространства некрополя Фанагории // Боспорские чтения. Вып. XIV. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории / Ред.-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Керчь: Керченська міська друкарня. С. 111–116.
- Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н., 2013б. Новые материалы о планиграфии некрополя Фанагории // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 76–78.
- Кобылина М. М., 1956. Фанагория // Фанагория / Ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во Академии Наук СССР. С. 5–101. (МИА; № 57).
- Коровина А. К., 1967. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА. Вып. 109. С. 130–135.
- Марченко И. Д., 1956. Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Фанагория / Ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во Академии Наук СССР. С. 102–127. (МИА; № 57).
- Медведев А. П., 2013. Позднеантичный некрополь Фанагории IV–V вв. (раскопки 2005 г.) // Фанагория. Т. 1: Материалы по археологии и истории Фанагории / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 330–402;
- Сударев Н. И., Ахмедов И. Р., 2013. Новые погребальные комплексы конца IV – начала V в. н. э. на Таманском полуострове // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тезисы докладов международного научного семинара / Отв. ред. А. В. Мастькова. М.: ИА РАН. С. 44–45.
- Шавырина Т. Г., Ворошилова О. М., 2013. Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.) // Фанагория. Т. 1: Материалы по археологии и истории Фанагории / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 415–481.

А. Н. Габелия
Сухум, Абхазия

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗИИ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

В античную эпоху древнее население Абхазии переживает существенный сдвиг в социальном развитии и несмотря на большое число публикаций и обобщающих работ в абхазоведческой науке нет единого мнения по этой проблеме. Скудность соответствующих письменных источников может, несомненно, компенсироваться материалами археологических исследований (Габелия, 2007. С. 44–49).

Для характеристики социального положения населения Абхазии рассматриваемой эпохи особое значение имеют материалы античных памятников, выявленные в окрестностях Сухумской бухты, на берегах которой локализуется Диоскуриада. Эти материалы говорят о том, что местные племена вступают в эпоху экономического подъема и свидетельствуют о далеко зашедшем процессе классового расслоения общества (Анчабадзе, 1964. С. 136).

Выводы о социальном облике местного населения Абхазии, основанные на изучении конкретных археологических материалов, отчасти дополняются соответствующими сведениями античных авторов. Здесь уместно отметить описание колхов Ксенофонтом, яркую характеристику социального строя населения северной Колхиды, данную Страбоном (Воронов, 1979. С. 275).

На сегодняшний день существует несколько мнений о социальном положении древнего населения Абхазии, иногда идущих в разрез друг с другом. Причину этого следует видеть в неравномерности изучения археологических памятников, отрывочности и сравнительной скучности имеющихся в распоряжении науки письменных источников (Инадзе, 1962. С. 189; Ломаури, 1962. С. 169; Трапи, 1969. С. 215):

В античную эпоху местные поселения Северной Колхиды (Абхазия), которые еще в эпоху поздней бронзы отличались «особо заметной концентрацией», уже складывались в крупные ремесленные и торговые центры, и население по своему хозяйственному и социальному положению было неоднородным и характеризовалось классовой дифференциацией.

Аборигенное население в рассматриваемую эпоху еще жило в условиях «господства здесь первобытнообщинных отношений и присущей им политической раздробленности», при которых развитие производительных сил и социальная дифференциация еще не достигли того уровня, при котором образуются классы и неизбежно возникает государство, а признаки отхода от традиции родового строя (элементы имущественной дифференциации) должны рассматриваться в первую очередь как результат влияния системы «полис-хора», а не как следствие независимого внутреннего развития (Меликишивили, 1959. С. 86; Воронов, 1979. С. 278).

ЛИТЕРАТУРА

- Анчабадзе З.В., 1964. История и культура древней Абхазии. М.: Наука. 215 с.
- Воронов Ю.Н., 1979. Некоторые проблемы социальной истории северной Колхиды в эпоху греческой колонизации. Тбилиси: Мецниереба. 278 с.
- Габелия А.Н., 2007. К вопросу социальных отношений населения в раннеантичную эпоху // Абхазоведение / Отв. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: Издательство ГПП «Дом Печати». С. 44–49.
- Инадзе М.П., 1962. Города Колхиды в античную эпоху (Диоскуриада). Тбилиси: Мецниереба. 189 с.
- Ломаури Н.Ю., 1962. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды. М: Наука. 169 с.
- Меликишивили Г.А., 1959. К истории Древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба. 86 с.
- Трапи М.М., 1969. Древний Сухум. Труды в 4-х томах / Отв. ред. А.Х. Халиков. Том II. Сухум: Алашара. 382 с.

T.A. Габуев
Москва, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА БРУТ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В IV–V В.Н.Э.

Одним из памятников ранних алан является Брутское городище в Северной Осетии и при-
надлежащие ему катакомбные могильники. Могильник Брут 2 расположен непосредственно
у городища и содержал подкурганные катакомбы с ровиками, но без выраженных насыпей
и грунтовые катакомбы, датированные середины II в. н. э. до рубежа VI–VII вв.

Второй могильник – Брут 1 находится в 2–2,5 км к юго-юго-востоку от городища и мо-
гильника Брут 2 и датируется рубежом IV/V – рубежом V/VI вв. Он состоит из двух памятни-
ков – курганного катакомбного могильника, в котором катакомбы фиксировались под видимы-
ми насыпями, но не имели ровиков, и грунтового катакомбного могильника.

На могильнике Брут 2 также имеются несколько погребений синхронных погребениям
Брута 1, это катакомбы в курганах №№ 9, 15 и шесть грунтовых катакомб (№№ 1, 2, 21, 22, 23,
29). Как соотносятся между собой все эти погребения?

На грунтовом и курганном могильниках Брут 1 конструкции катакомб идентичны. Схожи
с ними и подкурганные катакомбы с ровиками №№ 9 и 15 на могильнике Брут 2. Но несколько
отличаются от этой группы грунтовые катакомбы из Брута 2.

Грунтовые катакомбы из Брута 2 имеют небольшие размеры, небольшую глубину и малое
количество ступеней или не имеют их вовсе. Кроме того, они небрежно сделаны, в то время,
как катакомбы из могильника Брут 1 больших размеров с большим количеством ступеней и от-
личаются тщательностью отделки. Таким образом, грунтовые катакомбы могильника Брута 2
выглядят более примитивно по сравнению с катакомбами Брута 1. Следует иметь в виду, что чем
больше труда затрачено на создание погребения, то тем выше социальный статус погребенного.

Кроме того, большинство подкурганных катакомб могильника Брут 1 хотя и были ограбле-
ны, но содержали изделия из золота и серебра. В грабленых грунтовых катакомбах могильника
Брут 1 иногда имелись серебряные вещи, но отсутствовали изделия из золота. На могильнике
Брут 2 в грабленых курганах №№ 9 и 15 также имелись только вещи из серебра. Драгоценных
предметов в грунтовых погребениях могильника Брут 2 не зафиксировано, хотя пять из семи
погребений (№№ 1, 21, 22, 23, 29) ограблены не были.

На могильнике Брут 2 подкурганные катакомбы с ровиками более богаты, чем грунтовые
катакомбы, а значит и социально более значимы. То же самое мы наблюдаем на могильнике
Брут 1. Богатством и большими затратами труда на возведение курганной насыпи, отличаются
подкурганные катакомбы по сравнению с грунтовыми. Как мы видим, и в могильнике Брут 1
и в могильнике Брут 2 имеются «богатые» и «бедные» погребения, но соотнесение между со-
бой одних «бедных» с другими «бедными» и одних «богатых» с другими «богатыми» неоди-
наково. Если «бедные» в Бруте 2, самые бедные, то «бедные» грунтового могильника в Бруте
1 выглядят намного богаче, они имеют серебро. Если «богатые» в Бруте 2 имеют серебро,
то «богатые» в Бруте 1 имеют золото, и иногда, очень много. Я имею в виду тайники курганов
№№ 2 и 7, где было зафиксировано много драгоценных предметов.

Итак, весь массив катакомб городища Брут рассматриваемого времени социально делится
на две группы, каждая из которых делится еще на две подгруппы. Если могильник Брут 2 мож-
но считать кладбищем для рядовых горожан, которые делились на бедных и богатых (вспомним
что, курганы с ровиками богаче грунтовых), то могильник Брут 1 являлся местом погребения

аланской элиты, составляющей особую родовую, а возможно, племенную группу. Эта группа, так же имела свою стратификацию. Все сказанное позволяет характеризовать могильник Брут 1 как кладбище аланских правителей и, возможно, их дружины. На последнее указывают найденные в погребениях остатки снаряжения воина и клинового оружия.

И. О. Гавриухин
Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ СЛАВЯН V–VII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Для реконструкции социальной стратификации и структуры варварских обществ наиболее методически обоснованны и дали конкретные результаты работы, основанные на 3 группах источников: 1) «варварские правды» и др. памятники законодательства; 2) исторические сочинения, когда автор описывает хорошо знакомые и понятные ему реалии; 3) могильники. Для народа, известного по письменным источникам как славяне («склавины» и т. п. в латинской и греческой огласовке), всеми специалистами соотносимого с пражской культурой, возможности существенно уже. Письменные источники сводятся к кратким описаниям, сделанными иностранцами, дававшими представление о врагах или описывавших войны Византии, в которых на ее стороне участвовали отряды славян. Археологические источники представлены результатами раскопок поселений и очень бедных инвентарем кремаций, отдельными находками.

В письменных источниках упоминаются *предводители* славянских группировок. Уже из этих сообщений видно, что эти объединения были временными. Никаких стабильных «центров власти» по данным археологии в пражской культуре не выделяется. Есть единичные сравнительно богатые клады (не ранее середины VII в.), однако их археологический контекст не ясен, а потому спектр интерпретации широк (элита временных объединений, начало формирования локальных элит и др. – сокрытие во время опасности, вотивные и т. д.).

Упоминаются и мобильные *отряды воинов*, как действующие против Византии, так и привлекаемые ею на службу. Заметная часть этих людей осталась на поле брани. Некоторые – поселились на территории Империи. Даже учитывая, что в археологически фиксируемом быту этих солдат ничего славянского могло не остаться, следует помнить о наличии славянской лепной керамики в слоях ряда византийских крепостей.

Как формировались эти отряды – не ясно. На селищах и в могилах изредка встречаются детали конского снаряжения и профессиональное оружие. Здесь надо отметить, что на значительной части пражской культуры могильники не известны вообще, а говоря об их бедности, не следует забывать про особенности погребальных обрядов. Находки оружия не часты на рядовых поселениях и у явно военизованных (напр., ряда германских) обществ. Все же позитивных данных, чтобы говорить о милитаризованности славянских общин, нет, а письменные источники свидетельствуют о слабости вооружения большинства славян даже идущих в поход. Правда, это компенсировали тактические приемы и быстрое освоение заимствованного оружия.

Многочисленные *городища* как центры территориальных структур у славян появляются позднее рассматриваемого здесь периода. Достоверно пражских городищ для всей ее огромной территории известно не более полудюжины, причем в северо-восточной (наиболее дальней от зон экспансии) части ареала. Пока основной результат их изучения – развенчание ряда историографических мифов в их социальной интерпретации. Эти городища возникли задолго до VII в. и считать их «зародышами» упомянутого более позднего процесса нет оснований. Это не убежища, т. к. везде прослежен довольно мощный долго накапливавшийся культурный слой. Трудно считать их центрами «союзов племен» – все они очень малы по размерам, находятся далеко от зон экспансии и активных контактов, где логичнее ожидать появление таких союзов и их центров. Допустив, что это – «мужские дома» или подобные места традиционной социализации, надо признать, что таких мест – единицы на огромных пространствах. Эти городища в основном стоят несколько в стороне от крупных водных артерий и известных сухопутных дорог, т. е. едва ли прямо связаны с функционированием торговых и т. п. путей. Найдены ремесленного инструментария не редки, но нет явных следов мастерских. Оружия много там, где отмечены пожары и разрушения.

Наличие гнезд/кустов одновременных поселений, их долговременность, преемственность усадеб, использование дуба в строительстве и т. д. – показатели довольно устойчивых *традиционных общественных структур*, объединявших несколько поселков. Как правило, в таких обществах складывается иерархия (старейшины, уважаемые семьи и т. п.). По материалам нескольких селищ в Нижнем Подунавье предпринимались попытки выделить локальную элиту. Пока такие работы единичны, делались без учета периодизации материала, на весьма зыбких критериях (чуть больше размер жилища, наличие фибулы, амфоры, бус и т. д., при том, что это – единичные находки). Речь шла и о наличии глиняных «сковород» как показателей мест, где готовились особые блюда. Исследования в этом направлении сделали лишь первые шаги.

В письменных источниках славянские общины предстают как весьма открытые. Захваченные *пленные*, если их не выкупали, включались в общины, чему можно найти соответствия в составе находок на памятниках группы Ипотешть – Кындешть (*Ipotești – Cîndești*) в Нижнем Подунавье. Чужеродных вещей в пражской культуре, если учитывать случайные находки, бусы и т. д., не так уж и мало. Фибулы нередко соотносят с *иностраницами* – свидетельством торговли или, напротив, деталями убора, перемещавшегося вместе с его носительницами. Едва ли то и другое имело у славян широкое распространение, не менее важны и другие механизмы появления таких вещей: с участниками далеких походов, вернувшихся на родину; через сохранившиеся связи с мигрировавшими родственниками; как элементов престижного убора, инкорпорируемого в местный костюм, и т. д.

В целом славянское общество эпохи Великого расселения предстает как весьма архаичное (с присущей ему традиционной структурой и иерархией), с начатками более сложной организации (военные вожди, протодружины). Его определение в понятиях разных школ этнологов («военная демократия», «клинидж» и т. п.) требует специального систематического исследования. Вероятно, это позволит создать более конкретную модель, не сводимую к наложению распространенных сформулированных в ходе изучения других народов.

Л. Б. Гмыря
Махачкала, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ КОЧЕВНИКОВ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ПО ДАННЫМ ПАЛАСА-СЫРТСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА IV–V ВВ.)

Исследования на южном участке Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. (Прикаспийский Дагестан, низовья р. Рубас) обособленных курганных групп № 1–5 (проекты РГНФ 2009–2014 гг.) выявили новые данные, касающиеся проявлений в погребальных традициях населения социальной стратификации политических образований кочевников эпохи Великого переселения народов (39 курганов, 43 могильные конструкции, 60 погребений).

Непосредственное влияние социальных факторов на погребальные традиции населения обозначилось в обособленном характере небольших по составу групп захоронений (5–10 курганов), обширности занимаемых ими участков, наличии маркеров их границ (ложбины, балки, крупные одиночные курганы эпохи бронзы); в планиграфии захоронений (радиальная и линейная); разных параметрах курганов в пределах группы; расположении наиболее крупного кургана в центре участка; в составе погребального инвентаря; уборе костюма элитных женщин и др. (Гмыря, 2011а. С. 101–120; 2011б. С. 130–159; 2012. С. 143–189; 2013. С. 130–185; 2014а. С. 122–172; Гмыря и др., 2009. С. 90–107).

Наличие на могильнике небольшого числа обособленных групп захоронений, сосредоточенных на восточной кромке южной части возвышенности Паласа-сырт, свидетельствует о выделении в сообществе особых социальных групп, сформированных, вероятно, по принципам родства (в каждой группе имелись парные захоронения и по два захоронения под одним курганом; в группе № 5 выявлено захоронение 3-х человек в одной могиле). Ряд признаков фиксирует социальную неоднородность членов одной группы (разные параметры курганов и могил, степень удаленности их от главного захоронения, безинвентарность или малочисленность инвентаря некоторых захоронений).

Принадлежность к группе высокостатусного населения в женских погребениях маркировалась спецификой убора парадного костюма, включавшего помимо других изделий височные привески узколенточной формы с фигурным концом, в ряде случаев дополненного нагрудным комплектом с парой фибул и привязанной к ним низкой дорогостоящих бус (Рис. 1) (Гмыря, 2011б. С. 132–135. Рис. 3–4; 2014а. С. 137–148. Рис. 10–11; 13; 15; 16).

Имеются данные о наличии социальной дифференциации внутри высокостатусных групп населения, фиксируемой разной формой женских височных привесок, наличием на некоторых из них сложной орнаментации и золотой обкладки, разным количеством и качеством бус в уборе костюма (Гмыря, 2011б. Рис. 4, 1, 2, 6–13; 2014а. Рис. 11, 8–13, 14–15; 15, 10–11, 3–29; 2014б. Рис. 5, 3–4). Возможно, маркером принадлежности к высокостатусной группе населения служила и форма головного убора женщины, а также богатство его декорирования. В группе № 5 выявлено погребение девочки-подростка (курган 1478, погр. 1) с головным убором шаровидной формы, декорированным бисером синего цвета (более 2-х тыс. экз.) и игольчатым кораллом.

В погребальном инвентаре зафиксированы признаки вырождения старых элитных групп населения (использование в уборе умерших представительниц социальной элиты изношенных и разнотипных парных изделий, а также помещение в могилы поломанных изделий) (Рис. 1).

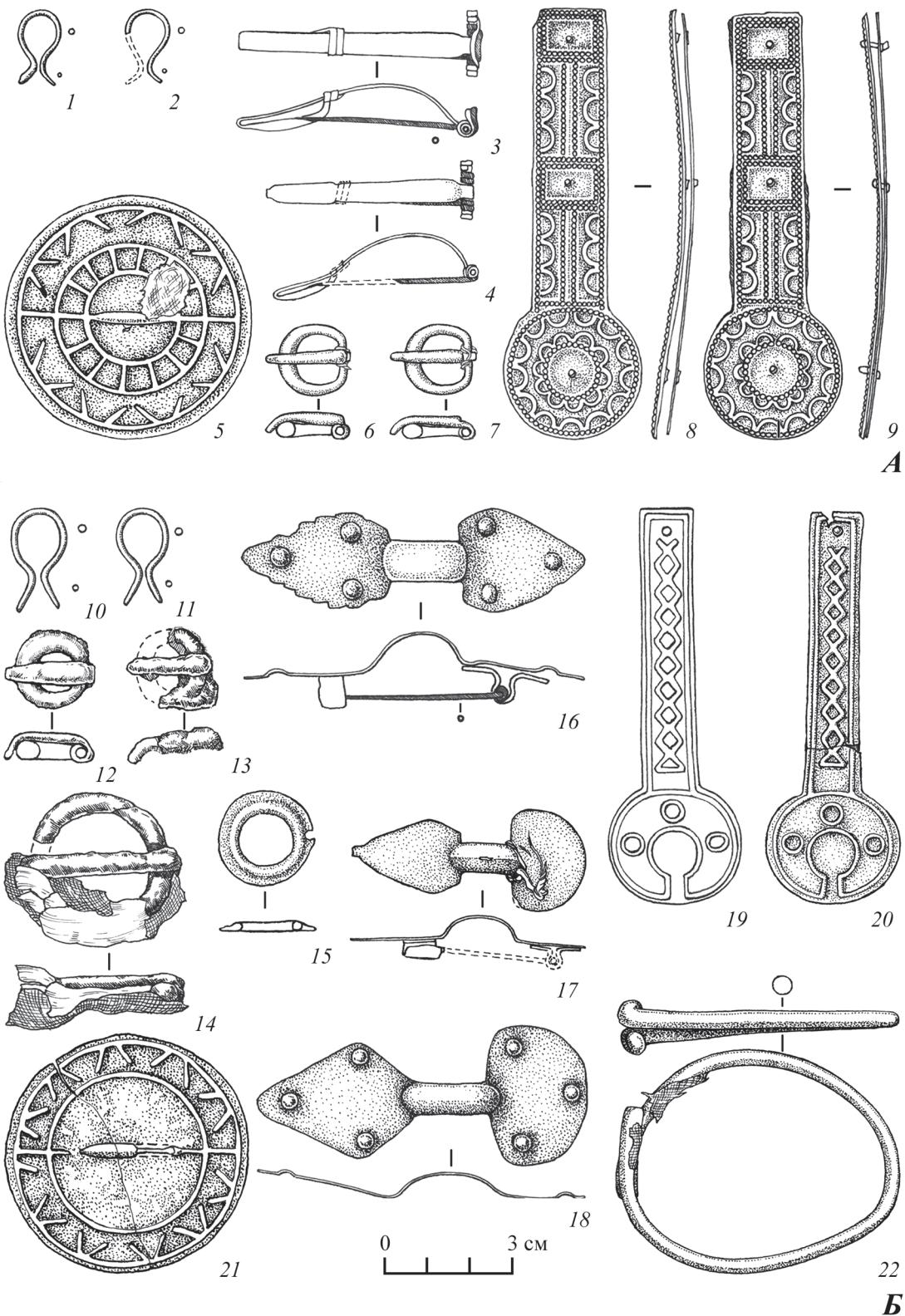

Рис. 1. Курганный могильник Паласа-сырт. Курганская группа № 5
 Металлический инвентарь. **A** – курган 1479, погребение 1; **B** – курган 1478, погребение 1;
 1, 2, 10, 11 – серьги; 3, 4, 16–18 – фибулы; 8, 9, 19, 20 – височные привески;
 6, 7, 12–15 – пряжки; 22 – браслет; 5, 21 – зеркала
 1, 2, 5–7 – бронза; 3, 4, 8–11, 22 – серебро; 15–17, 19, 20 – серебро, желеzo;
 18 – бронза, желеzo; 12–14 – желеzo

В социальной структуре политических образований кочевников Западного Прикаспия эпохи Великого переселения народов в целом, как показывают материалы погребений, проявлялась тенденция к стабильности традиций, корректируемая инновационными явлениями развития общества.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Археологические исследования Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.» №№ 09–01–18014e, 10–18057e, 11–01–18022e, 12–01–18022e, 13–01–18017e, 14–01–18008e.

ЛИТЕРАТУРА

- Гмыря Л.Б., 2011а. Исследование обособленной курганной группы южного участка Паласа-сыртского могильника IV–V вв. в 2010 г. // ВИИАЭ. № 1. С. 101–120.
- Гмыря Л.Б., 2011б. Исследование обособленной курганной группы № 2 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // ВИИАЭ. № 3. С. 130–159.
- Гмыря Л.Б., 2012. Исследование обособленной курганной группы № 3 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // ВИИАЭ. № 3. С. 143–189.
- Гмыря Л.Б., 2013. Исследование обособленной курганной группы № 4 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // ВИИАЭ. № 4. С. 130–185.
- Гмыря Л.Б., 2014а. Исследование обособленной курганной группы № 5 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // ВИИАЭ. № 4. С. 122–172.
- Гмыря Л.Б., 2014б. Височные привески как социальные маркеры у кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.) // КСИА. Вып. 234. С. 25–42.
- Гмыря Л.Б., Хангишиев Г.Д., Сайдов В.А., Абиеев А.К., Будайчиев А.Л., Кузеева З.З., 2009. Исследование группы курганов Паласа-сыртского могильника IV–V вв. в 2009 г. // ВИИАЭ. № 4. С. 90–107.

O. B. Gonkalo
Киев, Украина

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НОСИТЕЛЕЙ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО ПОГРЕБАЛЬНЫМ ПАМЯТНИКАМ)

Несмотря на гетерогенность, имеющиеся территориальные и хронологические различия, черняховский погребальный обряд достаточно унифицирован¹. Социальный ранг погребенного определяется по устройству могилы и ее оснащению – качеству и количеству погребального инвентаря. Критерии выделения различных социальных групп и их интерпретации опубликованы Н. М. Кравченко, Ф. Бирбрауэром, Б. В. Магомедовым (историографию см.: Гонкало, 2014. С. 23–25).

¹ Современные представления о черняховском погребальном обряде сформировались благодаря серии аналитических статей (Петраускас, 2002; 2003; 2009; 2014), публикации и анализу материалов могильника Чернелив-Русский (Герета, 2013; Тилицак, 2013). Ранее опубликованы некоторые наблюдения относительно черняховской хронологии и социальной структуры (Гонкало, 2008; 2011а; 2011б; 2011в; 2014; в печати).

Исследование, результаты которого предлагаются вашему вниманию, проводилось на основе 4918 погребений². К категории **Ib**, по Ф. Бирбрауэру, относятся могилы: в обширной погребальной камере, с игровой доской, «набором для питья», роскошными шпорами, парчой, обувными пряжками, портупейными ремнями и мясной пищей. Комплексов, которые в той или иной мере соответствуют перечисленным признакам, оказалось 10, что составляет 0,2% от общего числа погребений. Среди них особое значение имеет погребение 265 могильника Чернелив-Русский.

К категории **IIa** Ф. Бирбрауэр относил мужские могилы с серебряными деталями убора и местным «набором для питья», женские – с серебряными деталями убора, золотыми украшениями. Таким критериям соответствуют 132 (2,7%) погребения, причем, золотые украшения встречались в 19 погребениях (0,4%), серебряные детали убора – в 124 (2,5%).

По количеству сосудов-«приношений» может проводиться имущественная градация внутри группы ингумаций с северной ориентировкой, по Н. М. Кравченко: из 1976 (100%) комплексов 406 (20%) сопровождались 1–2 сосудами-«приношениями»; 407 (20%) – 3–6; 97 (5%) – 7–9, и, наконец, 44 (2%) – 10–12 и более. Остальные 1022 (52%) погребения совершены без «приношений». К ингумациям с западной ориентировкой этот подход неприменим, поскольку «приношения» в них отсутствуют или представлены стеклянным кубком.

Стеклянный кубок как часть «набора для питья» или его символ встречается в 8% погребений. Он сопровождает большинство погребений высокого ранга (категории **Ib**), но встречается также в погребениях без сосудов-«приношений» и серебряных ювелирных изделий, выступая статусным маркером.

Тезис о том, что дружинники набирались из людей разного достатка, хорошо иллюстрируется археологическим материалом (*Гопкало, 2011а*).

Кроме того, материальное подтверждение получает идея о возможных отношениях господства-подчинения населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Герета І. П., 2013. Чернелево-Руський могильник. Київ; Тернопіль: ТзОв «Терно-граф». 284 с.*
- Гопкало О. В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: Институт археологии НАН Украины. 252 с.*
- Гопкало О. В., 2011а. К вопросу о социальном статусе погребенных с оружием, снаряжением всадника, конской упряжью в ареале черняховской культуры // Доистория Восточной Европы позднеримского времени-начала эпохи Великого переселения народов (материалы полевых семинаров у с. Войтенки 2009, 2010 гг.) / Отв. ред. К. В. Мызгин. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина. С. 15–21.*
- Гопкало О. В., 2011б. Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями) // Stratum plus. № 4. С. 179–207.*
- Гопкало О. В., 2011в. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры. К постановке проблемы // OIUM. 1. С. 66–96.*

² Количество исследованных черняховских погребений – около 7 тысяч: 3184 погребения из 77 памятников на территории Украины и Молдовы, около 3 тысяч – из более, чем 40 памятников на территории Румынии, еще около тысячи погребальных комплексов не опубликованы. В моей базе данных учтены 4918 погребений.

- Гопкало О. В., 2014. Аксессуары костюма как показатель социальной стратификации (на основе погребений черняховской культуры) // ОИУМ. 4. С. 23–33.
- Гопкало О. В., в печати. Стеклянные изделия в ареале культуры Сынтане де Муреш/Черняхов (социологический аспект).
- Петраускас О. В., 2002. Типи археологічних трупоспалень черняхівської культури (територія поширення, етнокультурні особливості та хронологія) // Археологія. № 3. С. 40–65.
- Петраускас О. В., 2003. Про один із можливих різновидів трупоспалення на могильниках черняхівської культури // Старожитності І тисячоліття нашої ери на території України/Відп. ред. В. Д. Баран. Київ: Інститут археології НАН України. С. 114–121.
- Петраускас О. В., 2009. Час появи та деякі особливості розвитку трупопокладень із західною орієнтацією в черняхівській культурі (за даними могильників України) // Ostrogothika/Отв. ред. К. В. Мызгин. Харьков: Тимченко А. Н. С. 186–215.
- Петраускас О. В., 2014. Разрушенные погребения на могильниках черняховской культуры Поднепровья: анализ археологической структуры // Від венедів до Русі / Відп. ред. Г. Ю. Івакін. Київ: Інститут археології НАН України. С. 125–152.
- Тиліщак В. С., 2013. Чернелево-Руський могильник черняхівської культури. Автореф. дис. канд. іст. наук. Київ: Інститут археології НАН України. 20 с.

C. В. Демиденко
Москва, Россия

**ПАРАДНЫЙ УЗДЕЧНЫЙ НАБОР III В. Н. Э.
ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ГРЕМЯЧИЙ III
В БАССЕЙНЕ РЕКИ КУРМОЯРСКИЙ АКСАЙ (НИЖНИЙ ДОН)**

В 2013 г. экспедиция ИА РАН и ОНПЦ по охране памятников истории и культуры Волгоградской области исследовала элитный погребальный комплекс позднесарматского времени, обнаруженный в кургане 1 могильника Гремячий III, который располагался в 6 км к северу от р. Курмоярский Аксай и в 3,7 км к ЮЮЗ от ж/д ст. Гремячая на территории Котельниковского района Волгоградской области.

В кургане 1 было найдено погребение в катакомбе. Входная яма ориентирована по линии СЮ. В ее северо-западном углу устроена камера, ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ, в которую вел трапециевидный дромос. На дне камеры лежал скелет взрослого мужчины, вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В засыпи входной ямы были обнаружены фрагменты железного меча, ножа, дно красноглиняного сосуда, глиняное пряслице, 4 квадратных в плане глиняных сосудика, железный наконечник копья. В камере находились: сероглиняная миска, кости барана, мраморное навершие меча, 2 бронзовые пряжки, кремень, фрагментированная железная фибула.

В 6 м к ЮВВ от центра насыпи был зафиксирован тайник: в неглубокой яме находился кованый котел, под которым располагались предметы конской упряжи.

Бронзовый, сильно смятый, кованый котел имел округлое дно, переходящее в вертикальные, несколько расходящиеся в стороны прямые стенки, и невысокий, двухъярусный вертикаль-

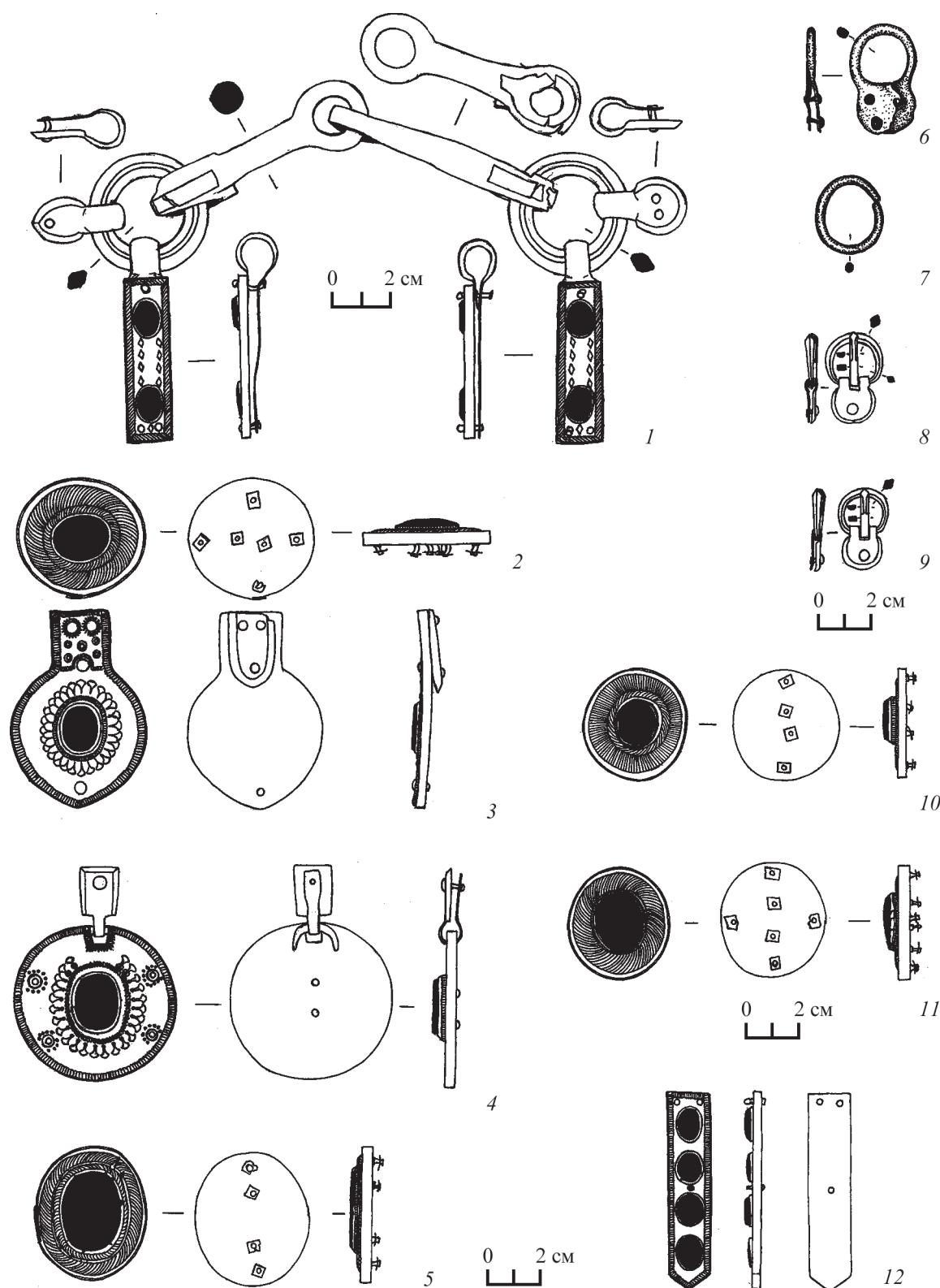

Рис. 1. Уздечный набор из тайника кургана 1 могильника Гремячий III
 1 – железные удила с серебряными кольцами и зажимами; 2, 5, 11 – бляхи с сердоликовыми вставками, тип 1;
 3 – подвески с сердоликовыми вставками, тип 1; 4 – подвески с сердоликовыми вставками, тип 2;
 6 – бронзовое кольцо с зажимами; 7 – бронзовое кольцо; 8, 9 – серебряные пряжки;
 10 – бляхи с сердоликовыми вставками, тип 2; 12 – наконечник-подвеска

ный венчик. По классификации С. В. Демиденко относится к типу V, дата – конец I–III в. н. э. (Демиденко, 2008. С. 44–47).

Железные кольчатые удила. Внешние кольца плакированы серебряной фольгой. Серебряные трензельные кольца имеют по 2 зажима: с одной стороны – округлый серебряный и прямоугольный позолоченный с 2 сердоликовыми вставками, украшенный тисненым орнаментом. С другой стороны – каплевидный и зажим полностью аналогичный первому (Рис. 1, 1).

Ремни упряжи украшены бляхами двух типов.

Тип 1 – овальные позолоченные бляхи ($4,4 \times 4,1$ см) с сердоликовыми вставками и тисненым орнаментом (3 шт.). Оправленная в серебряный с позолотой каст сердоликовая вставка, обрамлена двумя выпуклыми кольцами, украшенными насечками. С обратной стороны располагаются 6 заклепок (Рис. 1, 2, 11). Как отдельный вариант может рассматриваться бляха с аналогичным орнаментом, но отличающаяся размерами ($5,0 \times 4,3$ см) и наличием 4 заклепок с обратной стороны (Рис. 1, 5).

Тип 2 – круглые позолоченные бляхи ($4,1 \times 4,0$ см) с сердоликовыми вставками (2 шт.). Конструкция и орнамент аналогичны бляхам типа 1. Но с обратной стороны располагаются по 4 заклепки (Рис. 1, 10).

Подвески также можно разделить на два типа.

Тип 1 – каплевидные серебряные позолоченные подвески с прямоугольным выступом в верхней части и сердоликовой вставкой (2 шт.). Тисненный орнамент. С обратной стороны располагались полуovalные обоймы для крепления к концу ремня 3 заклепками (Рис. 1, 3).

Тип 2 – круглые серебряные позолоченные подвески с сердоликовой вставкой (2 шт.). Тисненный орнамент. Подвешивалась к ремню при помощи подвижной подпрямоугольной серебряной обоймы (Рис. 1, 4).

Кроме того, в состав упряжи входили:

1 – бронзовое кольцо с зажимом (Рис. 1, 6), тип С8 (Малашев, 2000. С. 198).

2 – бронзовое кольцо (Рис. 1, 7).

3 – две серебряные пряжки с круглыми щитками, имеющими загнутые края, граненные круглые в плане рамки, прямые язычки без уступа у основания (Рис. 1, 8, 9), тип П2б (Малашев, 2000. С. 196).

4 – серебряный позолоченный наконечник-подвеска с 4 сердоликовыми вставками и тисненым орнаментом. Тип Н3б (Малашев, 2000. С. 197).

Рассматриваемые детали украшений уздечной упряжи изготовлены в так называемом сердоликовом, полихромном северопричерноморском стиле второй половины III–IV вв. (Амброз, 1989. С. 22–29; Малашев, 2000. С. 194–232; Яценко, Малашев, 2000. С. 226–250).

Наиболее близки описываемому комплекту конской упряжи изделия из кургана 13 могильника Кишпек (Бетрозов, 1987. С. 11–39) и кургана 2 могильника Аэродром I (Белинский, Бойко, 1991. С. 85–96). В. Ю. Малашев объединяет их в группу Ша, которую датирует в целом концом III – первой третью IV в. н. э. (Малашев, 2000. С. 194–232; Яценко, Малашев, 2000. С. 226–250). В Кишпеке, Аэродроме I и в Гремячем III упряжь была найдена в комплексах с коваными котлами. В Аэродроме I и Гремячем III упряжь и котлы были обнаружены в тайниках за пределами могильных ям, а погребения были совершены в катакомбах. Во всех трех комплексах типологически близки наконечники-подвески.

Однако упряжь из Гремячего III имеет и ряд отличий. Для украшения был использован только сердолик. Сами бляхи крепились с помощью заклепок, а не надевались на ремень через боковые отверстия, как бляхи из Кишпека и Аэродрома I, у которых в качестве вставок применялся не только сердолик, но и разноцветное стекло. Несколько отличаются и серебряные пряжки, которые по ряду типологических особенностей сближаются с пряжками группы Ша

и группы II по В. Ю. Малашеву, как и кольцо-зажим типа С8. Представляется, что уздечная упряжь из Гремячего III занимает по отношению к наборам из Аэродрома I и Кишпека более раннюю хронологическую позицию и может датироваться серединой III в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Амбров A. K., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука. 134 с.*
- Белинский И. В., Бойко А. Л., 1991. Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника Аэродром I // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Вып. 10. С. 85–96.*
- Бетровов Р. Ж., 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 3 / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Нальчик: «Эльбрус». С. 11–39.*
- Демиденко С. В., 2008. Бронзовые котлы древних племени Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Изд-во ЛКИ. 328 с.*
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: ООО «Терра». С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона; Вып. 1).*
- Яценко С. А., Малашев В. Ю., 2000. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. № 4. С. 226–250.*

А. И. Джсонуа
Сухум, Абхазия

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В С. КУЛАНРХУА (ГУДАУТСКИЙ РАЙОН, АБХАЗИЯ)

Археологическая экспедиция Абхазского института гуманитарных исследований АНА в 2001 году провела археологические раскопки в селе Куланрхуа (пос. Адегуара), на участке усадьбы семьи народного умельца Кучи Лакрба. В работе приняли участие археолог Н. К. Шенкало и художники В. К. Лакрба, Д. Ч. Хиба.

Могильник расположен на юго-восточной стороне холма, площадью до 500 кв. м. В 10 метрах от дома к юго-западу холма, был заложен небольшой раскоп 6×5 метров. Под дерном прослеживается культурный слой глубиной 25–45 см. В содержании которого, разбросанного по разным местам, имеются фрагменты тарной и кухонной посуды в небольшом количестве. Особо можно выделить фрагменты керамики цебельдинского типа с чашечнообразным венчиком (3 экз.), а так же фрагменты пифосов с налепным орнаментом с пальчиковыми вдавлениями под горловиной.

Захоронение было найдено на глубине 30 см. Погребенный лежал головой в юго-западном направлении, в вытянутом положении на спине. Скелет сохранился хорошо, череп лежал с наклоном в правую сторону, правая рука была вытянута вдоль туловища, левая лежала на животе.

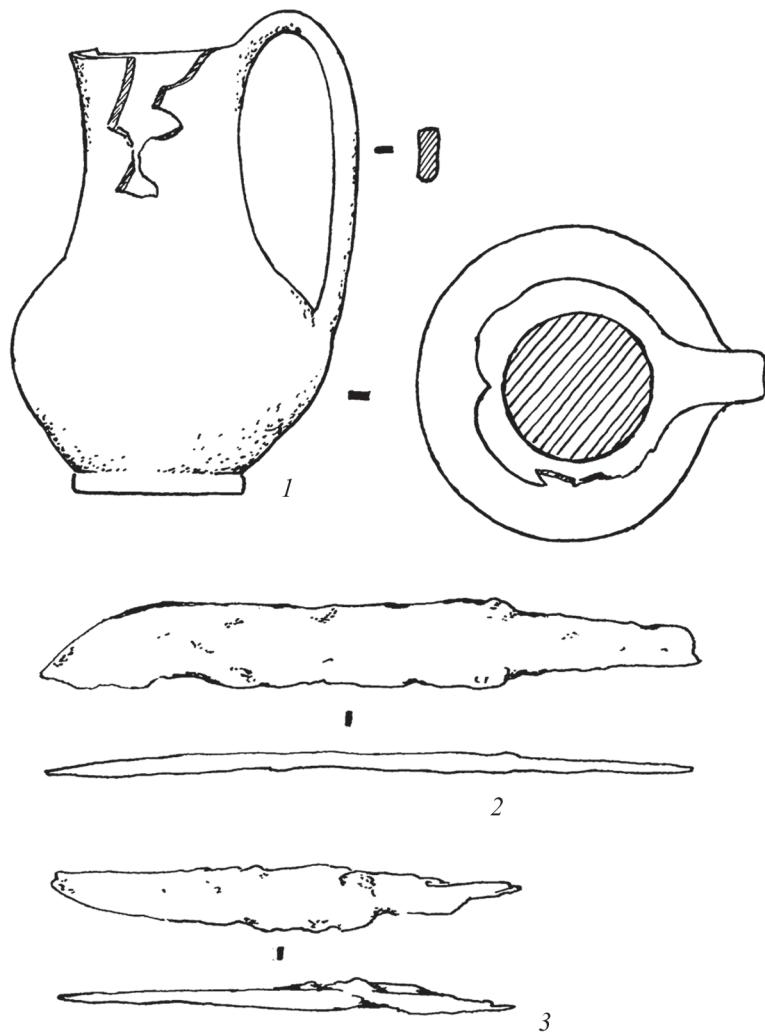

Рис. 1. Предметы из могильника Куланрхуа. 1 – ритуальный сосуд; 2, 3 – железные ножи

На правом предплечье лежал небольшой глиняный ритуальный сосуд, тонкостенный, серого цвета, с изящной ручкой.

В этом же раскопе были также открыты еще 11 захоронений, костяки в разной степени сохранности. В основном ориентация костяков направлена на юго-запад и к западу. У некоторых костяков руки были сложены на груди (№ 3, 7, 8). Некоторые скелеты были частично разрушены (№ 6–10). От захоронения № 11 сохранились только раздавленный череп и некоторые трубчатые кости рук и ног.

Аналогичные ситуации наблюдались и в раскопах №№ 2 и 3. Раскоп № 2 (5×5) был заложен к западу от раскопа № 1, здесь было обнаружено 9 захоронений. Могильная яма хорошо просматривается. Костяки ориентированы головой к западу (погр. № 12–16), к юго-западу (погр. № 17–20) и к северо-западу (погр. № 18). Погребение № 19 было, скорее всего, передвинуто в сторону во время захоронения погребенного № 16. Раздавленный череп лежал на стороне, челюсть лежала в 45 см к северо-западу, хаотично сложенный скелет в результате перемещенного захоронения и раздавленный ритуальный кувшин (Рис. 1, 1) находился в перемешку с костями. Там же был найден железный нож (Рис. 1, 2) и небольшой обломок бронзового браслета.

Раскоп № 3 заложен в 4 метрах к северу от предыдущего раскопа, во дворе семьи Лакраба (4×4). Здесь нами было прослежено еще 7 захоронений.

В могильной яме, погребение № 24, размерами 1,71×55–60 см., костяк лежал головой к северо-западу, и находился в хорошем состоянии в анатомическом порядке. Руки лежали на животе, слева от таза был найден железный нож (Рис. 1, 3), с правой стороны у ног стоял кувшинчик, украшенный глубокими вертикальными каннелюрами, вдавлениями, идущими от горлышка до середины вздутой части сосуда. Похожий сосуд известен в погребении № 69 могильника Цибилиум I, датированного рубежом IV–V в. (Воронов, 2003).

При исследовании могильника Куланхуа нами были изучены 27 захоронений. Среди них 15 были безинвентарными. Найдено 10 ритуальных глиняных кувшинчиков, 3 железных ножа и 1 фрагмент бронзового браслета.

Синхронный могильник был исследован в селе Ачандара, в поселке Цоухуа (Гудаутский район) археологами А. Н. Габелия, А. Ю. Скаковым и А. И. Джопуа. Найденные остатки могильника можно датировать памятником V в. н. э. Там были обнаружены также ритуальные сосуды и прослежен такой же обряд захоронений. Делая выводы, А. Ю. Скаков и А. И. Джопуа пишут: «Могильник оставлен группой сельского населения, в которой судя по отсутствию предметов вооружения и крайне бедному инвентарю, не было представителей воинской верхушки общества, но его инвентарь, имеет некоторые аналоги в некрополях Цебельды. Скорее всего, могильник принадлежал известному по письменным источникам племени абасгов» (Скаков, Джопуа, 2006. С. 235–251) следы, которых неизменно прослеживаются от эпохи раннего металла.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронов Ю. Н., 2003. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиум в 1977–1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 348 с.
- Скаков А.Ю, Джопуа А. И., 2006. Могильник абасгов в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. С. 235–251.

И. А. Джопуа
Сухум, Абхазия

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗИИ

В работе будут рассмотрены погребения воинской знати конца позднеантичной эпохи из регионов центральной Абхазии, в основном происходящие из некрополя Цебельды и ее окрестностей. На сегодняшний день некрополи Цебельдинской долины являются достаточно изученными в археологическом плане. Материалы археологических раскопок введены в научный оборот многими учеными кавказоведами. Для них разработана подробная хронология и типология вещей. В других регионах Абхазии для этого времени пока известны лишь единичные комплексы.

Цебельдинская долина – особый природно-географический и историко-культурный регион насыщенный археологическими артефактами. Впервые памятники цебельдинской археологической культуры были обнаружены в 1945 г. И. А. Гзелишвили. Выявленный им материал

не был введен в научный оборот, если не считать статью К. Берзенишвили, который позднее изучил полученный с раскопок материал. Впоследствии исследованиями данного памятника занимались абхазские археологи М. М. Трапши, М. М. Гунба, Г. К. Шамба, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба.

В материалах могильника Шапкы, изученного первым исследователем цебельдинских некрополей М. М. Трапши об имущественном неравенстве, в первую очередь, свидетельствуют – позолоченный бронзовый умбон, золотой браслет, золотой крест и кулон, выявленные в 1960–1967 гг. (Гунба, 1978. С. 114).

Ряд погребений могильника на холме Алраху можно использовать для характеристики социального состава населения к концу античности. Из раскопок М. М. Гунба 1968 года, проходит, на наш взгляд, два привилегированных погребения. Первое, погребение 8, где среди прочих вещей, были найдены следующие предметы: железный двулезвийный кинжал с серебряными пластинками на ножнах, богатая поясная гарнитура, железный топор, два наконечника копья. Второе, погребение № 22, где с покойником находился его конь, сопровождали нож с серебряным украшением рукоятки, четыре фибулы, серебряные пластины и восемь бусин.

Из выявленных на северо-западном склоне горы Апианча 25 погребений, нам представляется интересной могильная яма № 40. Погребальная урна орнаментирована точечным знаком. В урне найдены следующие предметы: железный двулезвийный кинжал, железный однолезвийный меч, железное кресало, серебряная фибула, железный топор, наконечники копии. Погребальный комплекс датируется V в. В целом он соотносится со вторым уровнем богатства погребений определенным М. М. Казанский и А. В. Мастьковой (Казанский, Мастькова, 2009. С. 26). Эти находки также свидетельствуют о существовании имущественного неравенства не только между социальными слоями, но и внутри одной социальной группы (Гунба, 1978. С. 114).

Появление высоко милитаризованного общества на территории центральной Абхазии к концу античности представляет собой результат все более возрастающего имущественного расслоения, что и отразилось на характере погребений рассматриваемого периода. Процент погребений с оружием здесь весьма высок (Трапши, 1971. С. 143). Кристаллизация правящих элит происходила постепенно и, скорее всего, их окончательное оформление завершилось к началу V в., когда привилегированные могилы в значительном количестве появляются на абхазских могильниках (Казанский, Мастькова, 2009. С. 29).

ЛИТЕРАТУРА

- Гунба М. М., 1978. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси: Мецниереба. 124 с.
- Мастькова А. В., Казанский М. М., 2009. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // Научные ведомости БелГУ. № 9 (64). Вып. 11. С. 25–31.
- Трапши М. М., 1971. Культура цебельдинских некрополей. Труды: В 4-томах. Том 3 / Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба. 255 с.

М. В. Добровольская
Москва, Россия

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СКЛЕПОВ ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ

В 2013 году в ходе полевого сезона Фанагорийской экспедиции под руководством В. Д. Кузнецова, были получены многочисленные скелетные материалы из склепов Восточного некрополя, которые датируются рубежом эр – I-II вв. новой эры (определение А. Н. Ворошилова). Одним из наиболее дискуссионных вопросов, связанных с изучением населения этого крупнейшего города Восточного Боспора остается так называемая «сарматизация» (например, *Десятников, 1973; 1974*). Сам по себе термин в настоящее время требует прояснения, так как под этнонимом «сармат» могло скрываться какое угодно этнокультурное, культурное и иное смысловое наполнение. Несмотря на то, что этой проблеме посвящена обширная литература, разнообразие источников позволяет предлагать различные интерпретационные схемы.

Крупные склепы римского времени содержат массовый палеоантропологический материал. Само по себе существование склепа с многочисленными захоронениями свидетельствует об известной социальной стабильности, позволявшей использовать погребальное сооружение в ряду поколений. Его ценность состоит в возможности охарактеризовать не группу разрозненных скелетных материалов из погребений с широкой датировкой, а коллектив объединенный, вероятнее всего, родственными узами, который был связан с Фанагорией на протяжении ряда поколений. Наиболее масштабными оказались скелетные серии из склепов 191 и 195.

Остановимся на половозрастных особенностях индивидов из этих склепов. В склепах присутствовали как скелеты погребенных в позднюю пору функционирования погребального сооружения, так и фрагментированные, турбированые скопления костей, сформировавшиеся путем смещения погребенных в более ранние периоды функционирования склепа. Прежде всего, было необходимо определить минимальное число индивидов, погребенных в склепе. Для этого производилась разборка материалов с выявлением и подсчетом аналогичных костей или фрагментов костей. Затем проводилась половозрастная диагностика этих костей или их фрагментов, сопоставление по различным отделам скелета. Полученные численности и есть основа для выделения минимального числа индивидов.

Так, в склепе 191 было обнаружены останки минимум 74 индивидов. Многочисленные половозрастные определения позволили нам составить картину «демографического своеобразия» группы из склепа. Для этого была использована палеодемографическая программа Acheron, разработанная Д. В. Богатенковым, и широко применяемая в палеодемографических исследованиях (*Алексеева, Богатенков, Лебединская, 2003. С. 20–21*). Полученные данные не являются собственно палеодемографическими характеристиками популяции, а изолированной группы. Но именно эта «изоляция» становится объектом нашего исследования, инструментом в понимании гипотетических причин формирования этой общности «людей из склепов». Группа людей из склепа 191 вряд ли может быть рассмотрена как семейная усыпальница. Резко нарушены паритетные (или близкие к ним) численные соотношения мужчин и женщин, которые типичны для популяционных и семейных групп. Фрагменты мужских скелетов преобладают, составляя около 80% всех взрослых. Также непропорционально малое число детских погребений, отсутствие младенческих захоронений свидетельствует об искусственной деформации состава погребенных. Следует обратить внимание на присутствие в мужской выборке группы молодых мужчин (даже моложе 20 лет!), а также значительной группы мужчин старше

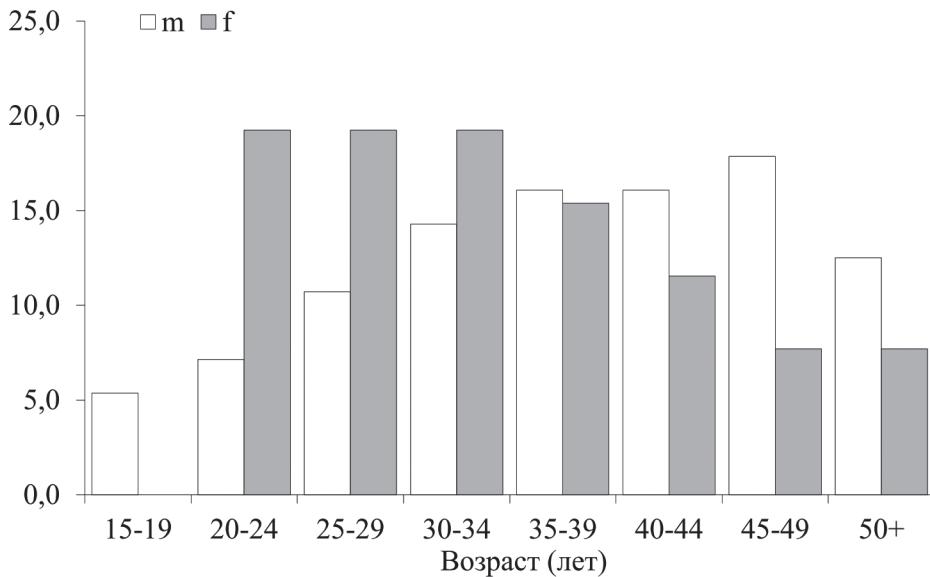

Рис. 1. Процентное соотношение возрастных групп мужчин и женщин в выборке из склепа 191

45 лет (Рис. 1). Кроме данных палеодемографии, важно упомянуть о частых свидетельствах повышенных физических нагрузок, травмах, высоком проценте встречаемости «фасетки кавалериста» (Бужилова, 2008. С. 117), крайне низкой встречаемости кариеса.

Склеп 195, по определению А. Н. Ворошилова, относится к I в н. э. Все скелетные останки также подразделяются на две группы: погребенные в заключительную пору функционирования склепа, расположенные вдоль длинных стен склепа *in situ*; скопление смещенных и перемещенных фрагментированных останков, образовавшееся в результате «освобождения» места для последующих погребенных. В целом, картина описанная для группы индивидов из склепа 191, характерна и для данного скопления. Также в склепе был обнаружен сосуд с кремированными останками человека. Общая масса скопления превышает 3 кг. Разбор фрагментов позволил выявить две группы фрагментов, отличающихся по цвету и ряду других признаков. Итак, общая численность индивидов в склепе – около 15 человек. Здесь также преобладают мужские скелеты, однако малая численность не позволяет нам обращаться к статистическим методам обработки. Особое внимание было обращено на кремированные скелетные останки. Разбор фрагментов позволил выявить две группы фрагментов, отличающихся по цвету и ряду других признаков. Более светлые фрагменты имеют ярко выраженные деформационные трещины, пластические деформации, формирующиеся в процесс сжигания тела недавно скончавшегося человека. Темные фрагменты не имеют этих изменений, и деформационных трещин. Такие особенности появляются при сжигании в той или иной степени уже скелетированных останков. Обе группы фрагментов включают анатомически аналогичные участки, поэтому есть все основания заключить, что в сосуде находятся останки двух взрослых мужчин в возрасте 25–39 лет.

Изученные скелетные останки из склепов 191 и 195 позволяют предполагать, что в них были аккумулированы останки людей, связанных с воинским ремеслом.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М: Научный Мир. 131 с.
- Бужилова А.П., 2008. К вопросу о распространении традиции верховой езды: анализ антропологических источников // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6 / Отв. ред. А. П. Бужилова. М: ИА РАН. С. 110–120.
- Десятчиков Ю.М., 1973. Сарматы на Таманском полуострове // СА. № 4. С. 70–72.
- Десятчиков Ю.М., 1974. Процесс сарматизации Боспора: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. истор. наук. М.: ИА АН СССР. 20 с.

Э. Иштванович, В. Кульчар
Ньиредъхаза, Сегед, Венгрия

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ВАРВАРОВ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВЕНГРИИ

В отношении варваров, живших на территории Венгрии, начало гуннского времени частично совпадает с позднесарматским периодом. Дискуссионен вопрос о времени занятия гуннами Карпатского бассейна. Алфёльд, вероятно, попадает под гуннское господство около 380 г. Предполагают, что Валерия была передана гуннам около 406 или 409 г., а Паннония Прима в 431 или 433 г. Встает обычный в археологии вопрос: насколько наши находки отражают исторические факты?

1. Барбарикум

В последней четверти IV в. Барбарикум Алфёльда весьма разнороден в этническом отношении. Число погребений явно возрастает, т. е. мы имеем дело с «демографическим бумом», единственное объяснение которому предлагается во все новых миграционных волнах. Более ранний археологический горизонт не исчезает – автохтонное население вписывается в новую структуру. Более ранние сарматские поселения и могильники продолжают существовать и в начале V в. Новостроечные раскопки крупными площадями последних десятилетий выявили по всему Алфёльду поздние могильники, характеризуемые старыми сарматскими традициями (например, погребения с ровиками, женский костюм с большим количеством бус), которые – в первую очередь на основании пряжек с хоботовидным язычком – датируются началом V в. Наряду с обычными сарматскими могильниками появляются некрополи нового типа (группы Тисадоб и Артанд). Для новых находок, с одной стороны, обычно характерна униформизация (такие же вещи и элементы обряда, как в погребениях этого времени восточнее и западнее региона). Это северная и западная ориентировка, погребения в простых ямах, серьги с многогранником, гребни, кувшины типа Мурга, пряжки с хоботовидными язычками, подвязные фибулы, зеркала типа Чми–Бригетио). С другой стороны, эти новые некрополи

чрезвычайно разнородны: сильно отличающиеся могильники/одиночные погребения/группы погребений (например, в одних могильниках много деформированных черепов, в других они совсем не встречаются; ориентировка в одних могильниках единна, в других – разнобразная; некрополи отличаются по структуре, по расположению инвентаря, например посуды и т. д.). Эта ситуация не изменяется до прихода гепидов. В дальнейшем мы наблюдаем такую картину на периферии, в то же время гепидские находки Алфёльда VI в. указывают на цельную археологическую культуру.

Выделяются три типа погребений последней трети IV–V в.: одиночные погребения/жертвенники, небольшие группы погребений и крупные могильники.

Эти различия в некоторой степени отражают социальную стратификацию, для более детального изучения которой необходимо добавить анализ инвентаря и погребального обряда отдельных общественных слоев. Необходимо оговориться, что термины «одиночные» и «небольшая группа» погребений вовсе неоднозначны. Ранее исследователи ассоциировали погребения горизонта Тисалёк–Мад со «знатными дамами». Сегодня уже известно, что погребения с пластинчатыми фибулами не одиночны. В то же время в ходе раскопок крупными площадями были найдены т. н. одиночные погребения без пластинчатых фибул. Именно эти раскопки показали, что речь идет не о собственно одиночных погребениях, т. к. на нескольких памятниках были найдены погребения одного периода, расположенные на расстоянии 50–200 м друг от друга. Их принадлежность к единому некрополю недоказуема, но весьма вероятна. Общей чертой этих памятников является, что погребения гуннского времени совершались неподалеку от сарматского могильника или поселения, немногим более ранних, или гуннского же времени. В одном случае для «одиночного» погребения был использован ровик сарматской могилы. В данной работе мы анализируем отношение горизонта сарматских находок и одиночных/небольших групповых погребений, а также место последних, занимаемое в социальной иерархии.

2. Дунайские провинции (Паннония I–II, Валерия, Савия)

В римских провинциях Карпатского бассейна более ранние вещи и отдельные элементы погребального обряда также сохраняются в V веке. На основании данных топонимики резко различаются восточные и западные части бывшей римской территории (нынешняя Западная Венгрия), так как на западе наблюдается континуитет в названиях (например, Vindobona/Wien, Sala/Zala, Arrabona/Rába, Poetovio/Ptuj и пр.), в то время как на восточной территории этой преемственности нет, что, вероятно, связано с эвакуацией римского населения. В докладе мы коротко остановимся на старой проблеме провинций – заселение варваров, вопрос федератов – концентрируя свое внимание скорее на новом материале, характеризуемым отличием от более ранних, провициально-римских вещей и элементов обряда. Одиночные погребения или жертвенники были найдены также в Западной Венгрии. Некоторые более ранние могильники продолжают функционировать. Новые, небольшие могильники гуннского периода схожи с алфёльдскими, разница наблюдается главным образом в их связях с соседними территориями или автохтонным населением.

A. A. Кадиева
Москва, Россия

**МОГИЛЬНИК АЛДАР-РЕЗЕН БЛИЗ СЕЛЕНИЯ
КУМБУЛТА – ЭЛИТНЫЙ НЕКРОПОЛЬ ПОЗДНЕРИМСКОЙ ЭПОХИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК К. И. ОЛЬШЕВСКОГО)**

«В двух верстах от селения Донифарс, вверх по течению реки Уруха, лежит аул Камбылте (Кумбулта – А.К.) от которого также вверх по течению на расстоянии пол-версты на южном склоне горы, выше реки на 150 саженей были произведены раскопки К.И. Ольшевским в местности, прозвываемой Алдар-Резен» (Уварова, 1900. С. 210). Так начинается повествование П.С. Уваровой о могильниках близ селения Кумбулта в Дигорском ущелье современной Республики Северная Осетия – Алания. В окрестностях этого села находится довольно значительное количество погребальных памятников различных эпох, содержащих весьма выразительный археологический материал, что справедливо оценили как ученые дореволюционной России (и их европейские коллеги), так и современные археологи-кавказоведы, чей круг научных интересов находится в хронологических рамках от эпохи бронзы до финала раннего средневековья.

Однако могильник Алдар-Резен выпал из поля зрения исследователей, поскольку описание погребального инвентаря, осуществленное автором раскопок, не вызывало четких ассоциаций с определенной исторической эпохой, и потому никто не признавал его «своим». Между тем, в собрании К.И. Ольшевского, хранящемся в Государственном историческом музее, предметы из Кумбулты, которые можно соотнести с могильником Алдар-Резен, представляют довольно выразительную коллекцию, нуждающуюся в тщательном описании и анализе. Публикация материалов этих небольших раскопок и является предметом работы, предлагаемой вниманию читателя. К.И. Ольшевский раскопал шесть погребений с однотипным устройством могильных сооружений. Дневник раскопок был включен в монографию П.С. Уваровой (Уварова, 1900. С. 210–213). Поскольку погребальные конструкции описывались по принципу «устройство ее такое же, как и предыдущих», а за образец было взято погребение 3, представляется целесообразным привести здесь выдержку из дневника, посвященную последнему.

«В небольшом откосе, после снятия первого слоя земли, на глубине одного аршина, найдена плита, на которой лежали кости животного. Длина плиты 110 см, ширина 40 см; под нею найдена совершенно сгнившая доска, украшенная с внутренней стороны весьма тонкими пластинками золота. Продольный слой доски имел направление с северо-востока на юго-запад. Под доской лежал вполне истлевший скелет головой на юго-запад. Внутренность могилы обложена речным камнем» (Уварова, 1900. С. 211).

Традиция погребения в ямах с каменными обкладками является характерной чертой погребального обряда племен кобано-колхидской культурно-исторической общности. При этом, погребения в таких ямах осуществлялись как в западном (Алексеева, 1971. С. 59, 60), так и в восточном (Марковин, 2002. С. 106–107) вариантах данной общности. Эта же традиция прослежена и на могильнике Гастон Уота, находящемся на расстоянии около 2 км к северо-западу от селения Кумбулта (Мошинский, 1997. С. 44). А.П. Мошинский, автор раскопок могильника, отмечает длительность бытования в Дигорском ущелье обычая захоронения в ямах с каменной обкладкой, определяя хронологический промежуток его функционирования в рамках II тыс. до н.э – V в. н.э. При этом исследователь подчеркивает непрерывность существования данной погребальной практики. В погребениях кобанской эпохи на каменную обкладку ямы укладывались доски, т.е.

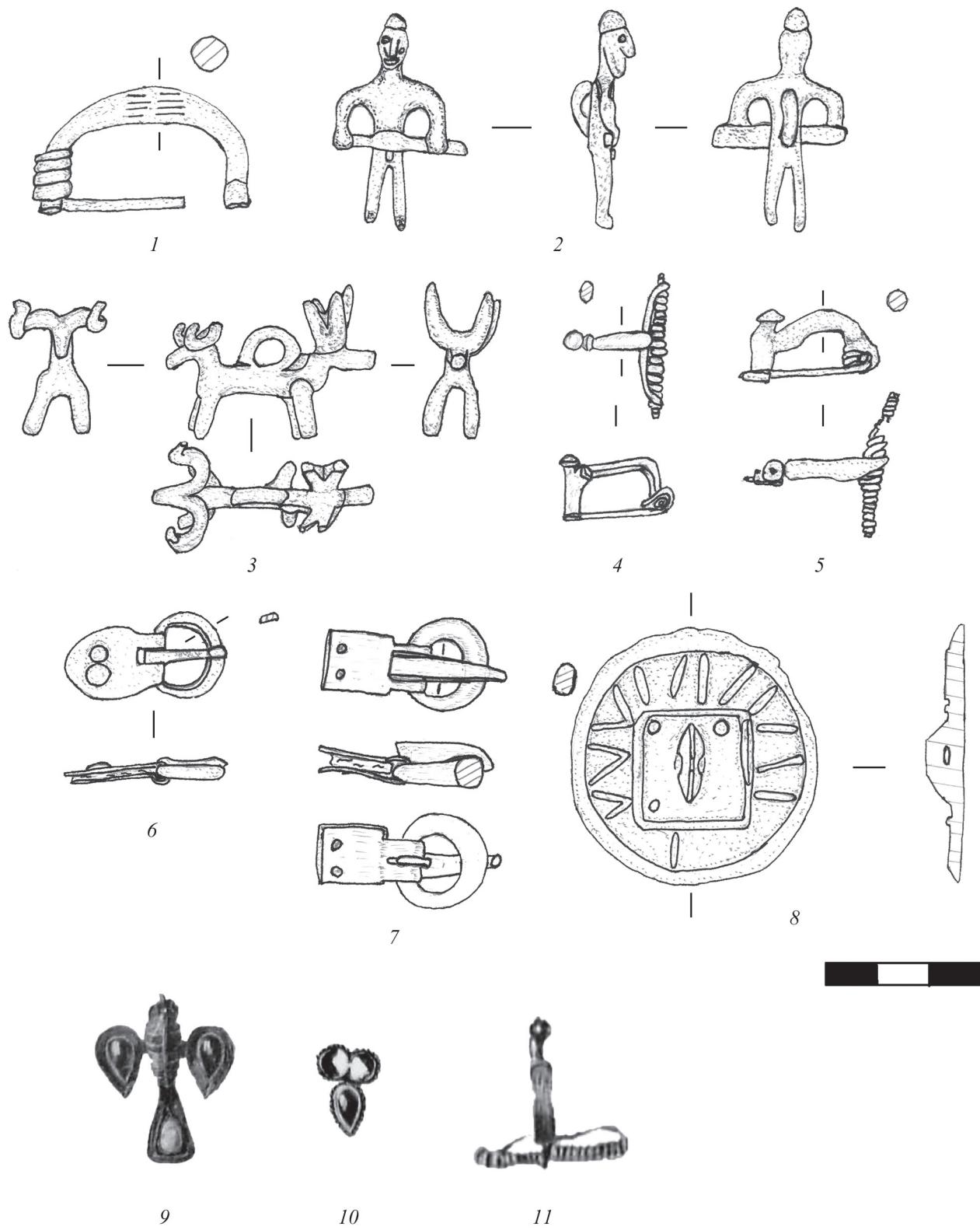

Рис. 1. Предметы из могильника Алдар-Резен близ селения Кумбулта

1 – дуговидная фибула; 2 – фигурка человека; 3 – фигурка барано-оленя; 4, 5 – сильно профилированные фибулы; 6, 7 – пряжки; 8 – зеркало (с 1 по 8 рисунки А. А. Кадиевой); 9 – фибула в виде птицы; 10 – подвеска; 11 – сильно профилированная фибула (с 9 по 11 по: Уварова, 1900. Табл. СХХIII, 1–3).

1–8 – медный сплав, 9–11 – золото.

9–11 – без масштаба

она, по словам А. П. Мошинского «выполняла функцию заплечников». Очевидно, в погребениях могильника Алдар-Резен каменная обкладка ямы играла ту же самую роль.

Таким образом, конструкция ям с каменной обкладкой восходит к погребальному обряду кобанской эпохи. Помимо обряда преемственность прослеживается и в отдельных категориях инвентаря – в дуговидных фибулах (Рис. 1, 1) и предметах антропоморфной (Рис. 1, 2) и зооморфной пластики (Рис. 1, 3).

Датировку могильника определяют сильно профилированные фибулы (Рис. 1, 4, 5), пряжки с овальным щитком и язычком с прогибом в средней части, не заходящим за рамку (Рис. 1, 6), хоботковидные пряжки (Рис. 1, 7) и зеркала с центральной петлей, орнамент одного из которых выполнен в виде квадрата (Рис. 1, 8). Судя по этим находкам, памятник функционировал в рамках III–V вв.

Наличие в погребениях изделий из драгоценных металлов (серебряные пряжки, дисковидная фибула с обкладкой из золотой фольги, золотая птицевидная фибула, украшенная зернью и эмалью), а также обкладка листками золота доски определенно указывает на то, что могильник принадлежал элите местных племен. Вероятно, источником их благосостояния было осуществление контроля за перевальных маршрутами, связывающими Горную Дигорию с плоскостной, а также с территорией современной Балкарии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития. М.: Наука. 355 с.
- Марковин В. И., 2002. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су (Северо-Восточный Кавказ). М.: Наука. 154 с.
- Мошинский А. П., 1997. Погребальный обряд могильника Гастон Уота // Археологический сборник. Погребальный обряд / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. С. 38–46. (Труды ГИМ; Вып. 93).
- Уварова П. С., 1900. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова. 325 с.

А. А. Кадиева, А. Ю. Скаков, А. И. Джонуа
Москва, Россия; Сухум, Абхазия

ПОСЕЛЕНИЕ ДЖАНТУХ В ВОСТОЧНОЙ АБХАЗИИ: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ РЕМЕСЛЕННИКОВ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Археологические памятники Республики Абхазия эпохи Великого переселения народов имеют особое значение для исследователей данного исторического периода. Мировую известность приобрели Цебельдинские некрополи, к материалам которых регулярно обращаются не только археологи-кавказоведы, но и ученые, занимающиеся древностями этого времени всей

Восточной и Западной Европы. Однако в отличие от равнинной и предгорной части Абхазии, ее горная зона почти не исследована, ни один из поселенческих памятников на сегодняшний день не подвергся раскопкам.

Потому любые работы в горах Абхазии приобретают особенную значимость. Начиная с 2005 г. совместная археологическая экспедиция ИА РАН, АБИГИ и АГМ ведет раскопки Джантухского могильника с погребальными комплексами XII–II вв. до н. э. Некрополь находится на горе Джантух (г. Ткуарчал, пос. Акармара) в горной части Юго-Восточной Абхазии в ущелье р. Галидзга (Ааалдзга). В 2006 г. к югу от могильника на поляне на склоне горы (между двумя родниками) было обнаружено поселение, при этом визуально прослеживались две террасы, идущие в направлении северо-запад – юго-восток. В дальнейшем, на склоне ниже поселения, у родника, был обнаружен фрагмент керамического дисковидного пряслица (Рис. 1, 6).

В 2007 г. на площадке поселения были заложены два шурфа размерами 4×2 м. Шурфы были ориентированы не по сторонам света, а поперек террас, с юго-запада на северо-восток. Это было сделано с целью выявить опорные стенки террас.

В шурфе 1 (верхнем) (Рис. 1, 1) на материке хорошо прослеживалась ступенька в южной части шурфа, на ней выявлена оконечность опорной стены террасы из камней среднего и мелкого размера, сохранившейся на высоту в два камня и на длину 0,46 м. Культурный слой имеет мощность от 0,28–0,44 (в западной части) до 0,86 м (в восточной части) и состоит из поддернового слоя, серого гумусированного суглинка, желтоватого гумусированного суглинка.

В шурфе 2 (нижнем) (Рис. 1, 2) также прослежена ступенька, при этом следов опорной стены террасы не обнаружено, вероятно, ее оконечность находится юго-восточнее борта шурфа. Ступенька проходит в направлении юго-восток – северо-запад. В северо-западном углу шурфа выявлены остатки сохранившейся на высоту в один камень стены из камней среднего размера, происходящей наискосок, в направлении север-юг. Среди камней стены найден наконечник стрелы (Рис. 1, 5). Рядом со стеной обнаружены фрагмент стеклянного сосудика (Рис. 1, 7) и зернотерка из камня прямоугольной формы (Рис. 1, 4). Стратиграфия культурного слоя мощностью от 0,44 до 0,8–1 м в шурфе 2 аналогична стратиграфии шурфа 1.

По стреле, учитывая керамический материал, обнаруженное поселение может быть датировано серединой I тыс. н. э. Типологически близкие стрелы найдены в погребении 54 могильника Абгыдзраху в Цебельде, датированном IV в. н. э. или второй половиной IV–началом V в. н. э. (Трапиш, 1971. С. 151, 219. Табл. XXXI, 24, 25). Стеклянный фрагмент, вероятно, является обломком колоколообразной профилированной ножки сосуда, известные аналоги датируются IV в. (Кунина, 1997. С. 330–331. Ил. 197. № 395).

В 2013 г. на верхней террасе поселения был заложен шурф 3 размерами 2×2 м (Рис. 1, 3). Целью закладки шурфа была проверка наличия и сохранности культурного слоя на территории поселения не возле подпорных стен террас и на их краях, а на основной площади, которая подвергалась распашке в недавнем прошлом. Мощность слоя в шурфе 0,25–0,4 м, основной слой представлен серым гумусированным суглинком. В центре шурфа выявлена яма, окруженная системой лунок. Размер ямы – 0,9×1,1 м, глубина 0,3 м, она немного вытянута с севера на юг, форма ее неправильная, близкая к подовальной. Большинство лунок находится к югу и юго-востоку от ямы. К юго-востоку от нее в углу квадрата выявлена еще одна яма, уходящая за пределы шурфа. Из находок необходимо отметить поддон сосуда с солярной орнаментацией и фрагмент стеклянного сосуда.

Находки керамики на памятнике немногочисленны, что свидетельствует о непродолжительности существования поселения. В целом керамический материал достаточно однороден и обнаруживает близость к цебельдинской посуде. Основная его часть представлена фрагментами пифосов и горшков рыжего цвета, часто орнаментированных горизонтальными линиями или

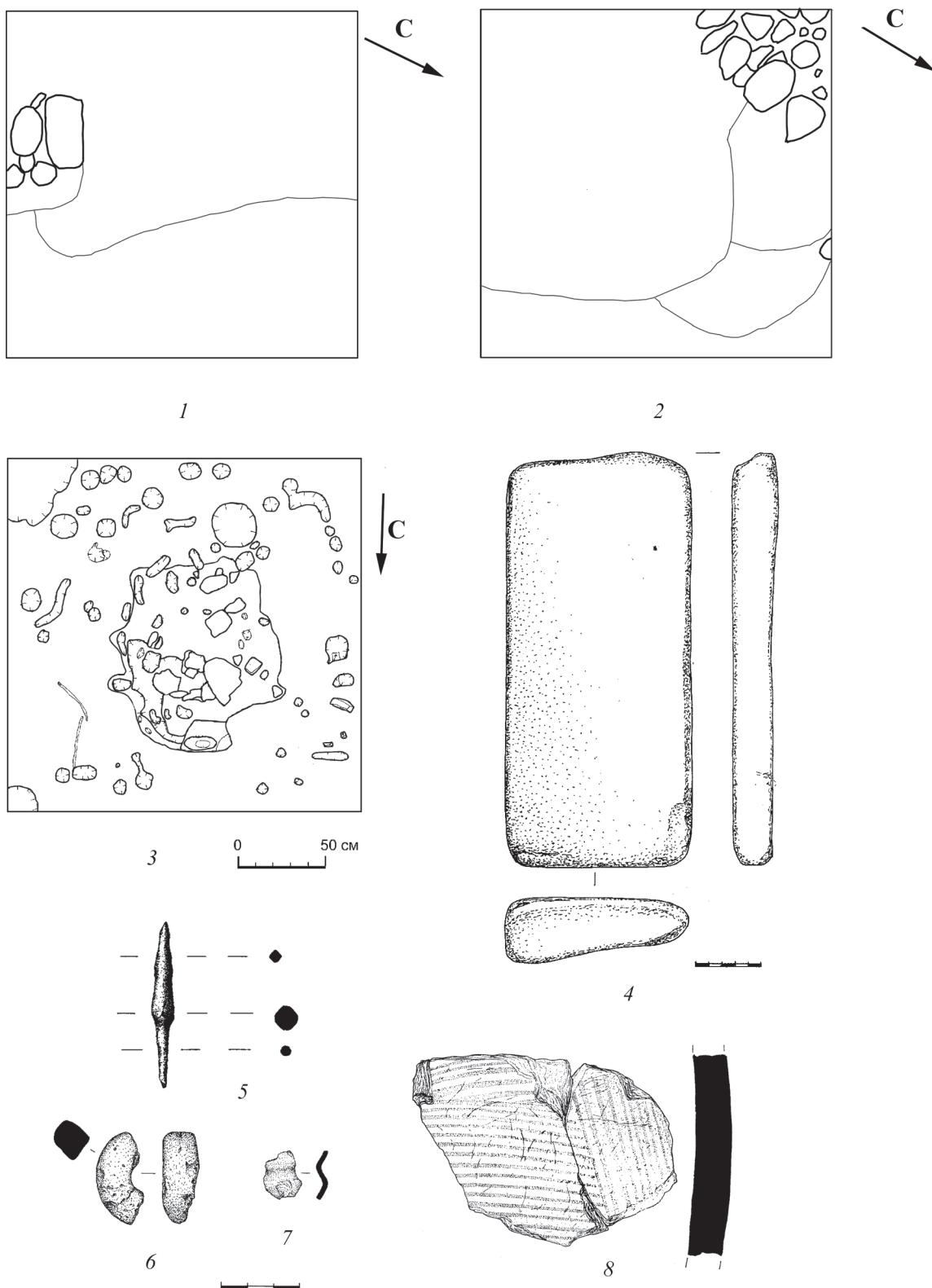

Рис. 1. Поселение Джантух. Планы шурфов и находки
 1 – шурф 1, план; 2 – шурф 2, план; 3 – шурф 3, план; 4 – зернотерка, камень; 5 – наконечник стрелы, железо;
 6 – фрагмент пряслица, глина; 7 – фрагмент сосуда, стекло; 8 – фрагмент пифоса, глина

расчесами (Рис. 1, 8), иногда семечковидными насечками по венчику. Встречены также фрагменты кувшинов и, возможно, кружек. Тесто сосудов рыхлое, обжиг достаточно плохого качества. Среди находок этой категории выделяются фрагменты импортных амфорных сосудов (6 экз.).

Яма, находящаяся в центре шурфа 3, судя по находкам керамического брака, относится к производственным сооружениям. Таким образом, поселение Джантух, носило, в том числе, и ремесленный характер. Необходимо отметить, что памятник находится на одном из активно использовавшихся в древности перевальных маршрутов (Скаков, 2013. С. 48–54). Вероятно, это в какой-то степени объясняет неординарный характер поселения, а также относительно высокий социальный статус его жителей, подтверждаемый находками фрагментов стеклянных сосудов и импортной керамики. Первая из упомянутых категорий инвентаря является надежным маркером высокого социального статуса (Коробов, 2003. С. 197).

ЛИТЕРАТУРА

- Коробов Д. С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа. IV–IX вв. СПб.: Алетейя. 379 с.
- Кунина Нина, 1997. Античное стекло в собрании Эрмитажа. ГЭ. СПб.: Издательство АРС. 360 с.
- Скаков А. Ю., 2013. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Том I. Абхазия. М.: ИВ РАН. С. 23–75.
- Трапиш М. М., 1971. Культура Цебельдинских некрополей // Труды. Том III. Тбилиси: Мецниреба. 256 с.

М. М. Казанский
Париж, Франция

ИЕРАРХИЯ «ВОИНСКИХ» ПОГРЕБЕНИЙ В АБХАЗИИ (II–VII ВВ.) И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Включение народов Абхазии в орбиту военной политики Римской империи привело к ускорению социального расслоения внутри этих племен, их милитаризации, появлению «воинской» аристократии. В археологическом материале эти явления выразились в появлении многочисленных погребений с оружием, а также «вождеских» могил, скорее всего, принадлежащих военным предводителям. В некрополе Шапка 28 из 86 могил, исследованных к 1971 году, т. е. 32,5% от общего числа, содержали оружие (Трапиш, 1971. С. 127, 143), а на кладбище Шапка-Ахъяцахру оружие присутствует почти в половине изученных погребений (Трапиш, 1975. С. 69). На могильнике Цибилиум исследовано 467 погребений, из них не менее 120, т. е. не менее 25%, содержали предметы вооружения (Воронов, 2003). С проявлением воинской иерархии связаны и могилы, сопровождавшиеся захоронениями коней (Казанский, Мастыкова, 2009а).

Можно выделить четыре уровня богатства (Kazanski, Mastykova, 2007. Р. 16; Казанский, Мастыкова, 2009б):

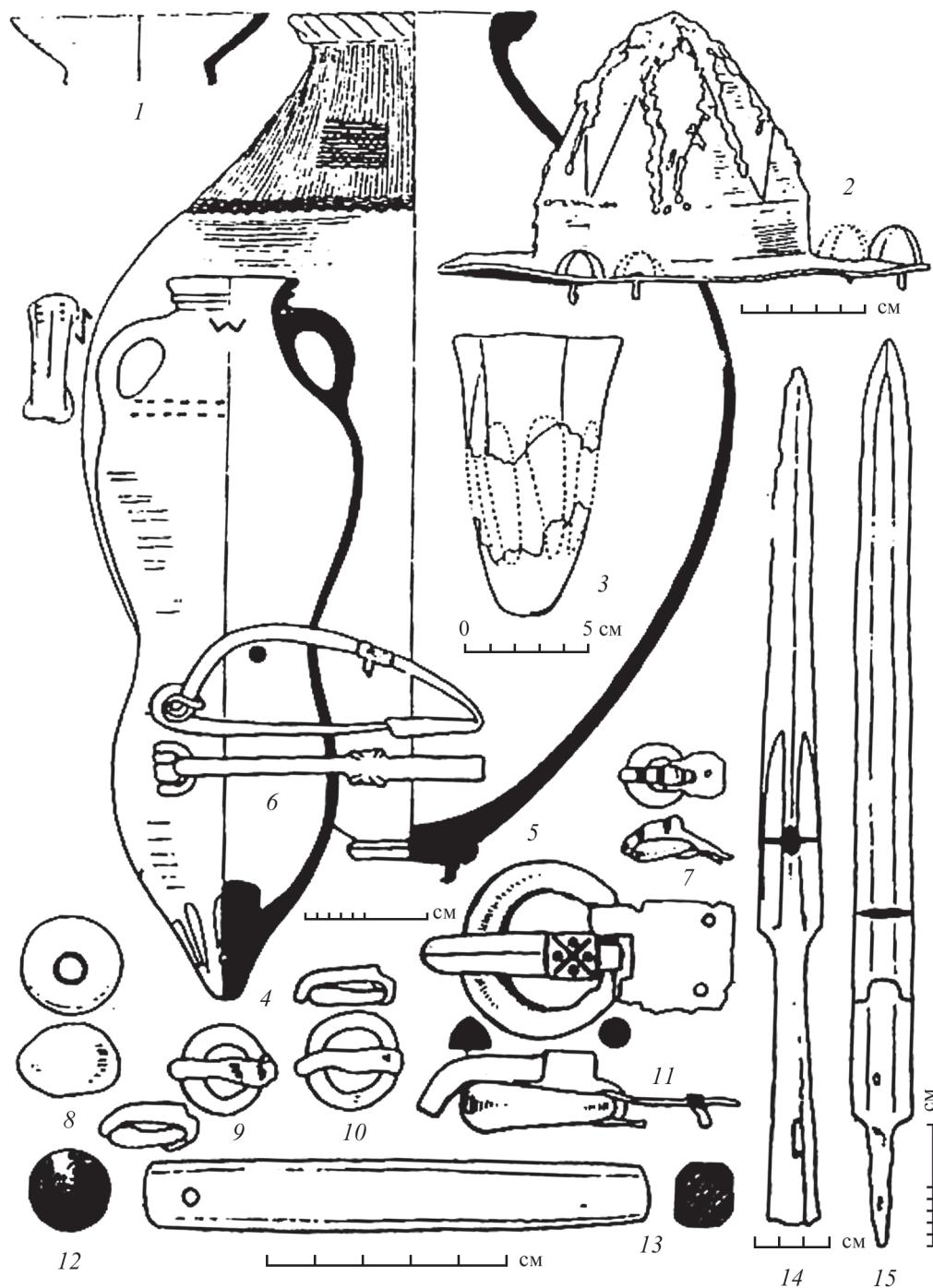

Рис. 1. Погребение Уровня 1. Шапка-Абгыдзраху, погр. 12
Стадия III (по: Kazanski, Mastykova, 2007. Pl. 3)

– **Уровень 1** (Рис. 1). Погребения с парадным оружием (мечи и кинжалы с декором полихромного стиля, позолоченные умбоны и пр.), с престижными ременными гарнитурами и редкими дорогими предметами импорта.

– **Уровень 2** (Рис. 2). Погребения с набором вооружения, включающим меч, часто содержащие престижную ременную гарнитуру. Видимо, к этому же уровню следует отнести погребения с оружием и конскими захоронениями.

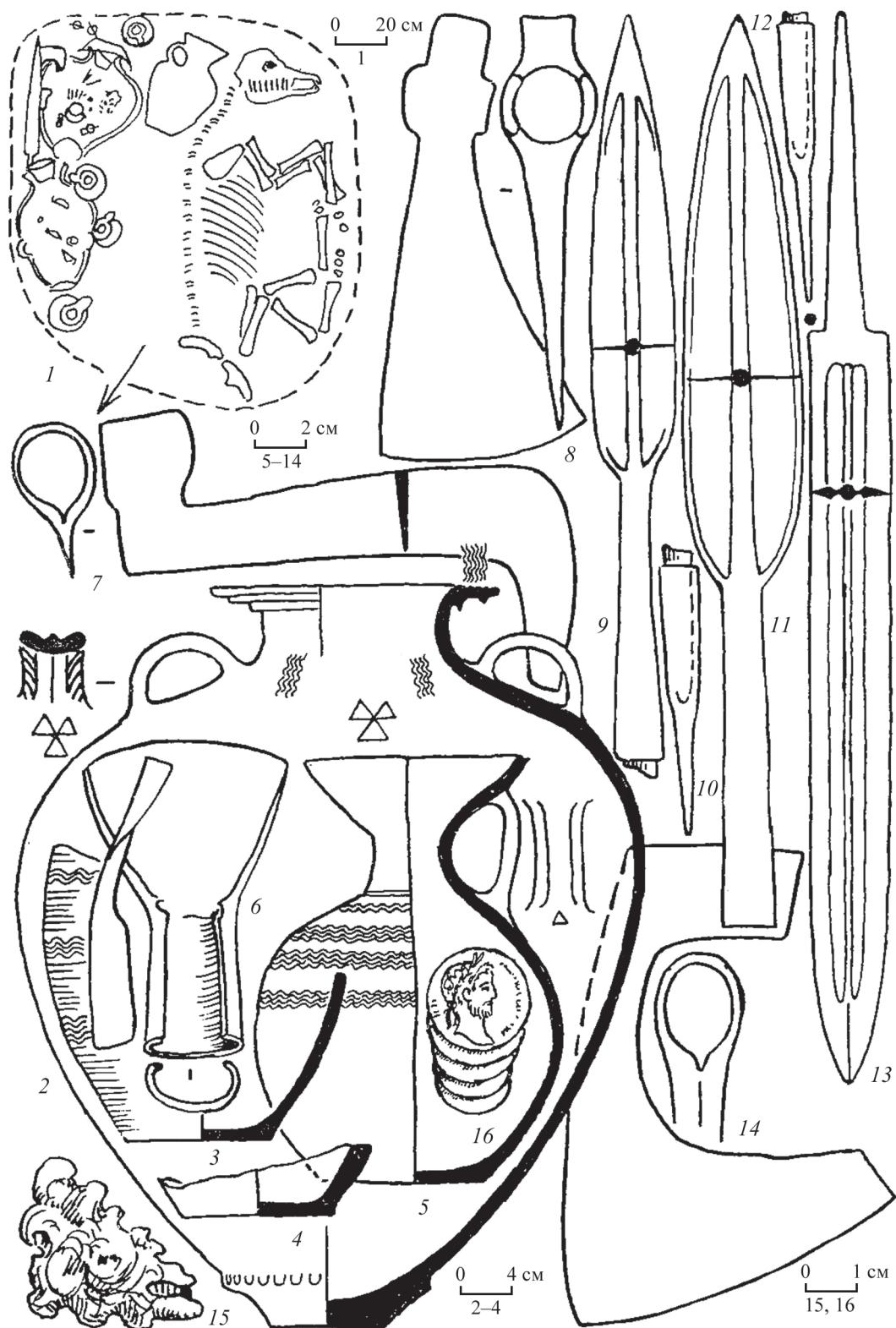

Рис. 2. Погребение Уровня 2. Цибилиум-10, погр. 455 и 455
Стадия I/1 (по: Voronov, 2007. Fig. 216)

– **Уровень 3** (Рис. 3, 1–15). Погребения с полным или частичным набором предметов вооружения (копье, топор, щит, лук и стрелы). Для финальной фазы цебельдинской культуры к этому уровню могут быть отнесены мужские погребения без оружия, но с «геральдическими» поясами.

– **Уровень 4** (Рис. 3, 16–24). Погребения с единичными предметами вооружения. Как правило это наконечники копий или топоры.

Могилы 3-го и 4-го уровней представлены повсеместно и составляют подавляющее большинство погребений с оружием.

Появление и эволюция погребений с оружием лучше всего прослеживаются по материалам некрополей Цибилиум и Шапка (подробнее: *Мастыкова, 2008; Казанский, Мастыкова, 2011*).

Стадия I/1 (170/200–260/270 гг.). Это начальная стадия функционирования больших некрополей Шапка и Цибилиум. Оружие – копья, топоры, реже мечи – уже присутствует в погребениях. Найдки свидетельствуют о слабой иерархизации населения, оставившего могильники.

Стадия I/2 (260/270–330/340 гг.). Для этой стадии не характерны мужские привилегированные могилы 1-го уровня. Погребения 2-го уровня, с мечами, представлены на могильнике Шапка. В целом на материалах некрополей Цибилиума и Шапка отмечается определенная милитаризация населения, выражавшаяся в появлении инородных по происхождению предметов «профессионального» вооружения, таких как щиты с металлическими умбонами и рукоятями.

Стадия II (320/330–400/410 гг.). Возрастает число могил с «профессиональным» оружием (мечи, щиты с умбоном), а также с римскими импортами (стекло, металлические украшения, краснолаковая керамика) и вещами «западного» варварского происхождения. Скорее всего, в эту эпоху апсылы полностью интегрированы в систему обороны римской понтийской границы (*Kazanski, 1991. P. 488–493; Мастыкова, 2008*). Мужские привилегированные могилы 1-го уровня для этой стадии не выделяются, могилы 2-го уровня, с мечами, известны только в некрополе Цибилиума.

Стадия III/5–8 (380/400–440/450 гг.). Погребения с оружием очень многочисленны. Большая часть конских захоронений в Абхазии, 8 из 12 датированных погребений, относится как раз к стадии III – началу стадии IV/9, то есть к концу IV – середине V в. Выявляются привилегированные участки некрополей (Цибилиум-1, Цибилиум-2, Шапка–Абгыдзраху, Шапка–Церковный Холм-4), где есть «вождеские» погребения 1-го и 2-го уровней.

Стадия IV/9 (450–550 гг.). Погребения с оружием стадии IV/9 хорошо представлены на могильниках Абхазии. Из них к 1-му уровню может быть отнесено погребение 1981 г. на могильнике Шапка–Ахъяцаху/Верин Холм. Погребения 2-го уровня, с мечами и конскими захоронениями, имеются и на других кладбищах могильников Шапка и Цибилиум. Из находок «привилегированных» погребений на других памятниках Абхазии для данного периода стоит назвать погребения на могильниках Гагра–Цихерва и Лар, с византийскими парадными мечами и средиземноморскими пряжками стиля перегородчатой инкрустации.

Стадия IV/11 (530/550–640/670 гг.). На это время приходятся глубокие изменения в характере цебельдинской культуры. Помещение оружия в могилы становится крайне редким. Зато в захоронениях хорошо представлены гарнитуры «геральдического» стиля, первоначально отражающие моду армии Юстиниана. Погребения с «геральдическими» поясами отличаются от других мужских могил более богатым инвентарем и, возможно, принадлежат знатным воинам. Привилегированные участки с «воинскими» могилами отмечены на Цибилиуме (Цибилиум-2) и Шапке (Шапка–Абгыдзраху, Шапка–Юстинианов Холм-3). Особо стоит упомянуть и «вождеское погребение» Пышта–Верхняя Эшера.

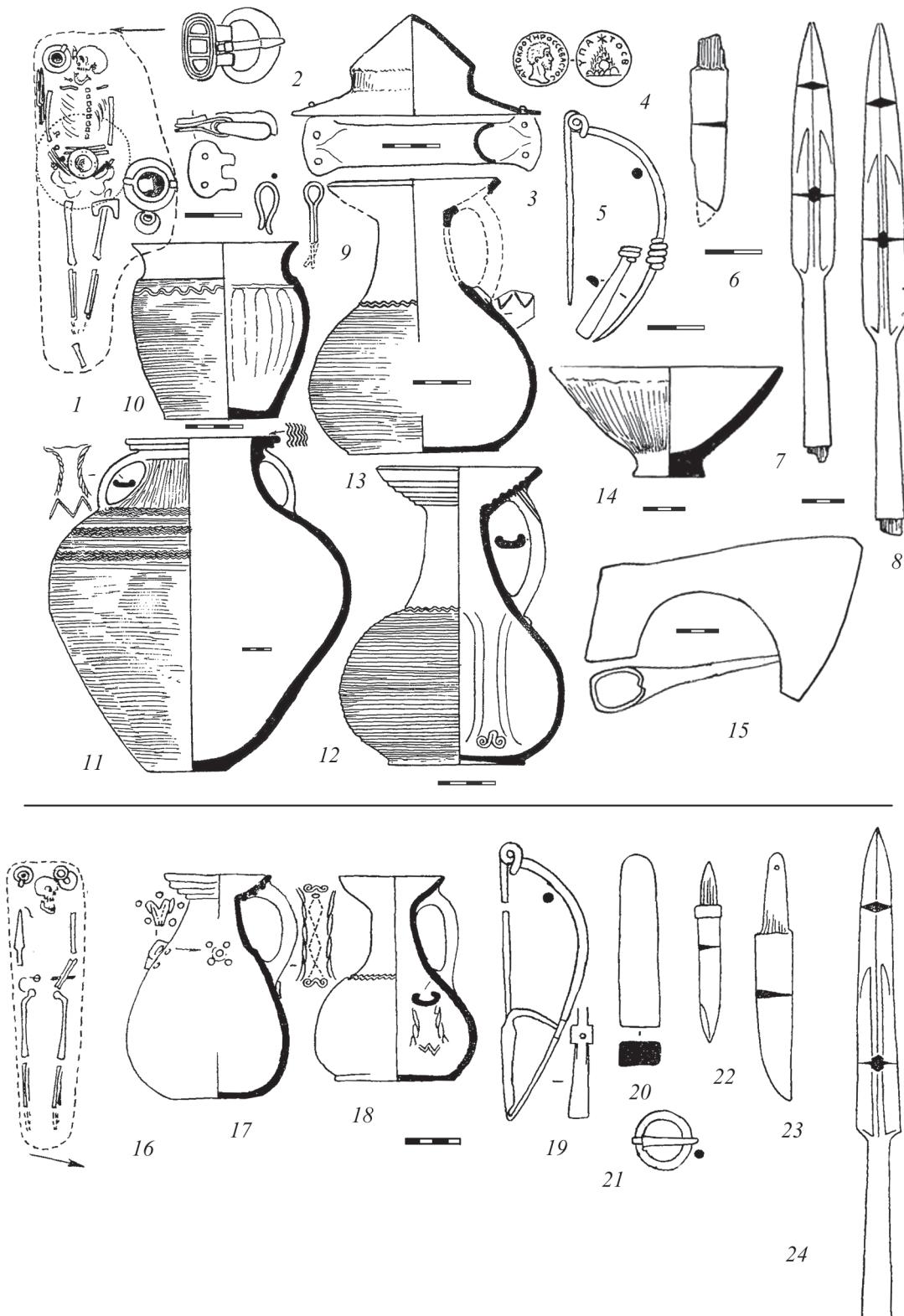

Рис. 3. Погребения Уровня 3 (1–15) и Уровня 4 (16–24)

1–15 – Цибилиум-1, погр. 41. Стадия II/3;

16–24 – Цибилиум-2, погр. 415. Стадия III (по: Voronov, 2007. Fig. 16; 197, 1–9)

Итак, «воинские» погребения Абхазии отражают социальную структуру древних социумов, при этом выявляется определенная иерархия погребений с оружием. Однако это иерархия проявляется по-разному в различных могильниках, ее показатели также варьируют в зависимости от хронологического периода. Последнее обстоятельство позволяет наметить эволюцию социумов на территории Абхазии в поздней античности и в раннем средневековье.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронов Ю.Н., 2003. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 348 с.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., 2009а. Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 150–155.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., 2009б. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // Научные Ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 9 (64). Вып. 11. С. 25–31.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., 2011. Федераты и Империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская Международная Археологическая Конференция посвященная памяти М.М. Трапши / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум: АБИГИ. С. 102–116.
- Мастыкова А.В., 2008. Федераты Восточной Римской империи на Черноморском побережье Кавказа и эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 17 (57). Вып. 8. С. 26–32.
- Трапши М.М., 1971. Культура цебельдинских некрополей // Трапши М.М. Труды. Том третий. Тбилиси: Мецниереба. 320 с.
- Трапши М.М., 1975. Культура горной Абхазии в начале эпохи средневековья // Трапши М.М. Труды. Том четвертый. Сухуми: Мецниереба. С. 9–87.
- Kazanski M., 1991. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire // Travaux et Mémoires. Vol. 11. P. 487–526.
- Kazanski M., Mastykova A., 2007. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C.– VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 164 p. (British Archaeological Reports; International Series S1721–2).
- Voronov Ju., 2007. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Les fouilles de 1977–1986. Vol. 1. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 334 p. (British Archaeological Reports; International Series S1721–1).

Ш. Г. Кайтан
г. Сухум, Абхазия

**СТРУКТУРА АБХАЗСКОГО ОБЩЕСТВА
РАННЕГО ЭТАПА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ВЕЛИКОЙ АБХАЗСКОЙ СТЕНЫ (VI–VIII ВВ. Н. Э.)**

Новейшие охранно-изыскательские исследования, проведенные экспедицией Гос. Управления по годовому плану выявления, атрибуции и паспортизации памятников (науч. рук. О.Х. Бгажба, нач. экспедиции Г.А. Сангулия) у башни № 3 (по Ю.Н. Воронову) Тхубынского гарнизона, ключевого объекта системы Великой Абхазской стены (камеральная обработка и анализ полевого материала), позволяют подтвердить, что нижние стратиграфические пласти над материковым слоем выразительного керамического комплекса имеют очевидные аналогии с материалами ряда местных памятников Абхазии VI–VIII вв. (Алахадзы, Гагра, Анакопия, Цебельда, Атара). Выявленный эмпирический материал содержит синхронные строительные остатки, что непосредственно подтверждает раннесредневековое происхождение оборонительного сооружения.

Представляет интерес и подъемный материал примыкающей территории групп башен № 159, 160 (по Ю.Н. Воронову) из района р. Дуаб. Керамические находки включают фрагменты шероховатой посуды в виде стенок и в одном случае донца с выемчатым основанием, характерным для первого этапа развития раннесредневековой керамики.

Отрадно отметить, что во время фиксации стратиграфии у подошвы стены, прямо у современной трассы, в неподтревоженном положении в срезе контрольной бровки, наряду с обычновенной тарной керамикой раннего времени, был обнаружен фрагмент стенки глазурованной посуды коричневого полива, что датирует верхний горизонт XII–XIV вв. Нижний слой здесь характеризуется тарной амфорной посудой с остродонной ножкой VI–VII вв.

Эта эпоха представлена множеством крепостей (Циблиум, Ахьста, Тцахар, Трахея и др.) и храмов, отличающихся высоким качеством строительных работ (Воронов, 1978. С. 11). Возведение крепостей и других построек, несомненно, осуществлялось местными жителями, прошедшими соответствующую подготовку на родине или вдали от нее. Подтверждение этому является значительное превалирование археологического материала местного производства.

Господствующий класс раннефеодальной Абхазии VI–VIII вв. был неоднороден. Ведущие экономические и социальные позиции занимала крупная («самые знатные») и рядовая знать. Состав эксплуатируемой части общества также отличался значительной разнородностью. На низшей ступени социальной лестницы находились рабы, численность которых было ничтожно мало чем свободное крестьянство, обладавшее правом частной собственности на землю.

Грозное оборонительное сооружение – Великая Абхазская стена и другие фортификационные объекты Абхазии VI–VIII вв. н. э., как нам представляется, не могли быть построены неконсолидированными обществами с родовым строем. Строительство 160 км оборонительного сооружения с высотой башен 8–11 м (высота стены составляла обычно 4 м, ширина у подошвы достигала 1,5–2 м) было возможно только при наличии классового общества. Можно вспомнить образное выражение Ф. Энгельса «Не даром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации» (Энгельс, 1979. С. 356).

ЛИТЕРАТУРА

- Воронов Ю.Н., 1978. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство. 176 с.
- Энгельс Ф., 1979. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения / Отв. за выпуск Т.Д. Дажина. В 3-х томах. Т. 3. М.: Политиздат. С. 211–370.

Н. В. Касландзия
Сухум, Абхазия

ИНСТИТУТ ДРУЖИНЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АБХАЗИИ VI–VIII ВВ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Как союзники римлян, а позже византийцев, предки абхазов несли службу во вспомогательных частях имперских армий, принимали активное участие в военных кампаниях римлян в Закавказье, привлекались к охране стратегически важных перевальных путей. Римское, а затем византийское присутствие в регионе отложило отпечаток на процесс становления военной организации в абхазских этнополитических образованиях. Местная дружинная среда формировалась под влиянием имперских традиций в области военного дела. Археологический материал из цебельдинских некрополей (II–VII вв.) дает основание говорить не только о высокой степени милитаризированности населения этой области Апсиллии, но и о выделении слоя воинов – профессионалов (Воронов, 1998. С. 182; Казанский, Мастькова, 2011. С. 110–111). Процесс кристаллизации военной знати шел ускоренными темпами в местностях, расположенных вдоль магистралей, имевших важное торговое или военное значение, вблизи ключевых византийских укреплений. Складывавшийся слой воинов-профессионалов, был инкорпорирован в имперскую военную систему.

Известно, что письменная фиксация социальной, юридической или иной раннесредневековой терминологии (на абхазском языке) отсутствует, но в устной традиции сохранился термин «А – лаа», подразумевающий товарищей, спутников, ближайшее окружение князя. Нам представляется, что под «алаа» следует понимать военную организацию, комитат или дружины. Название дружины у абхазов может восходить, на наш взгляд, к наименованию одного из подразделений римской армии, кавалерийских частей, называвшихся «ala» (от латинского «Alae» – «крыло»). В самом Риме не было устойчивой конной традиции, поэтому в римской коннице обычно служили выходцы из провинций. Известно, что подразделение, укомплектованное из абасгских всадников, несло службу по охране границ империи в Египте. Согласно «Notitia Dignitatum», в египетском оазисе Хибеос на рубеже IV – V вв. была расквартирована *Ala prima Abasgorum* (*Notitia Dignitatum*. Or. XXXI. 55). Данные «Notitia Dignitatum» поддерживаются другим документом известным как «Папирус Гисса» (*Хотелашивили (Инал-ипа)*, 2004. С. 162–163). В крепости же Питиунт была расквартирована *Ala prima felix Theodosiana*. Таким образом, предкам абхазов должен был быть хорошо известен термин, который римляне, а позже византийцы использовали для обозначения кавалерийских частей. Поэтому он легко мог быть перенесен на составлявших окружение военного лидера, дружиинников, кото-

рые представляли собой отряд кавалерии. Если, состоявшая из конных воинов, дружина называлась «алаа» (окончание «аа», является показателем множественности в абхазском языке), то дружинник должен был именоваться «алау». В таком случае, термин, обозначавший в раннем средневековье профессионального воина – дружинника, практически полностью совпадает с фамильным наименованием абазинского княжеского рода Лау (Лоу). Первоначально указывавший на принадлежность к корпорации воинов, по сути, социальный термин «алау», в последующий период, трансформировался в фамильное наименование одного из абасгского по происхождению, аристократических родов.

Первым упоминанием о дружинной организации у предков абхазов, по-видимому, может считаться сообщение византийского историка Феофана Хронографа о том, что весной 711 г. «первенствующий князь» апсилов Марин явился на помочь византийскому эмиссару Льву Исавру к стенам Сидерона во главе военного отряда в 300 человек. (Чичуров, 1980. С. 67). Судя по численности воинов, сопровождавших Марина, указанной летописцем, речь идет именно о дружине. Превращение боевых соратников князя в корпорацию профессиональных воинов произошло и в Абасгии. Ослаблением зависимости Абасгии от Византии была вызвана спровоцированная, встревоженными ромеями, в самом начале VIII в., военная акция аланс. Последние, совершили опустошительный набег на абасгов. Использование византийцами аланс, обладавших мощной кавалерией, против Абасгии, служит доказательством ее высокого военного потенциала. Военная элита абасгов проявила себя и при осаде арабами два десятилетия спустя Анакопийской крепости.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронов Ю. Н., 1998. Колхида на рубеже средневековья. Сухум: Алашара. 227 с.
- Казанский М. М., Маstryкова А. В., 2011. Федераты и Империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская Международная Археологическая Конференция посвященная памяти М. М. Трапш / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: АБИГИ. С. 102–116.
- Хотелаишвили (Инал-ипа) М. К., 2004. Страницы военной истории абхазов. (Материалы к институту военного отходничества у древних абхазов) // Абхазоведение. Вып. III. Сухум: АБИГИ. С. 152–184.
- Чичуров И. С., 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука. 214 с.
- Notitia Dignitatum. Notitia Dignitatum: accedunt Notitia urbis Constantinopolitana et Laterculi provonciarum / Hrsg. O. Seeck. Berlin. 1876. 286 S.

Д.С. Коробов
Москва, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ V–VIII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА КЛИН-ЯР 3

Доклад посвящен проблеме изучения социальной информации, которую дают нам катакомбные погребения V–VIII вв., традиционно соотносимые с аланским этносом, проживавшим в этот период на Северном Кавказе. Автором проводится многомерный статистический анализ катакомбных захоронений, позволяющий выявить социальные различия в аланском социуме в эпоху раннего Средневековья.

В работе используются материалы из 61 катакомбы могильника Клин-Яр 3, исследованных в окрестностях Кисловодска в 1968–1996 гг. А. П. Руничем, Я. Б. Березиным, В. С. Флёровым, а также совместной экспедицией А. Б. Белинского и Г. Хэрке.

Первоначально было проведено *выделение наборов погребального инвентаря мужской и женской части общины Клин-Яра 3* по материалам погребений, подробно исследованных антропологами. Оно показало, что для мужчин, погребенных в могильнике Клин-Яр 3, характерен следующий набор инвентаря, не встречающийся или реже встречающийся у женщин:

- предметы вооружения и конского снаряжения;
- бронзовые котлы.

В захоронениях женщин имеется следующий набор инвентаря, нехарактерный или малохарактерный для мужских погребений:

- ножницы;
- украшения;
- предметы культа и амулеты;
- туалетные принадлежности;
- зеркала большого диаметра;
- остатки головных уборов;
- сумочки.

К общим предметам, имеющим примерно равное распределение в погребениях, как мужчин, так и женщин, следует отнести:

- кинжалы и ножи;
- поясные пряжки и наборы;
- стеклянные сосуды;
- обувную фурнитуру.

Анализ социальной структуры мужских и женских захоронений могильника Клин-Яр 3 проводился на материалах 26 погребений мужчин и стольких же – женщин. Применялись методы многомерной статистики (кластерный и корреспондентный анализ), полученные результаты интерпретировались с привлечением антропологических определений, выполненных в группе Физической антропологии ИА РАН.

Проведенный социальный анализ захоронений могильника Клин-Яр 3 позволяет выделить погребения мужчин высокого социального ранга, уже получившего в литературе обозначение «алдар» – вождь, военный предводитель. К этому рангу относятся представительные захоронения мужчин, сопровождавшиеся предметами вооружения, конского снаряжения, захоронениями лошадей и специфическим устройством погребальной усыпальницы (ниши и углубления в камере). Военные функции этих погребенных напрямую отражаются в их постоянных

упражнениях в верховой езде, проведении большого количества времени на свежем воздухе, боевыми ранами, зафиксированными на скелетах покойных. Кроме того, по-видимому, у некоторых представителей элиты социальный статус подчеркивался искусственной деформацией черепа, которую им устраивали с детства. Все представители воинской элиты сопровождались женскими захоронениями, некоторые – наиболее богатыми среди женщин.

Основная масса погребений мужчин условно делится на «рядовых воинов», «рядовых общинников» и «бедных общинников». У некоторых из них встречаются предметы вооружения и конского снаряжения, фиксируются занятия верховой ездой и боевые раны. Следуя принятой терминологии, эту группу погребений я обозначаю термином «афсад» – масса, войско, в котором отражается то состояние общества, когда каждый взрослый мужчина рассматривался как воин. При этом его социальный статус мог напрямую зависеть от его физических возможностей, личных качеств и способностей. Эти рядовые погребения мужчин в совместных усыпальницах сочетаются с рядовыми захоронениями женщин, социальный статус которых не получает видимого отражения в погребальном обряде.

Женские захоронения не дают четкого представления о социальной стратификации по данным многомерного статистического анализа. Зависимость его от социального статуса мужчин по данным погребений V–VIII вв. могильника Клин-Яр 3, а также при привлечении материалов других захоронений Кисловодской котловины, напрямую не отражена. Не исключено, что на степень представительности инвентаря могли влиять различные обстоятельства смерти, происхождения, богатства родственников и т. п. Примечательно, что факт отражения в инвентаре женских погребений богатства, а не социального статуса, отмечался исследователями и других варварских обществ. Предлагались и различные интерпретации этого явления – одни исследователи считали степень богатства погребального инвентаря женщин отражением их личного положения в обществе, другие – социального статуса их мужей. В нашем случае сопоставление парных погребений мужчин и женщин разных рангов не привело к ощутимым результатом.

Выделенные по данным погребального обряда и антропологического анализа ряд престижных мужских захоронений образует на могильнике Клин-Яр 3 особый элитный участок, на котором в течение V–VII вв. производились захоронения родственной группы населения. На это обращали внимание его исследователи, А. Б. Белинский и Г. Хэрке, как на уникальную особенность данного некрополя. Расположенная по соседству каменная раннесредневековая крепость, занимающая скальный останец, очевидно, выполняла функции одного из раннесредневековых центров власти в Кисловодской котловине.

А. В. Мастыкова, Г. Л. Земцов
Москва, Липецк, Россия

ПОГРЕБЕНИЕ С ПОСЕЛЕНИЯ МУХИНО 2 НА ВЕРХНЕМ ДОНЕ И ЕГО МЕСТО В ИЕРАРХИИ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ МОГИЛ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ (ГРУППА УНТЕРЗИБЕНБРУНН)

Верхнедонское женское погребение гуннского времени, открытное на поселении Мухино 2, характеризуется присутствием элементов женского убора, типичных для так называемой группы Унтерзибенбрунн (Мастыкова, Земцов, 2014; Добровольская и др., 2015). Она принадлежит

«княжеским» варварским элитам первой половины V в. Погребения группы Унтерзибенбронн концентрируются на Среднем Дунае, но зона их распространения гораздо шире – от Атлантики и до Северного Кавказа. В данной работе предпринята попытка, исходя из критериев, разработанных для карпато-дунайского бассейна, соотнести мухинское погребение с престижными находками в европейском Барбарикуме.

Иерархия погребений по степени богатства инвентаря для гуннского времени в средневосточном Барбарикуме изучалась Ф. Бирбрауером. Среди женских могил первой половины V в. он выделяет комплексы **высшей категории I**. Как правило это одиночные погребения или могилы на небольших кладбищах (*Bierbrauer*, 1989a. S. 83). Среди них наиболее богатыми являются захоронения **категории Ia** (Рис. 1, 1–14). Их отличает прежде всего престижный костюм, в частности, с парными двупластичными фибулами полихромного стиля (Рис. 1, 1, 2) или же с богато декорированными серебряными застежками. Другим признаком захоронений этой категории является убор, украшенный золотыми аппликациями (Рис. 1, 6, 8–13). Характерно наличие и других золотых украшений – колье (Рис. 1, 7), серег (Рис. 1, 3), браслетов, перстней, а также пиршественного набора, состоящего из кувшина и кубка. К числу женских погребений категории Ia Ф. Бирбрауер относит такие известные захоронения как Унтерзибенбронн (Untersiebenbrunn), Регей (Regöly), Рабапордань (Rábapordány), Эран (Airan) (Рис. 1, 1–14), Бакодпуста (Bakódpuszta). Высокий социальный статус женщин, погребенных в этих могилах, подтверждается и совместными находками с мужскими вещами той же «вождеской» **категории Ia** в погребении Унтерзибенбронн, а также в кладе Силадьшомйо/Шимлеу Сильванией II (Szilágysomlyó/Simleu Silvaniei), найденному в Трансильвании (*Bierbrauer*, 1980. S. 138; *Bierbrauer*, 1989a. S. 81).

К **категории Ib** (Рис. 1, 15–26) по Ф. Бирбрауеру относятся женские могилы с серебряными украшениями, в первую очередь с двупластичными фибулами (Рис. 1, 15) и поясными пряжками, иногда сопровождаемые отдельными золотыми вещами – например, браслетами и серьгами (Рис. 1, 16) (*Bierbrauer*, 1989a. S. 83). Присутствуют и элементы пиршественного набора (Рис. 1, 26). Всего для V в. в среднедунайском регионе Ф. Бирбрауер насчитал около 80 таких комплексов (карта: *Bierbrauer*, 1980. Abb. 16; 17). Отдельные погребения с серебряными фибулами, такие как Хохфельден (Hochfelden) в Эльзасе, или Синявка, близ устья Дона (Рис. 1, 15–26), где, в частности, найдены золотые аппликации убора (Рис. 1, 20–22) и стеклянные кубки (Рис. 1, 26), по уровню богатства сравнимы с могилами категории Ia.

По мнению Ф. Бирбрауера многочисленные женские погребения V в. с малыми фибулами из цветных металлов, отнесенные им к **категории II**, принадлежат «среднему классу» восточных германцев (*Bierbrauer*, 1989a. S. 76; *Bierbrauer*, 1989b. S. 152–155).

Наконец, количественно доминирующие в дунайском регионе погребения, не содержащие элементы убора, представляют «рядовое» население (*Bierbrauer*, 1989a. S. 76). На наш взгляд, их можно выделить в **категорию III**.

«Дунайская» схема Ф. Бирбрауера была успешно применена к материалам могильника Дюрсо на Северном Кавказе, где хорошо представлен женский восточногерманский костюм (*Мастыкова*, 2001; *Мастыкова*, 2009. С. 164–169). В целом те же три категории богатства женского инвентаря выявляются и для негерманского населения северокавказского региона (*Мастыкова*, 2009. С. 169–75). Поэтому представляется правомерным применение шкалы Ф. Бирбрауера и для других регионов, в частности для Верхнего Дона.

К сожалению, в верхнедонском регионе для V в. большая часть известных здесь погребальных комплексов пока еще не введена в научный оборот, поэтому место мухинского захоронения в региональной иерархии остается неизвестным. Однако, сопоставление данного погребения с дунайскими могилами свидетельствует, по крайней мере по одному признаку

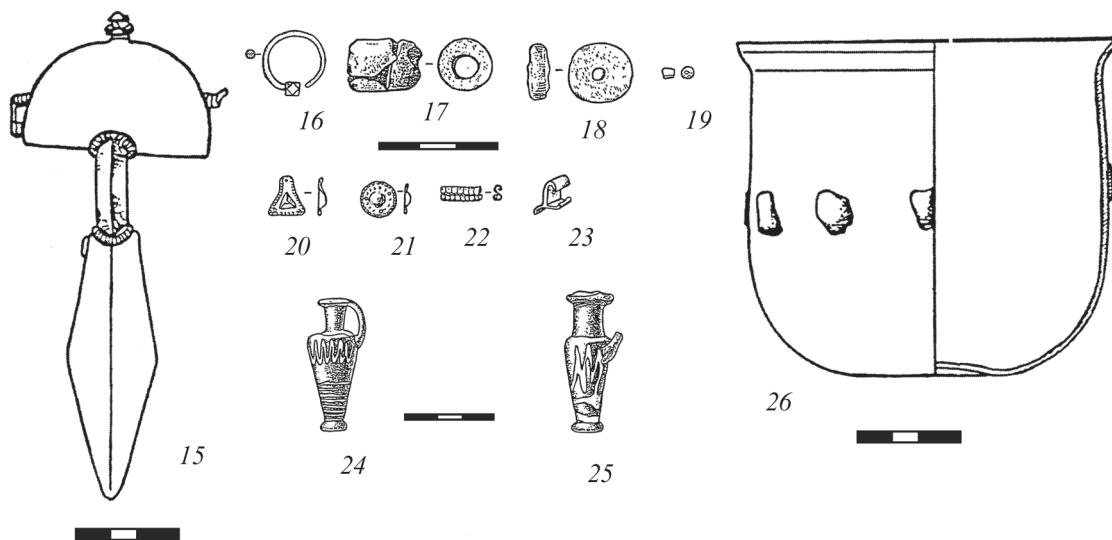
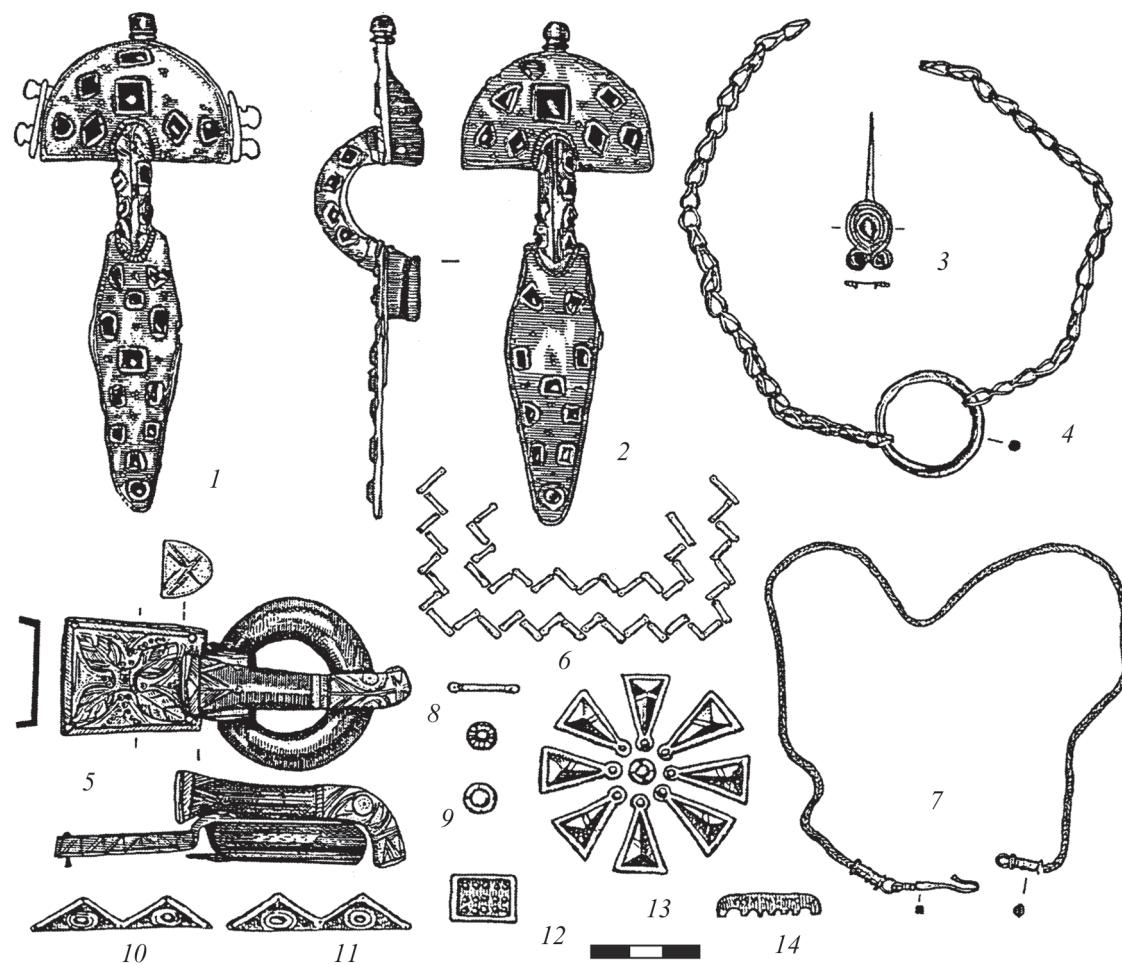

Рис. 1. Женские могилы категории I горизонта Унтерзибенбронн
I–14: захоронение Эран (Airan) категории Ia; 15–26: захоронение Синявка категории Ib
 (по: Мастыкова, Казанский, 2005. Рис. 3; 5)

(наличие убора с золотыми аппликациями), о его принадлежности к высшей **категории Ia**. Как и остальные могилы данной категории погребение Мухино является изолированным. В то же время здесь отсутствуют другие важные признаки привилегированных захоронений Подунавья, например, нет пары богато декорированных фибул, золотых украшений, пиршественного набора. Отсутствие фибул может объясняться региональными особенностями северопричерноморского (танаисско-боспорского) убора, где в привилегированных могилах большие фибулы могут присутствовать, но они не обязательны. С другой стороны, отсутствие золотых украшений, типичных для могил группы Унтерзибенбрунн (брраслеты, перстни, колье), а также пиршественного набора посуды, может указывать на менее значимый статус женщины, погребенной в Мухино. Но в любом случае на сегодняшний день погребение «принцессы» на поселении Мухино 2 остается самым ярким и богатым на Верхнем Дону.

ЛИТЕРАТУРА

- Добровольская М. В., Земцов Г. Л., Мастыкова А. В., Медникова М. Б., 2015. Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция // РА. № 1. С. 44–58.*
- Мастыкова А. В., 2001. Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V–VI вв. (по материалам костюма) // ИАА. № 7. С. 59–69.*
- Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.*
- Мастыкова А. В., Земцов Г. Л., 2014. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. С. 200–222. Цв. илл. XV–XVII.*
- Мастыкова А. В., Казанский М. М., 2005. О происхождении «княжеского» костюма варваров гуннского времени (Горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: Государственный Исторический Музей. С. 253–267. (Труды ГИМ; Вып. 145).*
- Bierbrauer V., 1980. Zur chronologischen, sociologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert / Hrsg. H. Wolfram, F. Daim. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. S. 131–142.*
- Bierbrauer V., 1989a. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Lódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Lódzkiego. S. 39–106.*
- Bierbrauer V., 1989b. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. Bd. 72. S. 141–160.*

М. Б. Медникова
Москва, Россия

**ПАЛАСА-СЫРТСКИЙ МОГИЛЬНИК.
ОПЫТ БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ**

Биоархеологический анализ по данным антропологии составляет важную часть современного археологического исследования, позволяя воссоздавать информацию о демографической структуре палеопопуляций, особенностях физического развития, питания, о болезнях и некоторых культурных навыках народов прошлого. В рамках этого методологического подхода реконструкции повседневности возможно изучать как большие группы, так и отдельных индивидуумов, опираясь на палеоантропологические материалы как хорошей, так и фрагментарной сохранности (*Бужилова и др.*, 1998). Одним из актуальных направлений является всестороннее исследование феномена миграций, заключающееся не только в выявлении захоронений мигрантов на новых для них территориях, но и в оценке процессов метисации, а также биологической адаптации к новым условиям среды. Исторические события IV–V вв., сопряженные с перемещением больших групп населения представляют, с этой точки зрения, особый интерес.

Данное сообщение посвящено первым результатам обследования останков погребенных из раскопок Паласа-сыртского могильника, проведенных в 2014 г. под руководством Л. Б. Гмыри. Материалы из курганной группы № 5 (всего раскопано 8 курганов) представлены останками 13 человек разного пола и возраста.

Подводя итоги предварительного изучения антропологических материалов из раскопок курганной группы № 5 Паласа-сыртского могильника следует отметить высокую морфологическую изменчивость погребенных, среди которых присутствуют и очень массивные, высокорослые, и, напротив, крайне грацильные варианты. Наибольшее морфологическое разнообразие демонстрирует женская часть группы. Так, в курганах №№ 1480 и 1478 встречены коллективные захоронения очень миниатюрных женщин, с реконструированной длиной тела до 143 см, по некоторым признакам, связанных между собой тесным биологическим родством. Ранее подобный миниатюрный вариант женской скелетной конституции был встречен нами в материалах элитного кладбища могильника Клин-Яр (напр., погребение 370), а также у женщины, захороненной в привилегированном погребении гуннского времени на верхнедонском поселении Мухино 2 (*Добровольская и др.*, 2015). Эта низкорослость резко контрастирует с длиной тела у некоторых мужчин (например, у погребенного в кургане № 1477 длина тела доходила до 180 см). Для указанной эпохи столь крупные размеры тела были характерны для позднесарматского населения как Урала (*Медникова, 1995. С. 93, 96*), так и Предкавказья (по нашим данным, в могильнике Клин-Яр длина тела сарматских мужчин могла достигать 189 см).

На одном из паласа-сыртских черепов (женщина из кургана № 1476) зафиксирована кольцевая деформация низкого типа. В целом, выявлено большое число патологических проявлений. Почти все обследованные останки демонстрируют наличие зубных патологий – кариеса, одонтогенного остеомиелита, прижизненной утраты зубов, пародонтопатии. Это может быть следствием рациона питания, но, нельзя не отметить, что кариес иногда служит маркером мигрантного населения, испытывающего физиологический стресс в новом природном окружении. Также следует отметить высокое число стрессов (до 8), перенесенных некоторыми по-

гребенными, когда они были маленькими детьми, запечатленных в гипоплазии зубной эмали. Вместе с тем, пилотное для этой группы населения исследование изотопа стронция показало, что, по крайней мере, некоторые представители мужского населения (например, № 1480) и женского населения (№ 1476) провели долгие годы жизни в прикаспийском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бужилова А. П., Козловская М. В., Лебединская Г. В., Медникова М. Б., 1998. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М: Изд-во Старый Сад. 260 с.*
- Добровольская М. В., Земцов Г. Л., Мастыкова А. В., Медникова М. Б., 2015. Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция // РА. № 1. С. 44–58.*
- Медникова М. Б., 1995. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: ИА РАН; РГНФ. 216 с.*

В. А. Нюшков
Сухум, Абхазия

ЭЛИТА ДРЕВНЕАБХАЗСКИХ ОБЩЕСТВ ЗАПАДНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ НА РУБЕЖЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VI в.)

При исследовании социальной истории древнеабхазских обществ (абасгов, апсилов и мисимиан) существуют известные трудности в интерпретации археологического материала. Опираясь на данные только погребального обряда и представленных в погребениях вещей, будет трудно сделать однозначные выводы. Некоторое представление о социальном облике означенных обществ дает и письменный ранневизантийский материал.

Так, сравнительный анализ вещевого материала в могилах апсилов, его отличительные и схожие черты помогают лучше понять структуру общества в социальном и политическом отношении. В культурных изменениях у древнеабхазских обществ, без сомнения, большую роль играли внешняя военно-политическая обстановка и торгово-экономические связи (в частности, прохождение одного из ответвлений Великого шелкового пути. Все это не могло не отразиться на формировании уровня развития древнеабхазских обществ, например, апсилов. В данном случае перспективным может являться исследование социальной истории апсилов, а именно выделение, в частности, у них воинского дружинного сословия. По имеющейся небольшой серии более богатых погребений можно говорить о существовавшей социальной неоднородности общины в Апсилии и Мисиминии.

Обращает на себя внимание присутствие слоя военной иерархии в Апсилии и Мисиминии, в частности, горизонта элитных погребений, датируемый серединой VI в. Это указывает, что население обладало более высоким социальным статусом, что характеризуется наличием погребений с геральдическими поясными гарнитурами: Циблиум-2, погр. 279, 313, 314, 318, 325; Юстинианов Холм-3 – некрополь Шапкы; Пышта – Верхняя Эшера (*Казанский, Мастыкова, 2011. С. 110*). Абасгия в этот период была разделена на две части – западную и восточ-

ную, каждая со своим правителем. Власть делилась на царей (басилевсов) и царьков (Прокопий Кесарийский. Война с готами. Кн. VIII. Гл. 3, 9), последние могли являться священными особами, своего рода царями-жрецами (*Касландзия*, 2011. С. 36).

В тоже время, отдельного изучения требует проблема наличия у абасгов, апсилов и мисимиан привилегированного сословия. В частности, здесь можно выделить поселение Шапки, расположавшееся на одном из важных ответвлений Великого шелкового пути. Изучение его некрополя говорит о том, что поселение занимало более выгодное местоположение, а население было втянуто в обменно-торговый процесс, выполняя роль посредника между прибрежными районами и горными местностями (*Воронов*, 2013. С. 303). Выявленное на некрополе оружие (*Воронов, Шенкао*, 1982. С. 121). указывает, что тут могла присутствовать воинская элита.

Тем не менее, исследование археологического материала подводит нас к мысли о существовавшей довольно равномерной социальной стратификации в этнокультурной среде древнеабхазских обществ Западного Закавказья на рубеже средневековья. В этой связи для дальнейшего более глубокого исследования элиты приоритетной становится проблема выделения ее критериев.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. К. Амбroz, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 121–165.*
- Воронов Ю. Н., 2013. Материальная культура апсилийской аристократии (Восточное Причерноморье) с IV–VI вв. // Абхазоведение (историческая серия) / Гл. редактор О. Х. Бгажба. Выпуск № 8–9. Сухум: Дом печати. С. 302–309.*
- Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2011. Федераты и Империя: эволюция некрополя Циблиум (II–VII вв.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: Дом печати. С. 102–116.*
- Касландзия Н. В., 2011. К вопросу о генезисе феодальных отношений в Абхазии (конец VIII – первая половина XI вв.) // Первые Международные Инал-иповские чтения / Отв. ред. Т. А. Ачугба. Сухум: Дом печати. С. 391–400.*

Жуан Пинар Жил
Майнц, Германия

УКРАШЕНИЯ, ТОПОГРАФИЯ И СТРУКТУРА: УКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ НА НЕКРОПОЛЯХ РАННЕГО ВЕСТГОТСКОГО ПЕРИОДА В ИСПАНИИ И ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ

Следы социальной организации в погребальном контексте представляют собой один из наименее изученных аспектов визиготского периода в западном Средиземноморье. В целом погребальная археология в Испании и Южной Франции является мало изученной (см. о состоянии исследований: *Ebel-Zepperzauer*, 2000; *Пинар, Риполь*, 2006; *López Quiroga*, 2010) – мест-

ные археологические школы гораздо больше внимания уделяли другим вопросам, таким как монументальная архитектура. Изучению палеосоциологических вопросом препятствует и такой объективный фактор, как «бедность» погребального инвентаря визиготских могил по сравнению с богатыми «варварскими» погребениями других европейских территорий.

Археологи, занимавшиеся сравнительным изучением восточно германских древностей на разных европейских территориях неоднократно отмечали отсутствие в визиготской зоне «княжеских» и вообще привилегированных погребений, хорошо известных, например, у германцев Среднего Дуная. Даже более скромные могилы с серебряными украшениями, хорошо представленные, например, в Италии, сравнительно редки в Испании и Южной Галлии. Это – интересный феномен, тем более, что на всех этих территориях расселения восточно германских групп погребальный инвентарь имеет немало общих черт, особенно в сфере моды и обряда. Вспомним хотя бы традиционный женский костюм, включавший пару двупластинчатых или пальчатых фибул и поясную пряжку с подвижным щитком.

Большинство металлических элементов костюма из погребений визиготского периода сделано из бронзы, серебряные фибулы или пряжки встречаются очень редко, тогда как золотые изделия практически отсутствуют. Если добавить, что кроме деталей костюма в этих погребениях не встречается другого инвентаря, то создается впечатление, что все эти захоронения связаны только с одним, относительно скромным социальным слоем. Такое впечатление обусловлено критериями, традиционно используемыми для выявления социальной стратификации в некрополях эпохи переселения народов (количество предметов, степень их распространенности, ценность материала, из которого они произведены).

Тем не менее, новые исследования показывают, что археологически фиксируемые следы социальной стратификации в некрополях вестготского периода все же есть. Анализ взаимовстречаемости вещей из погребений указывает на существование синхронных «качественных групп», связанных с разными уровнями зажиточности древнего населения. Эти данные, в сочетании с изучением хронологии и планиграфии памятников, показывают связи между инвентарем, топографией и архитектурой могил. Это в свою очередь позволяет наметить некоторые аспекты диахронического развития социально-экономической организации в составе как деревенских, так и городских общин, и даже внутри семейных групп, выявляемых в погребальном контексте. Наконец, взаимовстречаемость предметов в закрытых комплексах позволяет определить факторы, влияющие на относительную ценность конкретных предметов.

Все это дает некую базу для сравнительного изучения погребального инвентаря визиготских могил и других европейских территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Пинар Ж., Риполь Ж., 2006. Римско-визиготское культурное взаимодействие и проблема этнической атрибуции археологического материала в позднеантичной Hispania (по материальным памятникам V–VI вв.) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Гл. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский государственный университет. С. 203–221.

Ebel-Zepperzauer W., 2000. Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.-7. Jh. n. Chr. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 406 S. (Iberia Archaeologica; Bd. 2).

López Quiroga L., 2010. Arqueología del mundo funerario en la Península Ibérica (siglos V–X). Madrid: Ediciones de la Ergástula. 438 p. (Colección Biblioteca Básica; 3).

O. A. Радюш

Москва, Россия

ВЫДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ ДЛЯ «КНЯЖЕСКИХ» ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Проблема социальной стратификации погребального обряда варварского населения Юго-Восточной Европы второй четверти I тыс. н. э. до настоящего времени остается актуальной наряду с другими аспектами изучения культуры элит (*Казанский*, 1997. С. 181–193; *Гавритухин*, 2007. С. 33–37; *Мастыкова*, 2008. С. 149–150). В III–IV вв. большую часть территории лесостепного Поднепровья, бассейны Днестра, Южного Буга и Прута занимали памятники черняховской культуры, для общинных могильников которой сильно выраженные отличия в погребальном обряде не характерны. С захоронением представителя знати высшего ранга можно связать лишь погребение в Рудке (Тернопольская обл., Украина) (*Petersen*, 1941. S. 39–52). Ситуация меняется в начале эпохи Великого переселения народов, когда на рассматриваемой территории становятся известны ряд погребений, кладов и случайных находок, относящихся к социальной эlite. К захоронениям верховой знати можно на основании письменных описаний и сохранившихся предметов отнести находки из Концешт (совр. Румыния) (*Horhoiu*, 1997. S. 172; *Засецкая*, 1994. С. 174–176; *Казанский*, 2014) и Большой Каменец (Курская обл., Россия) (*Мацулевич*, 1934. С. 11–76) и с большой долей вероятности находки у с. Волниковка и Паники (Обоянский клад, Курская обл. России) (*Мацулевич*, 1934. С. 79–84; *Радюш*, 2014) и Круглица (Орловская обл.) (*Рыбаков*, 1953. С. 54; *Кропоткин*, 1970. С. 113), оз. Ялпуг (Одесская обл.). Некоторые отдельные находки золотых фибул, браслетов, металлических сосудов не позволяют связывать их достоверно с инвентарем погребений.

В научной литературе датировка этих комплексов обычно давалась в пределах IV–V вв. н. э., позднее она была сужена до второй половины IV – рубежа IV/V вв. Высказывались предположения о более широкой дате, вплоть до второй половины V в. Современные исследования позволяют отнести погребения из Концешт к стадии D1, т. е. 360/370–400/410 гг. (*Казанский*, 2014. С. 327), к этому же периоду следует относить и находки в Большом Каменце и Паниках. Находки из Волниковки и Круглицы датируются позднее, в рамках фазы D2, что соответствует 380/400–440/450 гг. (но для Волниковского «клада» следует предполагать ее ранний этап – первую четверть V в.).

Следует выделить ряд признаков, которые объединяют известные нам примеры погребального обряда.

1. Устройство могильного сооружения. По сохранившимся описаниям известно, что и в Каменце, и в Концештах стены и пол были выложены тесанным камнем. При этом, по всей видимости, могила в Румынии имела больший размер, учитывая нахождение там гроба и скелета лошади. Размеры сооружения в Каменце по описаниям составляли приблизительно 2×1,5 м. С одной из сторон была сделана приступка из камня, на которой были поставлены металлические и стеклянные сосуды. Склеп в Концештах заливался водой ручья, так же как и склеп из Каменца, который после того как туда провалилась крестьянская лошадь был заполнен водой. Натурные исследования на месте находки в Концештах в современный период мне неизвестны. Обследование же берега ручья Каменец в месте предполагаемого расположения погребения дает основание думать, что оно находилось ниже уровня современных грунтовых вод. Упоминается сохранность волос (косы) на черепе покойного, что также может свидетельствовать в пользу постоянного затопления этого места. В связи с этим вполне уместными

кажутся аналогии, приводимые Л. А. Мацулевичем по поводу известного сообщения Иордана о захоронении Алариха в русле реки Бузент (*Мацулевич*, 1934. С. 58, 92, 93).

2. Топография погребального сооружения. В работе Л. А. Мацулевича, исследовавшего находки из Большого Каменца, было отмечено сходство расположения погребений в Курской области и Румынии (*Мацулевич*, 1934. С. 56, 57). Обе находки были сделаны в верховьях небольших рек (верховья р. Суджи – правого притока Псла, и р. Подрига – правого притока реки Прут) в непосредственной близости к воде, что позволило употребить термин «речные погребения». В 2004 году было уточнено местонахождение вещей из «Обоянского клада 1849 г.» (*Шпилёв*, 2004. С. 203), которые также были найдены в аналогичной географической позиции. Нахodka в 2010 г. у д. Волниковка Курской обл. продолжила этот ряд аналогий. И в том и в другом случае это также верховья небольших рек (Усожи – приток Свапы, впадающей в Сейм с правого его берега и р. Паники, впадающей в реку Полная, левый приток р. Сейм). Подобное расположение совершенно не характерно для черняховских могильников. Все погребения оказываются обособленными и достаточно удаленными (от 1 км и более) от известных синхронных поселений.

3. География находок. Наиболее ярко связь «княжеских» погребений с сухопутными путями сообщения демонстрируют курские находки. В каждом из трех случаев они показывают привязанность к основным водоразделам, находясь от них в непосредственной близости от 1 до 3 км. Особый интерес представляет погребение из Большого Каменца, которое располагается фактически в географическом центре междуречья Сейма и Псла, на котором концентрируются многочисленные поселения черняховского периода, что отличает его от Волниковки и Паник, вблизи которых ярко выраженных памятников III–IV вв. не выявлено.

4. Погребальный инвентарь. Находки из «княжеских» погребений в отличие от контекста самих сооружений исследованы гораздо лучше. Однако следует отметить, что ни в одном из описанных случаев комплектность вещей не была полной. Наиболее комплектны материалы погребений из Каменца и Концешт (70–80% процентов). Кроме того, сохранились описания части утраченных вещей из комплексов. Архивные данные позволили предположить, что т. н. 1 и 2-й Старосуджанские клады являются находками из одного погребения разрушенного в 1918 г., по всей вероятности из него же происходил золотой шарнирный браслет со змеино-головыми окончаниями. Очевидно, что находки из Волниковки, Паник и Круглицы являются лишь частью инвентаря этих возможных погребений.

Отличие комплекса из Каменца от Концешт в первую очередь связано с наличием оружия, доспеха и коня во втором. В то же время наличие массивных византийских сосудов, нашивных украшений одежды из золотой фольги позволяет объединить их, а также находку из Паник и женское погребение из Мухино (Липецкая обл.) (*Мастыкова, Земцов*, 2014. Илл. XV, 1–9), совершенное непосредственно на поселении. В Большом Каменце никаких предметов вооружения отмечено не было. Каков был меч из Концешт установить уже не удастся, однако никаких обкладок или деталей ножен в эрмитажной коллекции нет. Мечи были найдены в Волниковке (2 экз.– длинный и короткий) и Круглице. Обломки богато украшенных ножен находились в разграбленном комплексе из Ялуга.

Вероятно, одним из критериев социальной стратификации внутри элиты могло служить использование «инсигний» из чистого драгоценного металла. В этом случае следует, несомненно, выделить погребения из Концешт и Большого Каменца, где в состав инвентаря входили вещи из массивного качественного серебра и цельного золота (гривны, браслеты, перстни). Общий вес золотых предметов из Большого Каменца достигает почти 2,5 кг. В других случаях используется в основном золотая фольга, и позолоченная латунь (Волниковка, Круглица, Паники). Отсутствие полноценных сведений о составе первоначального инвентаря, конечно, не позволяет делать окончательные выводы о подобной зависимости.

Погребение из Концешт по мнению М.М. Казанского относится к категории Ia по Ф. Бирбрауеру (*Казанский*, 2014. С. 528), к этой же высшей категории по совокупности признаков можно отнести и захоронение из Большого Каменца. Найдки из Волниковки и Круглицы следует связывать с группой погребений военных вождей более низкого ранга, серия которых известна от Кавказа до Франции (*Казанский*, 2010. Рис. 1).

ЛИТЕРАТУРА

- Гавритухин И. О.*, 2007. Комплексы элиты V в. // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 33–37. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 9).
- Засецкая И. П.*, 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V). СПб.: «Эллипс Лтд». 224 с.
- Казанский М. М.*, 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum+ Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев. С. 181–193.
- Казанский М. М.*, 2010. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I / Отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. СПб.: Ломоносовъ. С. 307–320.
- Казанский М. М.*, 2014. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // Stratum plus. № 4. С. 299–336.
- Кропоткин В. В.*, 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.– V в. н. э.). М.: Наука. 279 с. (САИ; Вып. Д1–27).
- Мастыкова А. В.*, 2008. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у аланс Центрального Предкавказья // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. С. 149–159.
- Мастыкова А. В., Земцов Г. Л.*, 2014. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино2 гуннского времени на верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. С. 200–222.
- Мацулевич Л. А.*, 1934. Погребение варварского князя в Восточной Европе: новые находки в верховьях реки Суджи. М.; Л.: ОГИЗ. 132 с.
- Радюш О. А.*, 2014. «Княжеские» и «вождеские» погребения начала V века в Верхнем Поднепровье: новые исследования и находки // КСИА. Вып. 234. С. 234–251.
- Рыбаков Б. А.*, 1953. Древние Русы // СА. XVII. С. 23–104.
- Шпилёв А. Г.*, 2004. К уточнению места находки «Обоянского клада» 1849 г. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: «Петербургское Востоковедение». С. 203.
- Horhoiu R.*, 1997. Die Frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică. 268 S.
- Petersen E.*, 1941. Ein reicher gepidescher Grabfund aus Wolhynien. // Gothiskandza. H. 3. Danzig. S. 39–52.

C. M. Сакания
Сухум, Абхазия

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РАННЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ АБХАЗИИ

В раннехристианскую эпоху Абхазии, местные общества апсилов, абазгов, санигов и лазов переживали становление новых социальных отношений, которые в конечном итоге сформировали ведущие силы в социально-политической системе и надолго определили исторические судьбы этой страны.

Этнополитическая ситуация на восточном побережье Черного моря в начале нашей эры фактически не изменилась, кроме того, что появилось несколько этно-территориальных образований со своими правителями, царями-базилевсами, утверждаемыми римскими императорами. В позднеантичное время это могло означать тотальный контроль империи с помощью своих ставленников над всей территорией бывшей Колхиды. В этих новых образованиях, совершенно четко просматривается политика римлян, затем и византийцев «разделяй и властвуй» или «кнута и пряника». Общеизвестно, что среди вновь образованных государств, царь-базилевс Апсилии, с характерным римским именем Юлиан на какое-то время занял доминирующее положение. Но, во II веке становятся известными уже ряд правителей, таких как в Лазике – царь Маллас, в Абасгии – царь Ресмаг, в Санигии – царь Спадаг. Отрывочная информация, оставленная нам врагами этих образований, не могла быть полной и объективной. Исходя из этого, исследователям приходится самим гипотетически реконструировать прошлое наших предков.

По всей видимости, в античное, затем в позднеантичное время, происходила консолидация этнических однородных общин в Колхиде, иногда прерывавшаяся в силу объективных и субъективных причин. В какой-то момент на арену истории выходят генохи со своими царями-тиранами, но и они не завершили консолидацию и, потому, уже фактически на их этнической основе, появляются вышеизложенные этно-территориальные государственные образования со своими царями. В связи с этим можно предположить, что апсилийская политическая структурная организация, имевшая соответствующие политические и экономические связи с римской империей, раньше других включилась в орбиту новой цивилизации. Возможно, появление рядом с Апсиллией других стран со своими правителями во II в. может быть связано с апсилийской царской семьей. Может быть, цари Маллас, Ресмаг, Спадаг являлись братьями и сыновьями царя Юлиана? В принципе, в этом нет ничего нового для той эпохи. Риму проще было управлять этими территориями, имея в руках рычаги давления, чтобы никто из местных царей не усиливался без санкции империи.

После провала этой политики, в середине III в., все города и крепости были римлянами оставлены из-за войны с готами, боранами, боспорянами и т. д. В конце того же века, римский император Диоклетиан восстанавливает могущественное присутствие своего государства. При этом, уже в IV в., Лазское царство подпадает под статус особого наместничества. Что касается других царств, то апсилы, абазги, саниги, возможно они были вынуждены формально подчиняться лазскому царю, поскольку за его спиной маячила римская держава. Формально, потому, что лазский царь не выбирал и не назначал царей своим соседям. По свидетельству современников лазский царь не предпринимал никаких усилий, чтобы переподчинить себе царей и царства, которые выходили из под его контроля. За лазов, все делали римские войска и Апсилия и Абазгия снова формально, но переподчинялись. Любопытный факт можно найти в труде у Прокопия Кесарийского. Он пишет, что восстали абазги против своих двух правите-

лей-царей и сместили их. Думается, это может означать, что тирании царей был положен конец в абазгском обществе, но безусловно, в то варварское время внешние силы не оставили бы их в покое. В такой опасной обстановке позднеантичное демократическое развитие было преждевременным и потому, как об этом сообщает Прокопий, народ абазгов снова избирает себе двух царей: Скепарна – для западной части и Опсита – для восточной части. Как видно, такое поведение народа говорит о том, что абазгское общество было консолидированным, а это не возможно без наличия соответствующих политических сил внутри страны. О наличии таких политических сил в Абазгии говорит тот факт, что персидский полководец Набед, уходя из страны, взял в качестве заложников шестьдесят мальчиков из числа самых знатных. Как известно, знатные роды вдруг и внезапно не появляются. Для этого нужны необходимые условия и время. Богатые захоронения, находимые археологами на территории Абазги–Абхазии, с раннего времени подчеркивают наличие имущественного расслоения в обществе. В мирное время расслоения увеличиваются, в военное время – уменьшаются. Но их наличие говорит об экономической силе общества. Появление фортификационных, светских, культовых сооружений, как и в наше время, требует огромных экономических усилий, чтобы они были претворены в жизнь. Все тот же Прокопий сообщает о том, что на границе с апсилами, абазги построили очень сильное укрепление (Трахея), в котором им всегда удавалось отражать нападение врагов. Это один из примеров, но думается, что на территории Абхазии для различных эпох их будет гораздо больше.

Появление в I в. христианства привело к тому, что среди абхазского населения широко распространилось новое духовное учение. Особенное значение имело то, что это учение распространяли ученики – апостолы самого Христа, Андрей Первозванный и Симон Кананит. Симон Кананит принял мученическую смерть и захоронен в Абхазии. Распространение новой религии и усиление ее, как государственной, создало новую почву для образования единой духовной культуры, способствующей консолидации абхазского этнического общества, которое привело к созданию нового Абхазского раннесредневекового государства. Безусловно, до его появления позднеантичные проабхазские государственные образования со своими наследственными правителями, с титулами царей, прошли определенный путь развития. Сначала, это понижение статуса этнообразований, как княжеств, а также понижение статуса царей до уровня князей, затем объединение всех в одно государство с единым титулом. Думается, христианская религия со своими серьезными противоречиями, способствовала объединению и созданию новой ступени, цивилизованного, самодостаточного государства. В этом христианском государстве, наравне с другими великими христианскими странами, Абхазия обогатила мировую культуру выдающимися архитектурными памятниками культового, фортификационного и светского характера. Среди культовых следует отметить Цандрыпшский храм, Драндский храм, Лыхненский храм, Моквский храм, Бзыпский храм, Алахадзинский храм, Пицундский храм, Бедийский храм. Из фортификационных памятников: Цебельдинская крепость, Анакопийская крепость, Хашупсинская крепость, крепость в Герзеуле, крепость в Нарджхеу, Кодорская крепость, крепость в Пицунде, Сухумская крепость. Среди светских сооружений выдающееся место занимает Лыхненский дворец. Считается, что он царский, но есть также мнение, что он патриарший.

И.А. Сапрыкина
г. Москва, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА
ИЗДЕЛИЙ ИЗ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ
ЗОЛОТЫХ ПРЕДМЕТОВ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
(МОГИЛЬНИК МУХИНО)**

Изучение химического состава золотых изделий из погребения № 1 на поселении «Мухино-2», в частности, выполнение такого исследования с помощью нескольких методов анализа (Сапрыкина, 2014. С. 223–230), выявило определенную методическую проблему, возникающую как при проведении анализа химического состава золота, так и в процессе интерпретации полученных результатов. Эти проблемы, в большей степени, возникают при исследовании предметов, полученных с использованием нестандартной техники изготовления, как, к примеру, бляшек зигзагообразной формы с тисненым рубчатым орнаментом из заполнения погребения № 1.

По данным, полученным при исследовании этой категории предметов методом РФА-анализа, отмечается значительная вариация содержания золота и серебра в составе тройного сплава, из которого были изготовлены указанные украшения (Сапрыкина, 2014. С. 227–228). Такой разброс в содержании может быть объяснен несколькими причинами, среди которых – процессы сегрегации серебра в сплаве, использование самородного золота, характеризующегося широким разбросом значений содержания серебра, и другими факторами. Как правило, объяснение причин мы ищем в не до конца известных нам физико-химических свойствах как самородного золота, так и золотых сплавов тройных систем.

Однако дальнейшее исследование химического состава золота, проводившееся для бляшек зигзагообразной формы с помощью РФА-спектрометра M1 Mistral (Bruker)¹, позволило по-иному подойти к интерпретации зафиксированной разницы в содержании золота и серебра в металле этой категории украшений из погребения. Анализ выполнялся по нескольким точкам на лицевой и обратной стороне бляшек, на предварительно очищенной спиртовым раствором поверхности; обработка спектров выполнялась на соответствующем программном обеспечении. В результате были получены данные, указывающие на стабильно высокое содержание золота на лицевой поверхности анализируемых бляшек, и стабильно высокое содержание серебра на обратной стороне тех же бляшек.

Для проверки полученных данных поверхность бляшек зигзагообразной формы будет исследована на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker), с целью выполнения сканирования поверхности для фиксации площадного распределения компонентов сплава (Сапрыкина, Пельгунова, 2014. С. 80–87). Выполнение такой проверки необходимо, т. к. с учетом новых данных, полученных на M1, возможно реконструировать использование нестандартной технологии для изготовления бляшек зигзагообразной формы, что скорректирует наши стандартные представления о технологиях работы с драгоценными металлами и уровне мастерства древних ювелиров.

¹ Выражаю искреннюю признательность к. ф.-м. н. Г. Б. Кузнецову, руководителю отдела Nano Bruker (г. Москва), за предоставленную возможность работы на оборудовании.

ЛИТЕРАТУРА

Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А., 2013. Перспективы исследования археологических предметов с помощью РФА-спектрометрии (на примере M4 Tornado, Bruker, Германия) // Фотография. Изображение. Документ: научный сборник. Вып. 4 (4) / Отв. ред. Д. О. Цыпкин. СПб.: РОСФОТО. С. 80–87.

Сапрыкина И. А., 2014. Техника изготовления и химический состав золотых изделий из погребения № 1 на поселении Мухино-2 в контексте определения «маркеров статусности» // КСИА. Вып. 234. С. 223–233.

K.H. Скворцов

Калининград, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ САМБИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ И В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)

Своим возникновением самбийско-натангийская культура во многом обязана воздействию культур германского круга, схожему с тем, какое Римская цивилизация оказала на своих северных соседей – кельтов и германцев. Одним из важнейших факторов развития культуры стала янтарная торговля.

На ранних этапах развития общества эстиеv¹ не наблюдается ярко выраженное разделение погребений по признаку богатства инвентаря, встречается мало импортов. В период B2/C1 (т. е. 150–200 гг. по К. Годловскому)² вместе с развитием янтарной торговли, явно выделяются погребения с более богатым инвентарем, в составе инвентаря все чаще встречаются римские и германские импорты, начинают появляться и вещи «высокого статуса» (Brinkmann, 1900. Abb. 1. S. 73–77; Bolin, 1926. S. 209; Gaerte, 1929. S. 211. Abb. 159, c, e, f, g; Nowakowski, 1996. S. 68–72. Taf. 92, 1; 99, 8; 102, 2). К концу II века начинает прослеживаться закономерность, согласно которой богатые погребения составляют в общем около 10% от общего числа, то же самое наблюдается и в культурах германского круга.

Основываясь, главным образом, на особенностях погребального обряда, количестве и богатстве инвентаря, а также на результатах подобных исследований для синхронных германских и скандинавских древностей, мы можем представить³ сложившуюся к рубежу раннеримского

¹ Им соответствует самбийско-натангийская археологическая культура.

² Для датировки погребальных комплексов римского времени использована хронологическая система, разработанная К. Годловским (Godłowski, 1970; 1985; 1988).

³ В тех исследовательских ситуациях, когда полноценные достоверные письменные свидетельства о развитии некоторого определенного древнего сообщества отсутствуют, как в нашем случае, наиболее эффективным способом реконструировать его социальную структуру будет привлечение археологических данных. К сожалению, на сегодняшний день не имеется данных об изученных полномасштабно поселенческих памятников самбийско-натангийской культуры римского времени, и мы вынуждены опираться исключительно на результаты исследований погребальных памятников. При этом необходимо помнить тот факт, что погребальные памятники в некотором роде представляют собой «кривое зеркало жизни», и реконструкция на их материале будет обладать определенной долей условности.

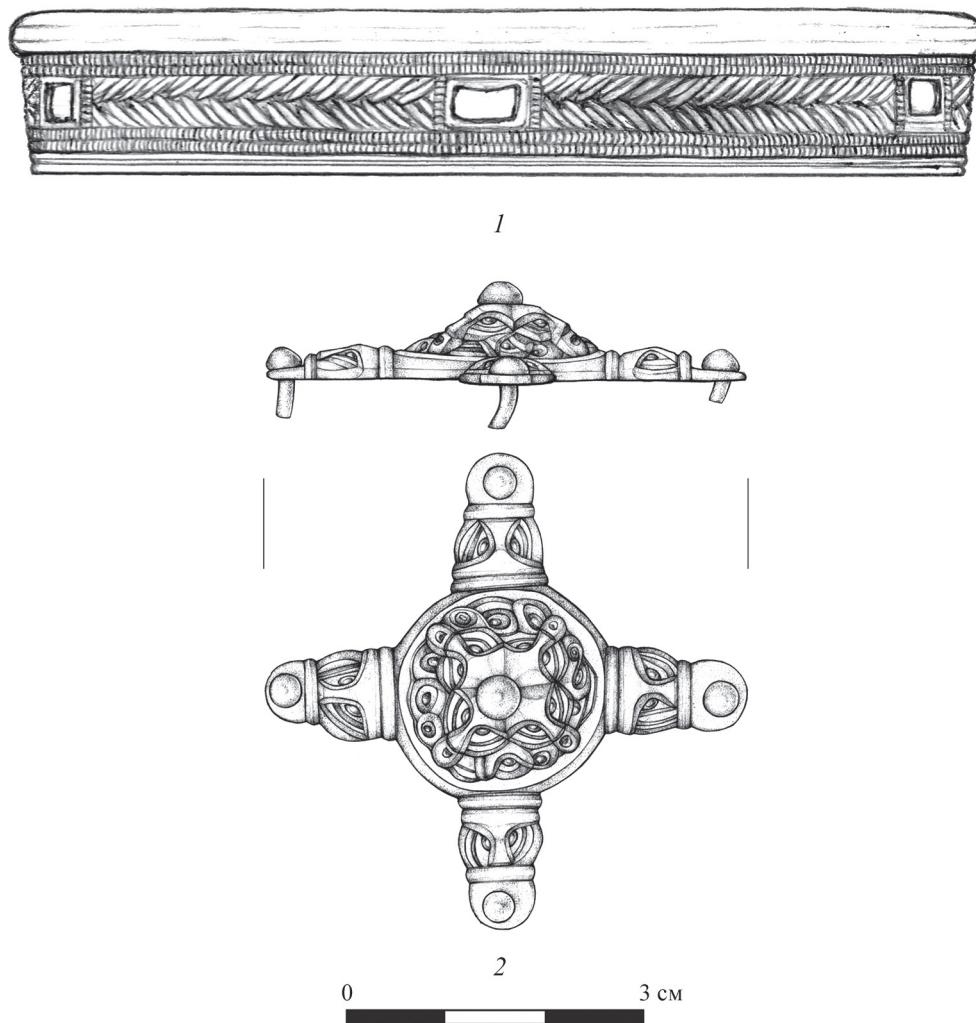

Рис. 1. Некоторые находки «престижных» предметов из погребений самбийско-натангийской культуры

1 – серебряная позолоченная оковка рога для питья с гранатовыми вставками с могильника Путилово-1/Гаутен (Gauten); 2 – бронзовый (?) позолоченный четверик с оголовья коня из погребения № 36 с могильника Шоссейное

и позднеримского периодов (конец II – начало III в. н. э.) социальную структуру общества эстив в следующем виде: (см. подробнее: Skvorzov, 2013а).

1 Уровень: Погребения представителей данной категории характеризуются чрезвычайной скучностью погребального инвентаря, они либо вовсе безынвентарные, либо содержат незначительное количество вещей: единичные сосуды, единичные украшения из бронзы и железа.

2 Уровень: Погребения, относящиеся к данной категории содержат несколько сосудов, римские монеты, немного украшений из бронзы и железа, редко серебра. В женских погребениях обычно находят от одной до трех фибул из бронзы и железа, стеклянные римские бусины, янтарные и бронзовые бусины местного производства, а также и другие украшения из бронзы и железа. Для мужских комплексов характерны предметы вооружения, такие как железные наконечники копий, топоры, ножи, реже детали щитов и орудия труда. Стандартный набор вооружения в подобных захоронениях в подавляющем большинстве состоит из наконечника копья и ножа.

3 Уровень: Для погребений представителей данной категории характерны все те же категории инвентаря что и для 2-го уровня, но появляется больше украшений в т. ч. из драгоценных металлов, но чаще всего из серебра. На одного погребенного может приходиться от 50 гр. серебра и более, мы можем наблюдать примеры таких комплексов, как правило женских, на могильниках Большое Искаково/Лаут (Lauth), Алейка-3, Путилово/Корьейтен (Corjeiten), Московское/Партайнен (Partheinen). Также в женских погребениях начинают встречаться керамические игральные фишки типа «Берназивка», типичные для восточных германцев (Kokowski, 2000. S. 65–70). В мужские погребения начинают помещать от одной до двух лошадей и появляются предметы, связанные с верховой ездой. В погребениях обеих гендерных категорий широко распространенными становятся оковки и ключи от шкатулок. Редко встречается металлическая и стеклянная римская импортная посуда.

4 Уровень: Большинство погребений данного типа было разрушено еще в Новое время и в Средневековые, однако даже по тем немногочисленным находкам, которые до нас дошли, можно сделать вывод о том, что они значительно выделяются на общем фоне. Для погребений данного уровня характерными являются все указанные выше категории погребального инвентаря, а также значительно увеличивается процент импортов и изделий из драгоценных металлов. Для женских комплексов характерны змеевидные серебряные браслеты, розетковидные фибулы типа Альмгрен–216–217 (Almgren, 1897), известна находка золотой подвески-лунницы с зернью и филигранью и другие детали убора из благородных металлов, а также золотые монеты. Мужские комплексы сопровождают захоронения коней с богато украшенной сбруей с импортными деталями, украшения из благородных металлов, изготовленные в технике грануляции, известен также один случай находки золотого перстня весом 13 гр. Для всех погребений данной категории, зачастую разрушенных, в связи с чем определение гендерной принадлежности является затруднительным, характерны находки серебряных римских ложек, тоже являющиеся атрибутом для погребений варварской знати римского времени.

Надо отметить, что большинство памятников с погребениями 3 и 4 уровней тяготеет либо к местам традиционного сбора янтаря на Балтийском побережье, либо к важным водным коммуникационным путям особенно на участке торгового пути от Самбии к устью Вислы.

Также, мы можем предположить, по аналогии с соседними синхронными культурами, наличие 5-го уровня погребений, возможно «племенных вождей», однако, до настоящего времени в ареале самбийско-натангийской культуры не было обнаружено ни одного подобного захоронения, наше предположение сохраняет исключительно гипотетический статус.

Представленная социальная стратификация общества эстив, вероятно сохраняется вплоть до раннего средневековья, однако прослеживается уже сложнее, так как погребальные памятники конца эпохи Великого переселения народов характеризуются крайней унификацией погребального инвентаря и его оскудением (Gaerte, 1929. S. 308; Okulicz, 1973. S. 471). В данных условиях богатые погребения особенно резко выделяются на общем фоне. Как предполагают некоторые исследователи, только наиболее социально «значимые» члены социума могли позволить себе богатые похороны и сопроводить умершего достаточным количеством инвентаря. Однако при этом подчеркивается вероятностный характер данного предположения, так как в разных обществах могли проявляться совершенно индивидуальные особенности развития (Мастыкова, 2009. С. 159–161). В качестве примера подобного рода знатных погребений, особо следует отметить новые находки комплексов из группы полей погребений Гребитен–Корьейтен⁴ конца IV – первой половины V в. со скандинавскими импортными серебряными гривнами с замками восьмерковидной формы, шайбовидными фибулами из позолоченного серебра, серебряной тисненной позолоченной оковкой рога для питья со вставками из гранатов (Рис. 1, 1). Также в данном контексте следует упомянуть богатые погребения конца V – нач-

⁴ Могильники Окунево I/Гребитен (Grebieten) и Путилово/Корьейтен (Corjeiten).

ла VI в., происходящие с могильников Митино/Штантай (Stantau), Логвиново/Кляйн Меденау (Klein Medenau) и Шоссейное (Рис. 1, 2) с предметами в т. ч. выполненными из серебра с использованием техники черни и горячего золочения со вставками полудрагоценных камней, германского и северогерманского происхождения, датированные концом эпохи Великого переселения народов (*Skvorzov, 2013b*).

ЛИТЕРАТУРА

- Maslykova A. B.*, 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV–VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.
- Almgren O.*, 1897. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte. Stockholm: Druk von Ivar Hæggstrom. 243 S.
- Bolin S.*, 1926. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen // Prussia. Heft 26. (1922/23–1925). S. 203–240.
- Brinkmann A.*, 1900. Funde von Terra sigillata in Ostpreussen // Prussia. Heft 21. (1896–1900). S. 73–79.
- Gaerte W.*, 1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg: Gräfe und Unzer, Königsberg i. Pr. 406 S.
- Godłowski K.*, 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Uniwersytet Jagiełłoński. 126 P.
- Godłowski K.*, 1985. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim, Prace Komisji Archeologicznej nr 23, PAN Oddział w Krakowie, Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 213 S.
- Godłowski K.*, 1988. Problemy chronologii okresu rzymskiego. Scripta Archaeologica. Varia UJ. T. 231. Kraków. P. 27–49.
- Kokowski A.*, 2000. Zu geheimnisvollen Tonknopfen von Typ «Bernasivka» // Sborník Národního Muzea v Praze. S. 65–70.
- Skvorzov K. N.*, 2013a. The Formation of a sambian-natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade // Archaelogia Baltica 18. № 2. S. 167–191.
- Skvorzov K. N.*, 2013b. «The amber coast masters» some observations on rich burials in the sambian-natangian culture ca. ad. 500 // Inter Ambo Maria: Northen Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya publishing house. S. 352–364.
- Okulicz J.*, 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego Paleolitu do VII w. n. e. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 S.
- Nowakowski W.*, 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg. 169 S. (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; Sonderband 10).

И. Г. Семенов
Махачкала, Россия

К ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЕ КАВКАЗСКОЙ ПЕРИФЕРИИ ГУННСКОЙ ДЕРЖАВЫ: СОРОСГИ, АКАЦИРЫ И «ГУННЫ» ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

1. Можно достаточно уверенно говорить о том, что засвидетельствованный многими источниками крупный набег степняков на Закавказье в 441 г. был совершен гуннами Аттилы. Ими же были осуществлены и упомянутые Егише нападения на иранскую провинцию Атрпатакан² в 450 и 451 гг. Эти и другие факты свидетельствуют о том, что в период правления Аттилы гунны достаточноочно прочно контролировали страны, прилегающие с севера к Дербентскому проходу и к горным проходам центральной части Большого Кавказа, через которые и осуществлялись эти военные акции (Семенов, 2007. С. 39 сл.).

2. Это заключение позволяет достаточно уверенно предполагать, что соросги, с которыми, по словам Приска Панийского, Аттила начал войну в 434 г. (*Priscus Panites. Fragmenta. Fr. 1*), являлись кавказскими иранцами, и что сам термин *соросг*, как предполагал Г. С. Дестунис, является титулом предводителя асов (осы): **cap-i osag* – «царь (глава) осов» (Сказания Приска Панийского, 1861. С. 22. Прим. 1). Скорее всего, эти осы обитали в центральной части Большого Кавказа, но безупречных доказательств это предположение пока иметь не может.

3. Сообщения «Истории страны Алуанк» («История Албании» или «История албан») (Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Кн. 1. 28–30), относящиеся к 682 г., показывают, что большинство религиозных представлений населения Страны гуннов (на территории современной Республики Дагестан) имеют прямые параллели в религии высшего слоя Тюркского каганата – тенгризма (*Кляшторный*, 1981. С. 132. Прим. 63; *Кляшторный*, 1987. С. 61). Это позволяет предполагать, что после подчинения тюрками Северо-Западного Прикаспия (между 568 и 571 гг.) и, в частности, Страны гуннов в последней был внедрен или, что представляется более вероятным, воспринят весь тенгристский пантеон. Тогда же правителями Страны гуннов могли быть заимствованы и упомянутые «Историей страны Алуанк» тюркские придворные титулы (*авчи* и др.).

4. В докладе предполагается обратить внимание на то, что принятное в современной историографии мнение о северо-причерноморской локализации акацир должно быть оспорено. Напомню, что оно строится на свидетельстве Приска Панийского о том, что Эллак, старший сын Аттилы был назначен правителем акацир и «других припонтийских народов» (*Priscus Panites. Fragmenta. Fr. 8*), а также и на не вполне ясных данных Иордана, который собственно и локализует акацир в Северном Причерноморье (Иордан. О происхождении и действиях гетов. *Getica*. § 36). Однако, как показано А. Н. Анфертьевым, указанная информация Иордана основана на данных того же Приска Панийского (Иордан. С. 128. Прим. 102). Иордан, так же как и современные исследователи, принял выражение своего предшественника об акацирах и «других припонтийских народов» буквально, откуда собственно и появились его данные о связи акацир с Понтом.

Между тем, анализ данных Приска Панийского о маршрутах вторжении на Кавказ сарагур и оногур (463 г.) и их войнах с акацирами показывает, что причерноморская локализация представляется маловероятной. Более вероятным выглядит их северо-западно-прикаспийская локализация.

5. Из упоминавшегося сообщения Приска Панийского известно, что в 448 г., после подчинения акацир, их правителем, а также и правителем соседних народов был назначен старший сын Аттилы Эллак (*Priscus Panites. Fragmenta. Fr. 8*). По всей видимости, военной мощи покоренных акацир было достаточно для того, чтобы контролировать положение на востоке Гуннской державы, и потому их этническая территория и составили ядро владения Эллака.

Как можно предполагать, гунны старались оставлять во главе покоренных кавказских народов представителей местных правящих родов. Так, известно, что Куридах сохранил власть над тем подразделением акацир, которое он возглавлял ранее (*Priscus Panites. Fragmenta. Fr. 8*).

ЛИТЕРАТУРА

- Иордан. О происхождении и действиях гетов. *Getica* / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 1997. 512 с. (Византийская библиотека. Источники).
- Иордан / (Статья, пер. и комм. А. Н. Анфертьева) // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М.: «Восточная литература» РАН., 1994. С. 98–161.
- Кляшторный С. Г., 1981. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник / Отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука. С. 117–138.
- Кляшторный С. Г., 1987. Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // Советская тюркология. № 3. С. 58–62.
- Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. Ереван: Изд-во АН АрмССР. 1984. 258 с.
- Семенов И. Г., 2007. Генеалогия картлийских царей: от Мириана III до Вахтанга Горгасала. Махачкала: ООО «ДИНЭМ». 76 с.
- Сказания Приска Панийского / Пер. С. Дестуниса // Ученые записки Второго отделения Императорской Академии Наук. Кн. 7. Вып. 1. СПб.: Тип-я Императорской Академии Наук, 1861. С. 1–112. Отдельный оттиск: Сказания Приска Панийского / Пер. С. Дестуниса. СПб.: Тип-я Императорской Академии Наук, 1860. 112 с.
- Priscus Panites. Fragmenta / Ed. C. Müller // *Fragmenta historicorum graecorum*. Paris, 1868. Vol. IV. P. 69–110.

A. A. Строков
Берлин, Германия

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ АЗИАТСКОГО БОСПОРА В ПОЗДНЕАНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Азиатский Боспор до сих пор остается «белым пятном» на археологической карте памятников в эпоху поздней античности и раннего средневековья, практически отсутствуют какие-либо исследования этой эпохи на Тамани. Во многом это объясняется неудовлетворительным состоянием источников базы. На данный момент известно 128 погребальных памятника IV – начала VI вв. н. э., подавляющее большинство из которых раскопаны в Фанагории – 109 захоронений (*Ворошилова, 2012. С. 20*), из них для анализа доступны 62. Еще 7 могил известно в Кепах, 3 – в Тузлинском некрополе, 7 склепов – у пос. Красноармейский, еще по одному захоронению – у ст. Фонталовской и в Тамани.

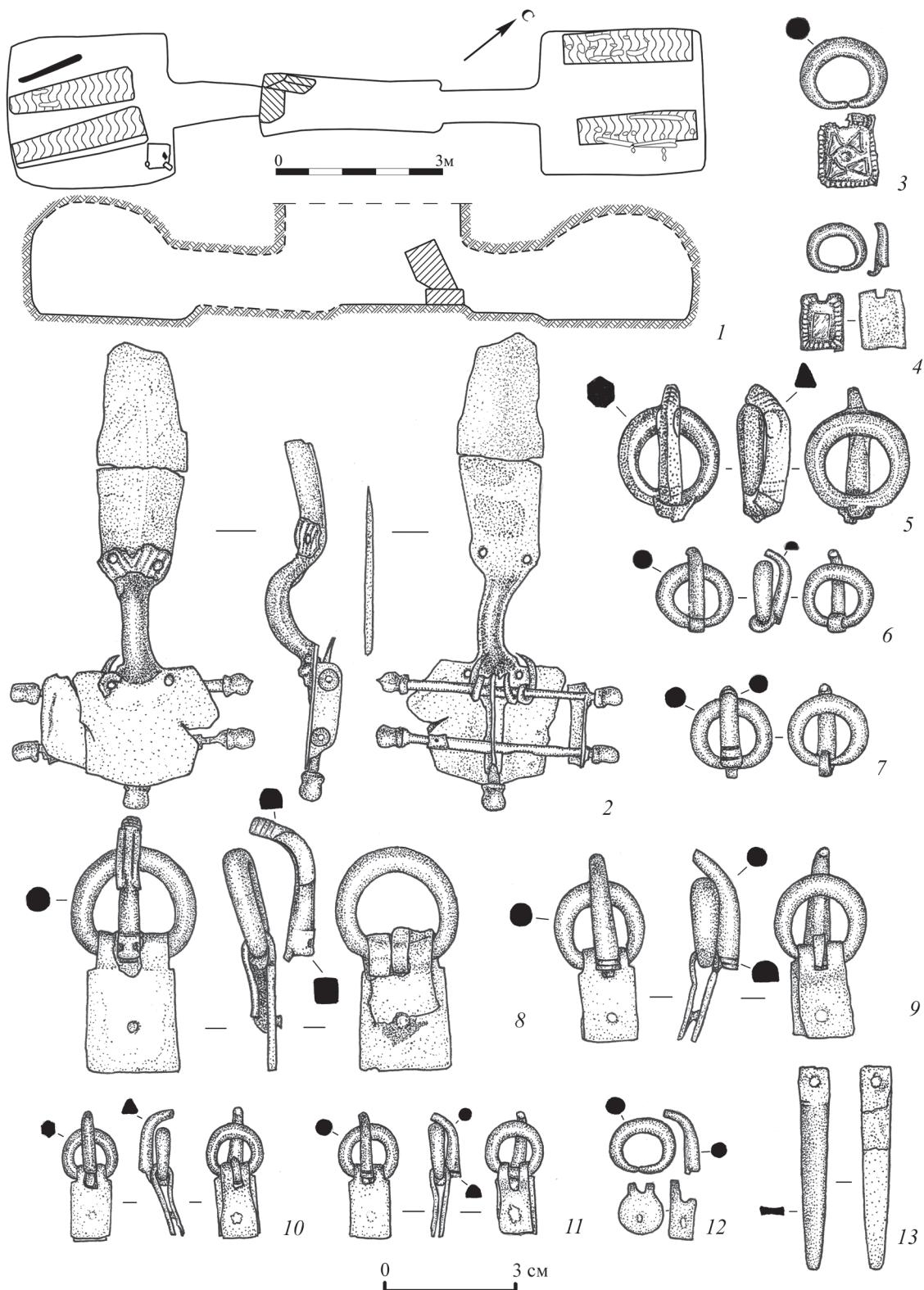

Рис. 1. План и некоторые находки из фанагорийского склепа 50/1937 г., раскопки В.Д. Блаватского

1 – по: Блаватский, 1941. Рис. 26. Рис. 36; 3–13 – рисунки Е.П. Капустиной.

2 – серебро, золотая фольга, 3–4 – серебро, золотая фольга, красный камень, 5–13 – серебро

Все захоронения совершены по обряду ингумации. Выделяются 3 типа погребальных сооружений: грунтовые ямы – 44 (55% от общего числа погребений), грунтовые склепы – 31 (38%); из них 6 – двухкамерные (погр. 21/1937 г., 50/1937 г., 97/1938 г., склеп 2011 г. в Фанагории, 3/1951 г. в Тузлинском некрополе и погр. 92 в Красноармейском; Рис. 1, 1), и подбойные могилы – 3 (4%). По четырем захоронениям из дореволюционных раскопок курганов информация отсутствует. В склепах встречены от 1 до 5 захоронений, использовались они несколькими поколениями. Большинство погребений бескурганные. Однако недавний планиграфический анализ некрополя Фанагории, который считается грунтовым, показал, что на его территории также могли сооружаться курганы (*Ворошилова, Ворошилов, 2013. С. 76, 77*), поэтому данный вопрос пока можно считать открытым. Преобладает северная ориентировка погребенных.

В захоронениях встречается богатый погребальный инвентарь. Прежде всего это детали ременных гарнитур: многочисленные пряжки, наконечники и распределители ремней (например, в Фанагории погр. 34/2005 г. и 38 (Р2)/2012 г.: *Сударев, Ахмедов, 2013. С. 44*), бронзовые и серебряные. Некоторые пряжки украшены вставками красного стекла (Рис. 1, 3, 4). В двух склепах, в Фанагории и Тузле, найдены золотые имитации пряжек. Также встречаются фибулы – прогнутые подвязные, двупластинчатые, в виде цикад, изготовленные из бронзы или серебра (Рис. 1, 2). Многочисленны находки керамических сосудов – это и сероглинянная и се-ролощеная местная керамика, а также привозная краснолаковая позднеримская и ранневизантийская посуда. В основном такие сосуды были зафиксированы в склепах. При раскопках также были обнаружены и стеклянные сосуды. В нескольких захоронениях известны находки оружия: наконечники копий, стрелы, мечи. Большинство захоронений датируется IV–V вв. н. э.

На основе анализа погребальной обрядности и инвентаря можно сделать вывод, что население Азиатского Боспора в интересующую нас эпоху сохраняла сложную социальную стратификацию. Четко выделяются рядовые захоронения – в основном это погребения в простых грунтовых ямах, которые содержат в себе лишь отдельные редкие находки (как правило это детали ременной гарнитуры, нож, сероглинянный сосуд). Более высокую социальную позицию занимали люди, которые были погребены в подбойных могилах и склепах, так как для их сооружения требуются большие усилия. Инвентарь подбойных могил и склепов также отличается большим разнообразием. Один из наиболее богатых и известных склепов эпохи Великого переселения народов – погр. 50/1937 г. в Фанагории, исследованное В. Д. Блаватским (*Блаватский, 1941. С. 44–48; Рис. 1*). Сам по себе склеп имел внушительные размеры – он был двухкамерный, содержал 6 захоронений, общая длина его около 10–11 м, глубина входного колодезя – 6 м. Судя по находкам парадных мечей (*Сокольский, 1954. С. 162. Рис. 11*), серебряных и золотых ременных гарнитур, краснолаковой привозной керамики, в нем была захоронена семья высокопоставленного воина.

Необходимо отметить, что каких-либо «княжеских» захоронений IV–V вв. на Тамани неизвестно. Возможно, это объясняется состоянием источников базы.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В.Д., 1941. Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 г. // Работы археологических экспедиций / Под ред. Д.Н. Эдинга. М.: Государственный исторический музей. С. 5–62. (Труды ГИМ; Вып. XVI).

Ворошилова О.М., 2012. Некрополь Фанагории в I в. до н. э.– V в. н. э. как источник по истории населения столицы Азиатского Боспора: автореферат дис. на соискание уч. степени канд. истор. наук. М.: ИА РАН. 24 с.

- Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н., 2013. Новые материалы о планиграфии некрополя Фанагории // Шестая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 76–78.
- Сокольский Н. И., 1954. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху / Отв. ред. М. М. Кобылина М.: Изд-во АН СССР. С. 123–196. (МИА; № 33).
- Сударев Н. И., Ахмедов И. Р., 2013. Новые погребальные комплексы конца IV – начала V в. н. э. на Таманском полуострове // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тезисы докладов международного научного семинара / Отв. ред. А. В. Маstryкова. М.: ИА РАН. С. 44–45.

П. С. Успенский
ИА РАН, Москва

**ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТНЫХ ВОИНОВ VIII–IX ВВ.
С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
(ПО ДАННЫМ НЕКРОПОЛЕЙ С ОБРЯДОМ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ)**

Погребальный обряд является одним из важных элементов, используемых при реконструкции социальной стратификации древних обществ. Данные погребального обряда могут отражать взаимосвязь имущественного и социального положения индивида, при ведущей роли социального фактора.

На основе ряда черт похоронного обряда кремационных некрополей, нами была предпринята попытка изучения социальной стратификации населения Северо-Западного Кавказа (Рис. 1). В результате проведенного анализа погребений VIII–IX вв. удалось разделить захоронения мужчин на два условных ранга. В основе деления лежит место погребенного индивидуума в системе воинской организации (Успенский, 2014. С. 392–394). К первому рангу были отнесены конные воины, погребенные с набором вооружения и предметами конского снаряжения. Среди обозначенных комплексов выделяется группа погребений с наиболее богатым сопроводительным инвентарем.

Такие захоронения были обнаружены в Молдовановском могильнике (погребения № 25 и 31), некрополе Дюрсо (погребения № 28 и 15), могильнике Казазово (погребение № 11). Обозначенные комплексы являются как безурновыми кремациями, так и ритуальными погребениями-кенотафами (Рис. 2).

По своим характеристикам указанные комплексы относятся к захоронениям первого ранга, однако в отличие от большинства других погребений для них характерен наиболее полный набор защитного, наступательного вооружения и конского снаряжения. Маркерами высокого социального статуса выступают: конские начельники и другие парадные украшения конской сбруи, детали седла, полный набор вооружения, включая защитное (шлем, кольчуга), воинские пояса – т. е. вещи, встречающиеся достаточно редко (Рис. 2, 2, 4, 5).

Перечисленные предметы находят свое отражение как маркеры высокого социального статуса индивидуума и в других синхронных культурах. В частности, по материалам аланских погребений, конский начельник являлся признаком высшей социальной группы, интерпретируемой как погребения сотников (Афанасьев, 1993. С. 141, 142).

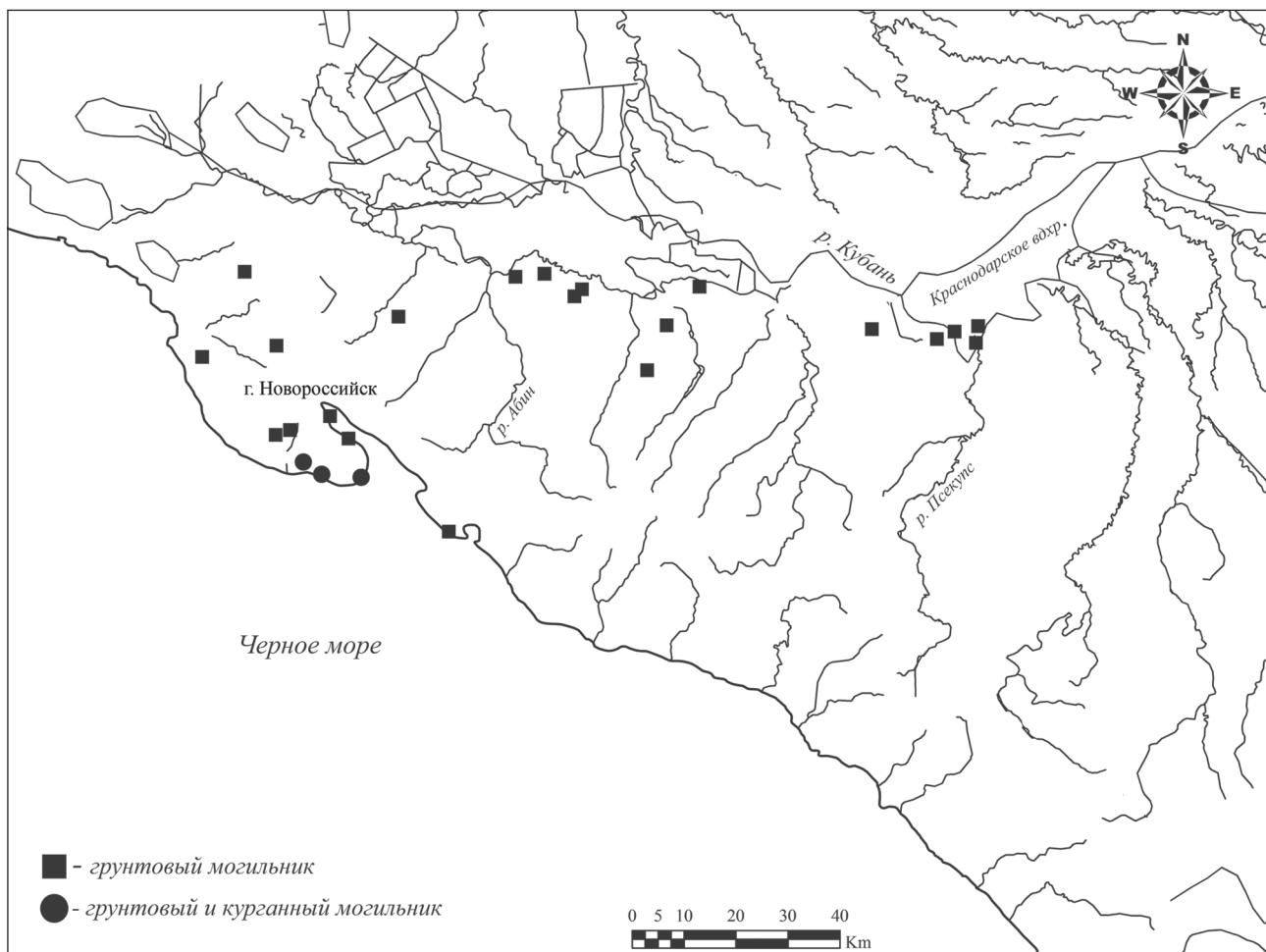

Рис. 1. Некрополи VIII–IX вв. с погребениями по обряду трупосожжения на Северо-Западном Кавказе

Нarrативные источники дают нам лишь отрывочные сведения о социальной стратификации и системе воинской организации населения Северо-Западного Кавказа. Так арабо-персидский автор ал-Масуди сообщает об отсутствии у касогов единого царя, но в то же время – о наличии в отдельных племенах вождей.

Проведенный анализ показывает существование в среде населения Северо-Западного Кавказа группы наиболее знатных воинов, которых мы условно можем связывать с представителями воинской элиты. Однако, говорить о том, что это уже была социально-обособленная группа населения мы в настоящий момент не можем из-за недостатка исходных данных и необходимых признаков. В частности, выделение знатных погребений в нашем случае основывается преимущественно на инвентарном контексте комплекса, т. е. погребения различимы только по степени «наполненности» вещами.

Таким образом, данные погребального обряда захоронений кремационных некрополей Северо-Западного Кавказа приводят к выводу, что значительная часть мужского населения составляла войско, и это являлось главной обязанностью мужчин. В этой группе мы можем выделить погребения, принадлежавшие знатным воинам, чей высокий социальный статус подчеркнут соответствующим богатым сопроводительным инвентарем. Не исключено, что данные захоронения принадлежали военным вождям, однако этот статус был не наследственным, а приобретаемым и продвижению индивида на более высокую социальную роль способствовали, прежде всего, его личные качества как воина.

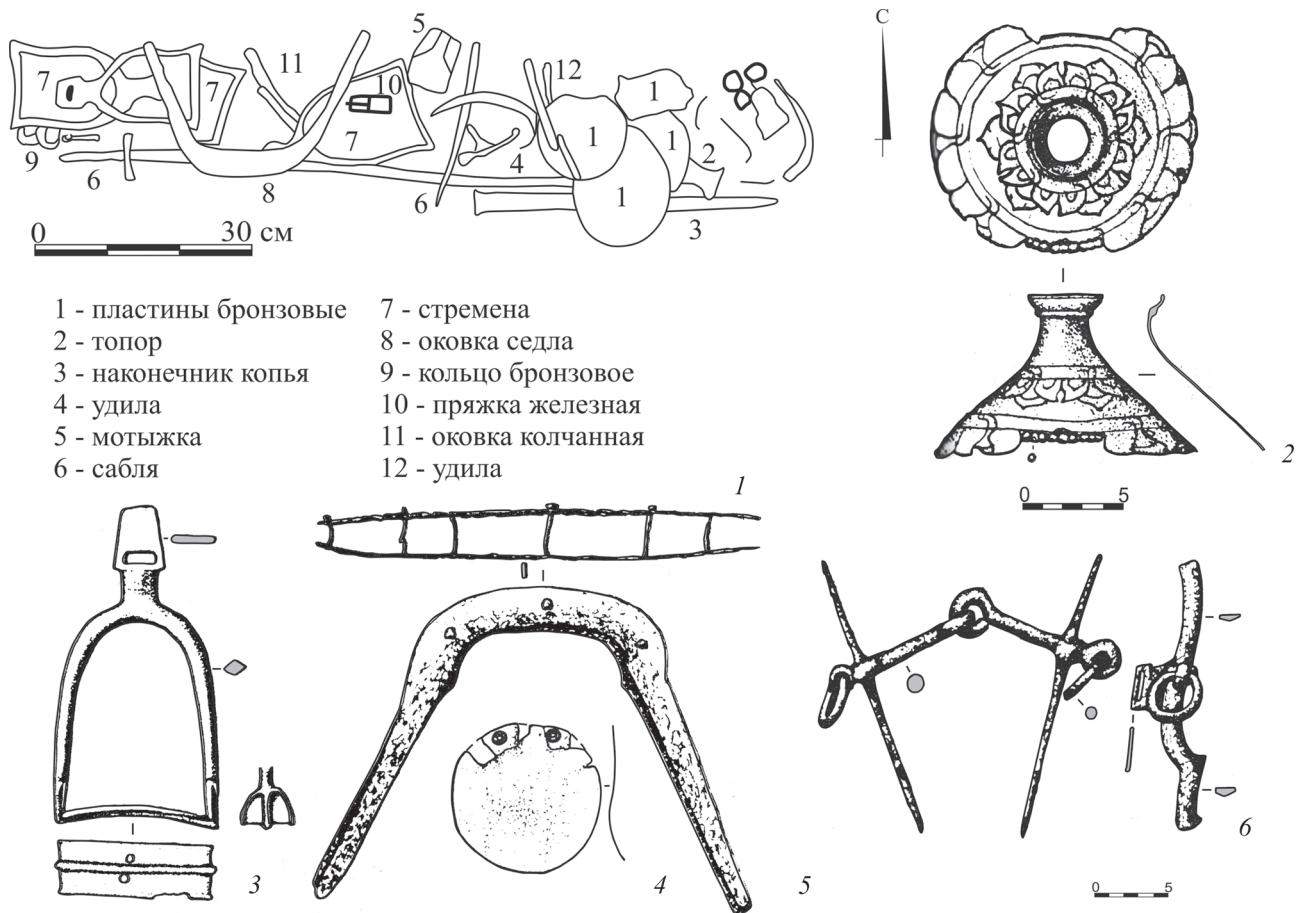

Рис. 2. Погребение № 25 могильника Молдовановский с маркерами высокого социального статуса
1 – план погребения; 2 – конский начельник; 3 – стремя; 4 – сбруйная бляха; 5 – оковка луки седла; 6 – удила
(по: Пьянков, Тарабанов, 2004)

Выделенные на археологическом материале погребения знатных воинов, демонстрируют наметившиеся процессы дифференциации внутри всего первого ранга конных воинов. Которые могли быть связаны с постепенным оформлением воинской элиты, и демонстрируют процесс дальнейшего общественного расслоения внутри мужского населения Северо-Западного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е., 1993. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // СА. № 4. С. 131–144.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А., 2004. Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (Раскопки 1989 года) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3 / Отв. ред. Е. Н. Нарожный. Армавир: АГПУ. С. 275–292.
- Успенский П. С., 2014. Изучение социальной стратификации населения Северо-Западного Кавказа по материалам кремационных погребений VIII–XIII вв. // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН. С. 392–394.

И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова
Симферополь, Россия

ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТИ В МОГИЛЬНИКАХ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

О социальной структуре населения предгорного Крыма позднеримского времени можно судить лишь на основании археологических данных, представленных материалами открытых и в той или иной степени изученных могильников, таких как Курское, Нейзац, Дружное, Заречное, Перевальное, Озерное III, Сувлу-Кая, Красная Заря, Суворово, Инкерманский, Чернореченский, Килен-Балка. Подавляющее большинство комплексов характеризуется однообразием найденных в них предметов, что может свидетельствовать о достаточно слабой имущественной дифференциации населения. Выделение погребений знати возможно по некоторым критериям, среди которых определяющим является наличие в погребениях статусных вещей – украшений из золота, нестандартного (по сравнению с рядовыми комплексами) набора вооружения или конской сбруи. Не менее важными для этой цели могут оказаться и нехарактерные для рядовых захоронений детали погребального обряда. На основании этих критериев в массе погребений позднеримского времени выделяется группа элитарных захоронений. К таковым можно отнести несколько комплексов из могильника Нейзац (*Храпунов, 2006; 2008; Khrapunov, 2008; Храпунов, Стоянова, 2014*), Дружное (*Айбабин, 1994. С. 90, 94*), Суворово (*Юрочкин, Труфанов, 2003*), Чернореченского могильника (*Бабенчиков, 1963. С. 92, 93*), а также подкурганное женское погребение у с. Мичурино (*Мульд, 2001*). Ранжировать погребения внутри этой группы крайне сложно, поскольку ни одно из них не отличается совокупностью всех выше обозначенных критериев, а «богатство» сопровождавшего инвентаря определяется лишь в сравнении с рядовыми синхронными захоронениями из предгорного Крыма, значительно уступая при этом элитным комплексам более раннего времени.

Тем не менее, есть единичные захоронения, о которых можно говорить как о самых богатых комплексах в рамках того или иного могильника. Среди женских погребений явно выделяются два – могила № 9 (35) из Чернореченского некрополя и могила № 24 из могильника Дружное. Оба погребения относятся к одному времени: второй половине III – началу IV в., оба совершены в подбойных могилах и сопровождались многочисленным инвентарем. Одной из главных отличительных черт этих захоронений от других элитных погребений крымских предгорий является наличие в них комплекса украшений, выполненных в «сердоликовом» стиле, – браслетов и серег. Присутствие подобных предметов в погребениях позднеримского времени является общепринятым маркером высокого социального статуса умершего (*Яценко, Малащев, 2000. С. 241, 243; Шаров, 2012*), а сочетание этих вещей с другим нестандартным инвентарем позволяет относить их владельца к высшему рангу элиты.

В могиле № 9 (35) Чернореченского могильника, кроме серебряных, украшенных золотой фольгой и крупными сердоликовыми вставками, браслета и пары серег, обнаружены три лепных, краснолаковый, сероглиняный и два стеклянных сосуда, семь перстней с каменными вставками и геммой, четыре кольца, еще четыре браслета, четыре фибулы, 366 бусин, две монеты Гордиана III и одна Каракаллы, фигурные подвески и другие вещи (*Бабенчиков, 1963. С. 97–100*).

В могиле № 24 могильника Дружное находились шкатулка с монетами Гордиана III, Филиппа II и Траяна Деция, золотые серьги с сердоликами, серебряная фибула с надетым на нее кольцом, три серебряных браслета (два из них украшены сердоликами и сделаны в том же стиле, что и упомянутый выше браслет из могилы № 9 Чернореченского могильника), ритуальный нож в красном деревянном футляре, окованном серебром, серебряное изделие, назначение которого вызвало

разногласие среди исследователей (застежка, амулетница, игольник, бигуди, ручка опахала?). Бусы образовывали ожерелье и служили обшивками рукавов или браслетами (*Храпунов*, 2002. С. 21–22).

Вероятно, определяющим критерием для ранжирования мужских погребений следует признать наличие оружия и его количество в погребении, поскольку изделия из драгоценных металлов в мужских захоронениях из предгорного Крыма не обнаружены. Большинство погребенных мужчин оружием не сопровождались. Рядом с некоторыми захоронениями находят по одному, гораздо реже, по два предмета вооружения. В этом отношении выделяются два погребения. В склепе № 2 могильника Озерное III одного из погребенных сопровождали четыре меча. Вполне вероятно, что ему принадлежал и щит, прислоненный к стене склепа (*Лобода*, 1977). В склепе № 4 могильника Нейзац захоронение сопровождалось тремя мечами и боевым топором (*Храпунов*, 2008. С. 358–360).

Таковы наши незначительные возможности выделить погребения знати, т. е. высшего слоя привилегированного класса, среди многочисленных погребений позднеримского времени могильников предгорного Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И.*, 1994. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. Вып. IV. С. 89–131.
- Бабенчиков В. П.*, 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Київ: Наукова думка. С. 90–122.
- Лобода И. И.*, 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. № 4. С. 236–252.
- Мульд С. А.*, 2001. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь. С. 51–66.
- Храпунов И. Н.*, 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 313 с.
- Храпунов И. Н.*, 2006. Погребение воина IV в. н. э. из могильника Нейзац // Готы и Рим / Глав. ред. Р. В. Терпиловский. Киев: ИД «Стилос». С. 42–51.
- Храпунов И. Н.*, 2008. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. С. 356–392.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.*, 2014. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени // КСИА. Вып. 234. С. 176–199.
- Шаров О. В.*, 2012. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // Stratum plus. № 4. С. 201–238.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А.*, 2003. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII. С. 199–225.
- Яценко С. А., Малашев В. Ю.*, 2000. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. № 4. С. 226–250.
- Khrapunov I. N.*, 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // The Turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. T. I / Edit. B. Niezabitowska-Wiśniewska, M. Juściński, P. Łuczkiewicz, S. Sadowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. P. 189–217.

O. B. Шаров
Санкт-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛИТЫ БОСПОРА РИМСКОЙ ЭПОХИ

Элита Боспора римской эпохи достаточно хорошо известна благодаря многочисленным памятникам эпиграфики (КБН, 1965; КБН-альбом, 2004). Существует обширная литература по данному вопросу, где состав элиты, иерархия высших должностей в государстве, определение их функций, неоднократно обсуждался. У специалистов по археологии Боспора нередко возникали заманчивые перспективы связать известные исторические фигуры с теми или иными погребальными комплексами (погребение с Золотой маской, Аджимушкай 1841, Горгиппия, склеп 2.1975 г. и т. д.). На современном этапе исследований необходимо понять, каковы принципы отнесения того или иного комплекса к погребениям царя, царской семьи или высшей элиты Боспора.

На основании данных эпиграфики и нумизматики можно выделить следующие виды элиты Боспорского царства, естественно понимая, что при неограниченной монархии это выделение весьма условно, так как царь на Боспоре имел в своих руках все политические и экономические рычаги управления государством, являлся верховным главнокомандующим и главным собственником боспорских земель.

Наследственная элита, имеющая самое большое влияние в силу фактора «крови», к которой относится царская семья, жена, дети, прежде всего, наследник престола.

Политическая или властная элита включала в себя царя, наместника царства, наместников царя в Феодосии, Горгиппии, начальника аспургиан, правителя Острова, пресбевета Танаиса, возможно, политархов Пантиканея и Фанагории, архонтов танайтов и эллинархов Танаиса, т. е. тех, кто осуществлял на местах решения царя на высшем уровне.

Экономическая элита – группа знатных и богатых людей Боспорского царства: крупные собственники земель, купцы-владельцы судов и товаров. В основном, это были представители видных аристократических семей, которые участвовали в управлении царства и могли оказывать определенное влияние на политику государства.

Военная элита – генералитет и высшее офицерство. К элите относятся хилиархи, навархи, лохаги, в военное время, стратеги.

Бюрократическая элита – чиновники царского двора в Пантиканее, а также чиновники дворов наместников Феодосии, Горгиппии, пресбевета Танаиса, начальника аспургиан, наместника Острова.

Дворцовая элита – чиновники царского дворца в Пантиканее. Это царские постельники во главе с главным спальником, хранители царских сокровищ, начальник конюшни и т. д.

Сакральная элита городов Боспора – члены правления синодов, фиасов, куда входили: жрец, синагог, филагат, парафилагат, гимнасиарх, неанискарх, иногда, отец синода и секретарь. Занимали эти должности представители элиты Боспора (царский наместник, наместники Феодосии и Горгиппии, пресбевет Танаиса, лохаги, политархи, стратеги и т. д.).

Исходя из анализа работ М. И. Ростовцева (1925), В. Ф. Гайдукевича (1949), Г. А. Цветаевой (1951, 1957), И. П. Засецкой (1993), Толочко И. В. (2003) можно предложить следующие варианты признаков, определяющих принадлежность археологических комплексов к погребениям элиты Боспора римской эпохи:

A. Варианты выбора места захоронения. 1. Элитный участок некрополя; 2. Семейный склеп с нишами-лежанками; 3. Вблизи культового объекта на некрополе; 4. Специально освобожденное место от раннего погребения; 5. Впущено в насыпь кургана; 6. Специально сооруженный курган.

B. Варианты надмогильных сооружений. 1. Погребальные стелы; 2. Насыпи курганов

B. Варианты погребальных сооружений. 1. Подкурганные каменные склепы; 2. Каменные склепы в естественных насыпях; 3. Земляные склепы; 4. Каменные гробницы грунтовые; 5. Грунтовая могила, перекрытая плитами; 6. Склеп, вырубленный в скале; 6. Подкурганная грунтовая могила.

Г. Варианты погребальных конструкций. 1. Деревянные саркофаги; 2. Мраморные саркофаги; 3. Известняковые саркофаги; 4. Ниши-лежанки; 5. Деревянный гроб на ножках;

Д. Варианты погребального инвентаря. 1. Золотой венок; 2. Золотые украшения (ожерелья, серьги); 3. Золотой саван; 4. Меч с навершием; 5. Кинжал; 5. Погребение коня, его частей 6. Конская упряжь; 7. Многочисленные стеклянные сосуды.

E. Варианты престижных предметов погребального инвентаря, маркирующих статус владельца. 1. Предметы высшего статуса: скипетр, золотая маска и т. д.; 2. Золотая диадема; 3. Драгоценная одежда (парча, шелк); 4. Подарки с надписями – серебряные чаши; 5. Импортная бронзовая и серебряная посуда; 6. Уникальные стеклянные изделия; 7. Тамги на престижных предметах; 8. Драгоценное оружие; 9. Драгоценная поясная гарнитура; 10. Драгоценная конская упряжь; 11. Полихромная роспись склепов; 12. Украшения саркофага (гипс, инкрустация, резьба); 13. Золотая гривна; 14. Золотой браслет; 15. Щит с парадным умбоном; 16. Панцирь с позолоченными фалерами; 17. Золотая фибула; 18. Парадное копье; 19. Золотые наглазники, нагрудники; 20. Золотая монета, индикация; 21. Золотой перстень.

Следует отметить, что выделенные выше варианты признаков «не работают» сами по себе отдельно, они должны коррелироваться друг с другом, создавая различные комбинации. По сочетанию признаков можно выделить кластры, которые с определенной долей вероятности будут маркировать различные статусы погребенных (от царя и членов царской семьи до лохага или эллинарха), относящихся к эlite Боспора в определенный отрезок времени и, вполне вероятно, что можно будет в ряде случаев, на основании сочетания признаков определить должности, которые занимали погребенные при царском дворе.

ЛИТЕРАТУРА

Гайдукевич В. Ф., 1949. Боспорское царство. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 622 с.

Засецкая И. П., 1993. Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV–I пол. V в. // МАИЭТ. Вып. III. С. 23–104.

Корпус боспорских надписей, 1965 / Под. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука. 951 с.

Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом), 2004 / Отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб: Bibliotheca classica Petropolitana. XVI. 432 с. илл.

Ростовцев М. И., 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Петроград: Типография I Ленинградской Трудовой Артели Печатников. 621 с.

Толочки И. В., 2003. Некрополь Танаиса (начало III в. до н. э.–V в. н. э.). Опыт сравнительного изучения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: Фонд РГБ. № 61: 04–7/373. 497 с.

Цветаева Г.А., 1951. Грунтовой некрополь Пантикея, его история, этнический и социальный состав // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР. С. 63–86. (МИА; № 19).

Цветаева Г.А., 1957. Курганный некрополь Пантикея // Пантикея. М.: Изд-во АН СССР. С. 227–250. (МИА; № 56).

Б.Ш. Шмоневский
Краков, Польша

ОБОЛ ХАРОНА У ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ: ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В КОНЦЕ АНТИЧНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Обычай класть монеты в погребения, так называемый обол мертвых или монета мертвых, известен в различных регионах Евразии, от античности до современности (*Suchodolski*, 1993).

В европейской цивилизации традиция класть монеты в погребения восходит к V в. до н. э. и связана с верованиями греков (*Stevens*, 1991. P. 223; *Travaini*, 2004). Она связана с греческим обычаем вкладывать одну монету в рот умершего в момент его смерти. Эта монета являлась платой Харону за переплыwanie Стиксса или Ахерона (*Stevens*, 1991. P. 215). Поэтому подобные находки монет связываются с посмертными верованиями и условно называются «оболами Харона», несмотря на различные культурные традиции, в контексте которых они найдены.

Согласно античной традиции, умершему клади одну монету, хотя встречалась информация и о двух монетах. Первоначально такими монетами были бронзовые оболы низкого номинала, откуда и появилось их название. В более позднем периоде использовались также монеты из других цветных металлов (*Stevens*, 1991).

За границами греческо-римской цивилизации обычай класть умершим монеты был известен у разных народов, которые, однако, имели культурные связи с Империей. Одним из культурных импульсов из Империи мог быть обычай класть монеты в погребения у кельтов, германцев, сарматов, а также кочевников авар и венгров (*Suchodolski*, 1993).

Чтобы проиллюстрировать феномен присутствия монет в погребениях, я выбрал пример авар, а также традицию в Средней Азии, где, по мнению И. Боны, авары познакомились с этим обычаем. На примере находок из аварской среды ведется дискуссия, какие из монет, принимая во внимание их сохранность (например, отверстия), локализацию в погребении или их количество в погребении, следует интерпретировать как монету мертвых. По мнению части исследователей, монеты с ушком для подвешивания или с отверстием не могли быть монетой мертвых (*Kolniková*, 1967. P. 189; *Bóna*, 1980). С такой интерпретацией трудно согласиться до конца. Считаю, что монеты, ранее использованные как элемент украшений, могли быть использованы также и другим образом, в том числе, и как монета мертвых. Примером может служить имитация монеты из *Mezőberény*, которая была снабжена ушком, впоследствии удаленным. Затем она была положена в погребение в качестве монеты мертвых (*Woloszyn*, 1997. С. 166).

Подобная дискуссия ведется и относительно количества монет в погребениях. Традиционно это должна быть одна монета. Однако известны случаи присутствия в погребении большего количества монет, которые интерпретируются как «обол Харона» (*Kolniková*, 1967. P. 217; *Bóna*, 1980. S. 78).

Следующим спорным вопросом является локализация монеты в могиле. Согласно античной традиции, она должна быть положена в рот умершему в момент смерти (Stevens, 1991). В более поздних периодах допускаются и другие возможности локализации монет, например, в области грудной клетки, лба, живота или под головой (Kolniková, 1967. Р. 222). К сожалению, мы не всегда располагаем информацией о точной локализации монет в погребении, особенно это касается материалов с территории современного Китая.

Количественно самый большой комплекс погребений с монетами в могилах происходит с северо-западных территорий современного Китая, регион Астана (Thierry de Crussol, 2000. Р. 323), а также Нинся-Хуэйский автономный район (Alram, 2001. Р. 274–276). Здесь следует обратить внимание на особенное сосредоточие нетипичных предметов, таких как наглазники, вырезанные из тонких серебряных или свинцовых пластинок, маски (Лубо-Лесниченко, 1984. С. 114. Рис. 38), которые были тесно связаны с посмертными верованиями. Обычно в погребениях на данной территории находят византийские монеты – золотые или их имитации – брактеаты (Thierry, Morrisson, 1994; Lin Ying, 2003a, 2003b, 2005; Szmoniewski, 2012), а также серебряные сасанидские монеты (Thierry, 1993). Реже встречаются лишенные изображений золотые бляшки – пластиинки. Феномен присутствия монет, как и других нетипичных предметов, выполненных из золота и серебра, на территории китайского Туркестана, является результатом различных импульсов, которые шли сюда как вдоль Шелкового пути с запада, так и с территории Китайской империи. Это сложное явление, однако, требует серьезных сравнительных исследований, как в области погребальных традиций вдоль Шелкового пути, так и поселений народности Хань на территории собственно Китая. По мнению китайских исследователей, этот феномен в северо-западном Китае следует связывать с китайским обычаем вкладывать в рот умершего различные предметы (Xia, 1961). Это должна была быть локальная китайская, с очень древними корнями, традиция, отличная от обычая «обола мертвых», известного из круга греческо-римской цивилизации (Koenig, 1982). По-другому видит этот вопрос Франсуа Тьери де Круссол (Thierry de Crussol, 2000). Он обсуждает проблематику обычая так называемого обола Харона – вкладывания монеты в рот умершему – на территории северо-западного Китая. Автор полемизирует с концепцией Xia Nai о происхождении этого обычая из круга цивилизации Хань, указывая, что, действительно, собственно в Китае в рот умершим вкладывали прежде всего нефрит, но также и жемчуг, китайские монеты, кусочки золота или серебра, но никогда не вкладывали импортированные золотые монеты, в интересующем нас случае, византийские. Этот обычай называется *fanhan*, что означает «накормить и наполнить рот» или «наполнить рот». Французский исследователь идет дальше в своих рассуждениях и сравнивает элементы обряда населения, занимавшего территории, соседствующие с территорией могильника в Астане, ищет генезис этого явления также у тюрков, эфталитов и Жуаньжуань, но не находит. По мнению Ф. Тьери де Круссол мы имеем дело с локальным феноменом вкладывания золотых монет в рот умершего, возможно, под определенным влиянием китайской традиции, однако отсутствие данных ранее V века не позволяет однозначно идентифицировать генезис этого явления.

Если вернуться к аварам, то Иштван Бона предположил возможность среднеазиатского генезиса вкладывания монет в могилы. Этот обычай должен был быть им известен перед прибытием в Европу (Bóna, 1980. S. 89). В европейских поселениях авар находят с различной частотой погребения с монетами. Как и в Синьцзян, находят два их типа: монеты и их имитации (Wołoszyn, 1997). М. Волошин выделил среди монет из аварских погребений два вида: современные аварскому осадничеству (заселению) и вторично использованные – римские. Среди имитаций доминируют два вида с аверсом или реверсом, а также гладкие кружки – пластиинки. Римские монеты присутствуют довольно часто в аварских погребениях (Wołoszyn, 1997).

С. 162), в основном они были отчеканены в IV в., что объясняется не симпатией авар и позднее венгров к этим монетам, а их огромным производством, и следовательно, большой доступностью (*Wołoszyn*, 1997. С. 162).

Подытоживая эти рассуждения, генезис обычая кладь монеты в аварских погребениях не является однозначным. С одной стороны, нельзя отрицать возможность того, что авары познакомились с обычаем кладь монеты в погребения где-то в Средней Азии, но, однако, более правдоподобно, что они с ним столкнулись в широком масштабе в Европе, а именно в Среднем Подунавье. Тогда следование этому обычанию приобрело интенсивность, вероятно, благодаря контактам с древним населением, практикующим «обол Харона». Здесь следует отметить, что монеты в погребениях на территории Аварского каганата встречаются намного чаще, чем в погребениях из Средней Азии.

В Средней Азии в государствах-оазисах, лежащих вдоль Шелкового пути, следует также считаться с практикованием очень различных культурных традиций. Особенное место здесь занимает регион Турфан, который становится своеобразным котлом, в котором смешиваются различные, часто отличные друг от друга и локально переработанные традиции. С одной стороны, они уходят своими корнями к греческим обычаям, постепенно распространявшимся в Средней Азии со временем Александра Великого, а с другой, сильно связаны с богатой символическими значениями культурой Хань. Этую картину дополняют влияния из иранского и степного мира, которые также оставили заметный след.

ЛИТЕРАТУРА

- Лубо-Лесниченко Е. И., 1984. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи / Отв. ред. Б. А. Литвинский. М.: Наука. С. 108–120.
- Alram M., 2001. Coins and the Silk Road, in Monks and Merchants // Silk Road Treasures from Northwest China, Gansu and Ningxia, 4th – 7th Century / Eds. A. Juliano, J. Lerner. New York: Abrams and Asia Society. P. 271–291.
- Bóna I., 1980. Studien zum frühmittelalterlichen Reitergrab von Szegvár // AAASH. T. 32. S. 31–95.
- Koenig G., 1982. Frühbyzantinische und sassanidische Münzen in China // Geld aus China. Ausstellungskatalog. Köln: Landesmuseum Bonn. S. 90–108.
- Kolniková E., 1967. Obolus mŕtvych vo včasnostredovekých hrobach na Slovensku // Slovenská Archeológia. T. XV-1. P. 189–254.
- Lin Ying, 2003a. Western Turks and Byzantine gold coins found in China // Transoxiana. 6. http://www.transoxiana.org/0106/lin-ying_turks_solidus.htm
- Lin Ying, 2003b. Sogdians and Imitations of Byzantine Gold Coin Unearthed in the Heartland of China // Ěrān ud Anērān: Studies presented to Boris Illich Marshak on the Occasion of His 70th Birthday / Eds. M. Comparetti, P. Raffetta, G. Scarcia. Venezia: Libreria Editrice Cafoscari. P. 389–401.
- Lin Ying, 2005. Byzantine Gold Coin found in China and the Monetary Culture along the Silk Road // The Silk Road. № 3 (2). P. 16–20.
- Stevens S. T., 1991. Charon's Obol and other Coins in Ancient Funerary Practice // Phoenix. Vol. 45/3. P. 215–229.

- Suchodolski S.*, 1993. Les débuts de l'obole des défunts en Europe centrale au haut Moyen Age // Homenage al Dr. Leandre Villaronga. Barcelona: Societat Catalana d studis Numismatis Filial de l' Institut d'Estudis Catalans. P. 347–353. (Acta Numismatica 21–22–23).
- Szmoniewski B.Sz.*, 2012. The Byzantine coins on the Silk Road – some comments // Serica – Da Qin. Studies in Archaeology Philology and History on Sino-Western Relations (Selected Problems) / Red. G. Malinowski, A. Paroń, B.Sz. Szmoniewski. Wrocław: Wydawnictwo GAJT. C. 41–50.
- Thierry F.*, 1993. Sur les monnaies sassanides trouvées en Chine // Res Orientales. V. P. 89–139.
- Thierry F., Morrisson C.*, 1994. Sur les monnaies byzantines trouvées en Chine // Revue Numismatique. 36. P. 109–145.
- Thierry de Crussol F.*, 2000. Obol à Charon et rite Fanhan. A propos des monnaies déposées dans la bouche de morts de la nécropole d'Astana // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest; Napoli; Roma: Archäologisches Institut der UAW. P. 323–329. (Varia Archaeologica Hungarica; X).
- Travaini L.*, 2004. Saints and Sinners: Coins in Medieval Italian Graves // Numismatic Chronicle. CLXIV. P. 159–181.
- Wołoszyn M. (Kozub)*, 1997. Idea obola zmarłego we wczesnym średniowieczu na podstawie znalezisk z terenu Kaganatu Awarskiego // Гісторична–Археалагічны Зборнік. 11. Мінск. С. 162–167.
- Xia Nai*, 1961. Zhongguo zuijin faxian de Bosi Sashan chao yinbi // Kaoguxue lunwenji. C. 117–128.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахмедов Илья Рафаэлевич

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: i_akhmedov@mail.ru

Бгажба Олег Хухумович

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, Сухум, Абхазия

e-mail: valenti74@yandex.ru

Белоцерковская Ираида Васильевна

Государственный исторический музей, Москва, Россия

e-mail: beloc-irina@yandex.ru

Берлизов Николай Евгеньевич

Краснодарский государственный университет культуры и искусств, Краснодар, Россия.

e-mail: berlizov@mail.ru

Васильева Екатерина Евгеньевна

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: xygaida@mail.ru

Ворошилов Алексей Николаевич

Институт археологии РАН, Москва, Россия

e-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

Ворошилова Ольга Михайловна

Институт археологии РАН, Москва, Россия

e-mail: helga-mir@yandex.ru

Габелия Алик Николаевич

Абхазский государственный университет, Сухум, Абхазия

e-mail: agabelia@mail.ru

Габуев Тамерлан Александрович

Государственный музей искусства народов Востока, Москва, Россия

e-mail: tgabuev@orientmuseum.ru

Гавритухин Игорь Олегович

Институт археологии РАН, Москва, Россия

e-mail: gavritukhin@rambler.ru

Гмыря Людмила Борисовна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН,

Махачкала, Россия

e-mail: lgmyrya@mail.ru

Гопкало Оксана Викторовна

Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина
e-mail: hopkalo@gmail.com

Демиденко Сергей Викторович

Институт археологии РАН, Москва, Россия
e-mail: svdemidenko@hotmail.com

Джонуа Аркадий Иванович

Абхазский государственный музей, Сухум, Абхазия
e-mail: arkadi100@rambler.ru

Джонуа Инал Аркадьевич

Министерство культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия,
Сухум, Абхазия
e-mail: inal100@mail.ru

Добровольская Мария Всееволодовна

Институт археологии РАН, Москва, Россия
e-mail: mk_pa@mail.ru

Земцов Григорий Леонидович

Липецкий государственный педагогический университет, Липецк, Россия
e-mail: grizem@rambler.ru

Иштванович Эстер / Istvánovits Eszter

Музей им. Андраша Йожа, Ньиредъхаза, Венгрия
e-mail: istvanov@jam.nyirbone.hu

Кадиева Анна Анатольевна

Государственный исторический музей, Москва, Россия
e-mail: adelgeida85@mail.ru

Казанский Михаил Михайлович / Kazanski Michel

Национальный Центр Научных Исследований (CNRS), Париж, Франция
e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Кайтан Шандор Геннадиевич

Государственное Управление охраны историко-культурного наследия Республики
Абхазии, Сухум, Абхазия
e-mail: shandorikkaitan@mail.ru

Касландзия Наала Валерьевна

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, Сухум, Абхазия
e-mail: naala2011@mail.ru

Коробов Дмитрий Сергеевич

Институт археологии РАН, Москва, Россия
e-mail: dkorobov@mail.ru

Кульчар Валерия / Kulcsár Valéria

Сегедский университет, Сегед, Венгрия
e-mail: vkulcsar@iif.hu

Мастыкова Анна Владимировна

Институт археологии РАН, Москва, Россия
e-mail: amastykova@mail.ru

Медникова Мария Борисовна

Институт археологии РАН, Москва, Россия
e-mail: medma_pa@mail.ru

Нюшков Валентин Александрович

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, Сухум, Абхазия
e-mail: valenti74@yandex.com

Пинар Жил Жуан / Pınar Gil Joan

Римско-германский Центральный музей (RGZM), Майнц, Германия
e-mail: jpinarg@msn.com

Пьянков Алексей Васильевич

ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», Краснодар, Россия
e-mail: a.v.pyankov@rambler.ru

Радюш Олег Александрович

Институт археологии РАН, Москва, Россия
e-mail: radjush1976@gmail.com; radegost@rambler.ru

Сакания Сурам Михайлович

Государственное Управление охраны историко-культурного наследия Республики
Абхазии, Сухум, Абхазия
e-mail: garik-ajsanyg@yandex.ru

Сапрыкина Ирина Анатольевна

Институт археологии РАН, Москва, Россия
e-mail: dolmen200@mail.ru

Семенов Игорь Годович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН,
Махачкала, Россия
e-mail: i_semyonov@pochta.ru

Скаков Александр Юрьевич

Институт археологии РАН, Москва, Россия
e-mail: skakov09@gmail.com

Скворцов Константин Николаевич

Институт археологии РАН, Москва, Россия
e-mail: sn_arch_exp@mail.ru

Стоянова Анастасия Анзоровна

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий». Симферополь, Россия
e-mail: ancient2008@mail.ru

Строков Антон Александрович

Свободный университет (Freie Universität zu Berlin), Берлин, Германия
e-mail: anton-strokov@yandex.ru

Успенский Павел Сергеевич

Институт археологии РАН, Москва, Россия
e-mail: uspenskiy07@mail.ru

Храпунов Игорь Николаевич

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
e-mail: igorkhrapunov@mail.ru

Шаров Олег Васильевич

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: olegsharov@mail.ru

Шмоневский Бартек / Szmoniewski Bartek

Институт археологии и этнологии Польской Академии наук, Краков, Польша
e-mail: barthequeszmoniewski-iaepan@yahoo.fr
bartheque@yahoo.fr

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований. Сухум
- АГМ – Абхазский государственный музей. Сухум
- АГПУ – Армавирский государственный педагогический университет
- АНА – Академия наук Абхазии
- БелГУ – Белгородский государственный университет
- ВИИАЭ – Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Махачкала
- ГИМ – Государственный исторический музей. М.
- ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
- ИАА – Историко-Археологический Альманах. М.; Армавир
- ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР. М.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. М.
- ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук. М.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л.
- КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
- КСИА – Краткие Сообщения Института Археологии. М.
- МАК – Материалы археологии Кавказа. М.
- МИА – Материалы и Исследования по Археологии СССР. М.; Л.
- МАИЭТ – Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии.
Симферополь
- ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра Российской академии наук
- РА – Российская археология. М.
- РГБ – Российская государственная библиотека
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.
- ХНУ – Харьковский национальный университет
- AAASH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
- BAR – British Archaeological Reports. Oxford

Научное издание

**Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности
и начале средневековья: археологические данные**
Материалы международной научной конференции

Дизайн и верстка: В. Б. Степанов

Подписано к печати 27.04.2015. Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 256 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии:

ISBN 978-5-94375-179-0

9 785943 751790